

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065

**1(53)
2025**

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 г.

Редакционная коллегия:

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин, *д.ф.н., г.н.с.*

Главный редактор

А. Н. Чумаков, *д.ф.н., проф.*

Алешковский И. А., *к.э.н., доц. (Россия)*; Ивахнюк И. В., *д.э.н., проф. (Россия)*; Калачёв Б. Ф., *к.ю.н. (Россия)*; Калининченко П. А., *д.ю.н., проф. (Россия)*; Кацура А. В., *к.ф.н. (Россия)*; Кефели И. Ф., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Мамедов Н. М., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Махаматов Т. М., *д.ф.н., проф.*; Митрофанова А. В., *д. полит. н., проф. (Россия)*; Режабек Б. Г., *к.б.н. (Россия)*; Рыбальский Н. Г., *д.б.н., проф. (Россия)*; Снакин В. В., *д.б.н., проф. (Россия)*; Стычинский М. С., *к.ф.н. (Россия)*; Шестова Т. Л., *д.ф.н., проф. (Россия)*.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И., *д.и.н., проф. (Россия)*; Акаев А. А., *д. физ.-мат. н., акад. РАН (Киргизия)*; Ань Цинянь, *Ph.D., Prof. (Китай)*; Ближковский П., *Dr.Sc. (Бельгия)*; Вебер А. Б., *д.и.н., г.н.с. (Россия)*; Грачев В. А., *д.т.н., чл.-корр. РАН (Москва)*; Гэй У., *Ph.D., Prof. (США)*; Данилов-Данильян В. И., *д.э.н., чл.-корр. РАН (Россия)*; Дафферн Т., *Ph.D. (Великобритания)*; Ильин И. В., *д. полит. н., проф. (Россия)*; Киш Э., *Ph.D., Prof. (Венгрия)*; Коротаев А. В., *д.и.н., проф. (Россия)*; Кучуради И., *Ph.D., Prof. (Турция)*; Лисеев И. К., *д.ф.н., проф. (Россия)*; Мазур И. И., *д.т.н., проф. (Россия)*; Сабден О. С., *д.э.н. (Казахстан)*; Сергеев М. Ю., *Ph.D., Prof. (США)*; Теймури В., *Ph.D., Prof. (Иран)*

Адрес редакции:

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А,
МГУ, факультет глобальных процессов.
Тел.: 8(495) 939-43-23. E-mail: chumakov5@yandex.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru. Сайт: www.socionauki.ru
DOI: 10.30884/vglob/2025.01.00

СОДЕРЖАНИЕ

EXCLUSIVE

Кучуради И., Макбрайд В., Скарантино Л. М., Чумаков А. Н. Философия перед лицом мировых проблем в XXI в.....	3
--	---

ТЕОРИЯ

Кузьмин С. Б. Проблемы и перспективы глобализации риска природопользования.....	25
Саямов Ю. Н. Глобализация и деглобализация: две стороны одной медали.....	39

В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Акаев А. А., Мусиева Д. М. БРИКС – платформенная модель для ускоренного формирования нового равноправного многополярного мироустройства и справедливой глобальной системы управления.....	50
Герасимов В. И., Коданева С. И. Место и роль БРИКС в формировании нового миропорядка	63

ГЛОБАЛЬНОЕ КИБЕРПРОСТРАНСТВО

Волков Ю. Г., Воденко К. В. Цифровая личность: горизонты новой креативности.....	77
Мосакова Е. А., Шмелева М. А. Наднациональное крипторегулирование: необходимость или возможность.....	86
Стычинский М. С. Проблемы патриотического воспитания в условиях глобального информационного мира	94
Белоусова А. М. Особенности формирования глобального информационного пространства на примере медиакорпорации News Corp	104

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Кудинова Г. Э., Розенберг А. Г., Розенберг Г. С. Экология культуры и культурная экология: утопия, метафора, теория, единство?.....	113
Уланов М. С., Андреева А. А. Буддийская культура и проблемы экологии.....	129
Вершинина И. А., Лядова А. В., Мартыненко Т. С., Григорьева Е. А. Неоколониальное измерение зеленой экономики.....	139

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Ильин В. В. Россия и Запад: в единстве – сила.....	151
Мамедова Н. М. Российская идентичность: социокультурный контекст ...	167
Ерохина Е. В., Максименко Е. И. Суверенный подход России к формированию семейно-правовых ценностей в контексте глобальных вызовов ...	178

ЮБИЛЕИ

Аскару Акаевичу Акаеву – 80 лет.....	188
--------------------------------------	-----

IN MEMORIAM

Александр Борисович Вебер (21.03.1929–28.06.2024)	190
---	-----

EXCLUSIVE

ФИЛОСОФИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ МИРОВЫХ ПРОБЛЕМ В XXI В.*

Кучуради И., Макбрайд У., Скарантино Л. М., Чумаков А. Н.**

Статья посвящена месту и роли философии в глобальном мире и ответственности философов за решение проблем мирового развития. Ее появление инициировано крупнейшими международными философскими форумами, состоявшимися в 2024 г., где эта тема была в центре внимания. Основу данного материала составляют интервью трех наиболее влиятельных философов мирового уровня, каждый из которых в течение пяти лет был президентом Всемирной федерации философских обществ (МФФО/FISP), а теперь они являются почетными президентами этой самой авторитетной международной философской организации. Публикация такой статьи в журнале «Век глобализации» является неординарным событием с точки зрения как философии, так и глобалистики, поскольку здесь представлены авторитетнейшие мнения по актуальным проблемам современности, которые волнуют

* **Для цитирования:** Кучуради И., Макбрайд У., Скарантино Л. М., Чумаков А. Н. Философия перед лицом мировых проблем в XXI в. // Век глобализации. 2025. № 1. С. 3–24. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.01.

For citation: Kuçuradi I., McBride W., Scarantino L. M., Chumakov A. N. Philosophy in the Face of Global Problems in the 21st Century // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 1. Pp. 3–24. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.01 (in Russian).

** Кучуради Иоанна – профессор, почетный президент Международной федерации философских обществ (FISP), директор Центра по правам человека Университета Мальтепе (Стамбул, Турция). E-mail: ioannakucuradi@maltepe.edu.tr.

Ioanna Kuçuradi – Professor, Honorary President of the International Federation of Philosophical Societies (FISP), Director of the Centre of Human Rights, Maltepe University (Istanbul, Turkey). E-mail: ioannakucuradi@maltepe.edu.tr.

Макбрайд Уильям Л. – профессор, почетный президент Международной федерации философских обществ (FISP), заслуженный профессор философии Университета Пердью (Уэст-Лафайет, США). E-mail: wmcbride@purdue.edu.

William L. McBride – Professor, Honorary President of the International Federation of Philosophical Societies (FISP), Distinguished Professor of Philosophy, Purdue University (West Lafayette, USA). E-mail: wmcbride@purdue.edu.

Скарантино Лука Мария – почетный президент Международной федерации философских обществ (FISP), главный редактор журнала “Diogenes”, профессор философии Университета дельи Студи ди Бари Альдо Моро (г. Бари, Италия). E-mail: lucamaria.scarantino@gmail.com.

Luca M. Scarantino – Honorary President of the International Federation of Philosophical Societies (FISP), Editor-in-chief of the journal “Diogenes”, Professor of Philosophy, Università degli Studi di Bari Aldo Moro (Bari, Italy). E-mail: lucamaria.scarantino@gmail.com.

Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: chumakov5@yandex.ru.

Alexander N. Chumakov – Dr. Phil., Professor of the Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: chumakov5@yandex.ru.

российских и зарубежных не только философов, но и различных специалистов в области глобальных исследований.

Ключевые слова: глобализация, философия глобального мира, глобалистика, философское сообщество, мировая философия, конференция, культура, диалог.

PHILOSOPHY IN THE FACE OF GLOBAL PROBLEMS IN THE 21ST CENTURY

The article is devoted to the place and role of philosophy in the global world and to the responsibility of philosophers for solving the problems of world development. Its appearance was initiated by the major philosophical forums held in 2024, where this topic was in the spotlight. This material is based on interviews with three of the world's most influential philosophers, each of whom was the President of the International Federation of Philosophical Societies (FISP) for 5 years; and now they are Honorary Presidents of this most authoritative international philosophical organization. The publication of such an article in the journal "Vek Globalizatsii" is an extraordinary event both from the point of view of philosophy and global studies, since it presents the most authoritative opinions on current problems of our time that concern Russian and foreign not only philosophers, but also other specialists in the field of global studies.

Keywords: globalization, philosophy of the global world, global studies, philosophical community, world philosophy, conference, culture, dialogue.

3–4 октября 2024 г. в Анкаре состоялась Международная конференция «Философия перед лицом мировых проблем в XXI в.». Она была организована в связи с 50-летием Философского общества Турции, что совпало также с 88-летием (4 октября) инициатора создания и президента этого общества, всемирно известного философа и выдающегося организатора науки, профессора Иоанны Кучуради. В работе конференции приняли участие многие известные турецкие и зарубежные ученые, а также большое количество преподавателей, аспирантов и студентов из различных турецких университетов.

Помимо выступлений официальных лиц, представлявших государственные и общественные организации Турции, а также ЮНЕСКО, программа конференции включала широкий спектр проблем современного мира, что в полной мере соответствовало общей теме конференции, практически повторившей название состоявшегося в 2003 г. в Стамбуле XXI Всемирного философского конгресса – «Философия перед лицом мировых проблем» [Итоги... 2003: 10–92]. Это почти полное совпадение тем двух международных философских форумов, разделенных двумя десятилетиями, стало далеко не случайным; оно отразило ту предельную обеспокоенность не только турецкой, но и мировой философии глобальной тематикой и нарастающими глобальными вызовами, которые сегодня, как никогда прежде, угрожают мировому сообществу.

О том, что это именно так, говорят уже сами названия докладов, с которыми на конференции в Анкаре выступили известные представители мировой философии и общественные деятели:

– «Ценность и смысл: два ориентира в стремлении понять наше время» (проф. И. Кучуради);

- «Равные в своем достоинстве и способные свободно выражать свои мысли, настал момент заявить – “Мы, народы”» (проф. Федерико Майор Сарагоса);
- «Жизнестойкость истины» (проф. Ерсу Ким);
- «Философия и война» (проф. Уильям Л. Макбрайд);
- «Роли и задачи философов в многополярном мире» (проф. Лука Мария Скарантино);
- «Современный мир с точки зрения Латинской Америки» (проф. Габриэль Варгас Лозано);
- «Глобальный Юг как философская проблема» (проф. Никола Фоз);
- «Глобальный мир как новейшая тема современной философии» (проф. А. Н. Чумаков);
- «Корпоративные обязанности в трудные времена» (проф. Клаус Лейзингер);
- «Макро- и микроаспекты этнических конфликтов на глобальном и региональных уровнях – растущее недоумогание XXI в.» (проф., д-р Бхуван Чандель);
- «И. Кант о законах и пределах политической философии» (проф. Отфрид Хеффе);
- «Стамбульские семинары Философского общества Турции» (проф. Бетюль Чотуксокен);
- «Работа Философского общества Турции по философии права и прав человека» (проф. Гюльриз Уйгур);
- «Неолиберализм, бедность и права человека» (проф. Хусейн Озел);
- «Расист не говорит “я расист”: Происхождение и экономические корни расизма и практика поиска “виноватых”» (проф. Синан Озбек);
- «Проблемы глобальной миграции с философской точки зрения» (проф. Берфин Карт Тепе);
- «Изменение климата как экзистенциальный кризис» (доц., д-р Джейхун Акин Чингиз);
- «Мировой порядок и глобальная безопасность в XXI в.: философское исследование» (проф. Ричард Фальк) и др.

Специальные обсуждения были посвящены таким темам, как ««Биоэтические исследования Философского общества Турции», «Взгляд Философского общества Турции на мировые проблемы» и др.

По характеру и направленности обсуждаемых проблем данная конференция стала, по существу, продолжением состоявшегося 1–8 августа 2024 г. в Риме XXV Всемирного философского конгресса «Философия без границ», где философское осмысление глобальной тематики было широко представлено в различных форматах и на различных площадках [XXV World... 2024; Scarantino 2024b; Лазаревич, Салеев 2024].

Так, на **пленарном заседании** обсуждалась тема «Жить в устойчивом мире»; среди **приглашенных сессий** следует выделить такие из них, как «Философские размышления о современности в контексте глобализации», «Глобальная этика: как возобновить эту дискуссию перед лицом глобальных кризисов?», «Глобальная эстетика и проблема бытия и небытия»; в **диалогических сессиях** в контексте нашего разговора две из них заслуживают особого внимания: «Гостеприимство в глобальном мире» и «Толерантность в мультикультурном мире». Среди других направлений работы конгресса выделим, в частности, такие **секции**, как «Экологическая философия и устойчивое развитие», «Философия глобализации и мигра-

ции», «Философия наук о жизни»; симпозиум «Биоразнообразие и окружающая среда»; специальную лекцию «От беспокойства о населении к страхам перед иммиграцией: контролируемые образы, экоинтерсекциональные альтернативы». Наконец, среди более 20 **круглых столов**, посвященных непосредственно глобальной тематике, назовем только некоторые из них: «Философия. Глобализация. Образование и мир», «Межкультурный диалог в многополярном мире», «Глобализация и социальная эпистемология», «Новые взгляды на будущее цивилизации», «Философия мира против войны и насилия», «За пределами истории – представление о будущем здоровой планеты», «Каковы концептуальные основы глобальных отношений между народами?», «Экологическая этика и уязвимость» и др.

Анализируя наиболее важные мировые философские события последних лет, трудно не обратить внимание на то, что по прошествии всего-то двух месяцев после состоявшегося в Риме XXV Всемирного философского конгресса на Международной философской конференции в Анкаре во главу угла снова были поставлены глобальные вызовы и обусловленные ими социальные диспропорции. Таким образом, конференция еще больше заострила проблему обращения мировой философии к глобальной тематике, побуждая тем самым философов осознать свою особую роль и ответственность за судьбу человечества и перспективы мирового развития.

К чести отечественной философии, благодаря таким ее представителям, как В. И. Вернадский, И. Т. Фролов, Н. Н. Моисеев, Д. М. Гвишиани, А. Д. Урсул, Э. В. Гирусов, В. В. Загладин, Б. Г. Юдин, Г. С. Гудожник, И. В. Бестужев-Лада, И. Б. Новик, Р. С. Карпинская, В. А. Кобылянский, Э. А. Араб-Оглы, Г. С. Хозин, А. И. Костин, Н. М. Мамедов, В. А. Лось, И. К. Лисеев, И. Ф. Кефели, А. А. Горелов, В. М. Лейбин, А. В. Кацура и мн. др. [Глобалистика... 2016; Global... 2017], она сыграла ключевую роль уже на начальных этапах формирования глобалистики, заложив прочный теоретико-методологический фундамент этой новой междисциплинарной области научного знания [Глобалистика... 2003: 204–209; Global... 2014].

Однако если в этой связи обратиться к современной российской философии и ее «интересу», «вниманию» к *глобальной тематике* или хотя бы к традиционным для русской философии *проблемам взаимодействия природы и общества*, которые сегодня еще более актуальны, чем прежде, то ситуацию здесь не получится охарактеризовать иначе как утратой наших позиций не только в мировой, но и в отечественной философии. Достаточно в этой связи сопоставить то, что было сказано выше относительно мировой философии, с количеством российских философских мероприятий последних лет и содержанием их программ, где глобальная тематика фактически отсутствует. Также с конца прошлого века, а в последние годы и вовсе у нас практически не стало защит философских кандидатских и докторских диссертаций по глобальной или природоохранной тематике. Быть может, кто-то скажет, что это уже не актуально, или философия здесь ни при чем?!

С учетом сказанного и принимая во внимание ограниченные возможности российских философов участвовать в международных конференциях, в том числе их минимальное, по сути символическое, присутствие на последнем Всемирном философском конгрессе (Рим, 2024)¹, а также то, что на юбилейной конференции

¹ В этой связи достаточно обратиться к Программе XXV Всемирного философского конгресса (см.: <http://wcprome2024.com/>).

в Анкаре с пленарными докладами выступали сразу три почетных президента Всемирной федерации философских обществ (И. Кучуради, У. Макбрайд и Л. М. Скарантино), главный редактор журнала «Век глобализации» проф. А. Н. Чумаков обратился к ним с предложением ответить на вопросы, которые представляют особый интерес для российских философов и читателей журнала «Век глобализации». Выражая благодарность этим всемирно известным философам за согласие на такое предложение, публикуем ниже ответы на заданные им вопросы.

Интервью с проф. И. Кучуради

Иоанна Кучуради (род. 04.10.1936) – всемирно известный турецкий философ, профессор, руководитель научно-прикладного Центра философии прав человека университета Мальтепе в Стамбуле, Почетный президент Международной федерации философских обществ (МФФО), президент Турецкого философского общества. В 1959 г. окончила Стамбульский университет, там же в 1965 г. защитила докторскую диссертацию и начала научно-преподавательскую деятельность. С 1997 по 2005 г. И. Кучуради была основателем и директором Центра исследований и применения философии прав человека в Университете Хаджеттепе (Анкара) и директором магистерской и докторской программ по правам человека. С 1998 г. она заведует кафедрой философии ЮНЕСКО. Профессор Кучуради играет огромную роль в организации международного сотрудничества философов. С 1983 г. она была членом Руководящего комитета, в 1993–1998 гг. – генеральным секретарем, а в 1998–2003 гг. – президентом Международной федерации философских обществ (МФФО). Входила в состав Международного фонда защиты прав человека и в Высший консультативный совет по правам человека при Премьер-министерстве Турции (председатель в 1994–1996 гг.). С 2010 г. – президент Афро-азиатской философской ассоциации. В 2014 г. была избрана президентом Международного института философии (Париж). Она широко известна своими исследованиями проблем аксиологии и этики, где мораль рассматривается как основа ценностного отношения человека к миру и первостепенное внимание уделяется интеллектуальному аспекту этического выбора [Кучуради 2016; Papers... 2009]. Всеобщее признание получили ее работы в области теории и практики прав человека [Кучуради 2018; The Idea... 1995; Human... 2002; Kuçuradi 2013; Human...2011], а также исследования ключевых мировых проблем и роли философии в их решении [Кучуради 2004; 2008; Philosophy... 1986; 2007].

* * *

А. Чумаков: *В 2024 г. исполнилось 50 лет со дня образования Философского общества Турции, инициатором создания и ученым секретарем, а с 1979 г. – президентом которого Вы являетесь. Что послужило импульсом для создания философского общества Турции? Какой путь в своем развитии прошла турецкая философия за этот период и какие особенности турецкой философии Вы хотели бы*

отметить? Какие направления философской мысли получили наибольшее развитие и какие теперь находятся в центре внимания турецких философов?

И. Кучуради: Идея создать философское общество в Турции пришла мне в голову в Варне, когда я вошла в огромное здание, в котором в 1973 г. проходил XV Всемирный философский конгресс. Там располагались офисы многих национальных обществ, и наши коллеги из этих стран помогали философам из своих стран ориентироваться в этом огромном здании и предоставляли информацию о работе, проделанной в их странах. Именно тогда я решила основать Философское общество Турции и, вернувшись в Анкару, осуществила это. Философский факультет, который я основала в 1969 г., был третьим философским факультетом в Турции. В настоящее время у нас 67 философских факультетов в университетах по всей Турции. На этих факультетах представлены почти все различные философские школы. Мои коллеги, которые учились за границей, обычно приносили в философию подход тех факультетов, на которых они учились. Оригинальным достижением является развитие философской антропологии, которое началось с проф. Такиеттина Менгушогулу и продолжает развиваться по сей день на ряде философских факультетов по всей Турции. Я могла бы назвать немало своих коллег, чья работа развивается в этом направлении, но назову только троих из них: это проф. Бетюль Чотукшокен, проф. Харун Тепе, проф. Севги Шахинтюрк.

Если оставить в стороне исторические исследования или, например, логический эмпиризм, который был в центре внимания ряда университетов, то теперь они уступили свое место этике и смежным философским дисциплинам.

А. Ч.: *Как турецкая философия представлена в мировом философском сообществе? С какими странами и философскими сообществами, философскими системами сложились наиболее тесные и продуктивные творческие и деловые отношения? Как часто и как много проводится международных конференций и других философских мероприятий в самой Турции и насколько активно участвуют турецкие философы в таких научных мероприятиях за пределами своей страны? Сталкиваются ли они с какими-то проблемами или трудностями в решении таких вопросов?*

И. К.: Турецкие философы участвуют в философских встречах, организуемых по всему миру. Однако процент тех, кто участвует во встречах, проводимых в европейских странах и США, намного выше, чем тех, кто участвует во встречах, проводимых в Азии, Африке и Южной Америке. Основная причина этого в том, что они провели часть своих исследований в этих странах. Большинству моих коллег, особенно молодым, нелегко участвовать в конференции в стране, расположенной на большом расстоянии, без общественной поддержки.

А. Ч.: *С 10 по 17 августа 2003 г. в Стамбуле проходил XXI Всемирный философский конгресс. Вы были председателем Оргкомитета этого конгресса, и тогда же Вы были избраны президентом Международной федерации философских обществ (МФФО). Основная тема этого конгресса была «Философия перед лицом мировых проблем». Тогда большинство российских философов прибыли в Стамбул на «Философском пароходе» и провели презентацию первого в истории науки издания энциклопедии «Глобалистика» на русском и английском языках [Глобалистика... 2003; Global... 2003]. Мы благодарны Вам за всемерную поддержку это-*

го проекта, что вызвало позитивный резонанс в русскоязычном философском сообществе. А какие особенности проведения состоявшегося тогда конгресса Вы выделили бы теперь и как, по Вашему мнению, этот конгресс повлиял на развитие мировой, и в частности турецкой философии?

И. К.: Я очень хорошо помню «Философский пароход», прибывший тогда из России [Чумаков 2023: 73–179]. Я посетила его по Вашему любезному приглашению. Мы не в первый раз становимся свидетелями Вашей необычайной способности организовывать редкие философские встречи. Я никогда не забуду «Философский поезд» и наши встречи с коллегами из разных университетов Сибири [Там же: 229–420].

Эти встречи, а также другие предпринятые мной попытки и другие мероприятия, которые я продвигала в течение 10 лет на посту Генерального секретаря Федерации, а затем и президента, придали новый импульс изучению философии в незападных странах, а также в Турции, среди которых также провозглашение Всемирного дня философии и философии для детей [Kuçuradi 2009].

А. Ч.: С 2007 г. Вы являетесь почетным президентом Международной федерации философских обществ и многие годы активно участвуете в работе этой международной организации, под эгидой и непосредственным руководством которой и проходят Всемирные философские конгрессы.

– Насколько эффективна эта организация и проводимые ею Всемирные философские конгрессы с учетом тех вызовов, которые ставит перед человечеством XXI век?

– Какие наиболее важные проблемы и задачи стоят сегодня перед мировой философией и с какими наиболее серьезными трудностями, на Ваш взгляд, сталкивается современная мировая философия?

– Как Вы оцениваете роль и возможности философии содействовать решению мировых проблем и что конкретно могут и должны делать философы в этом отношении с учетом современных реалий?

И. К.: Одной из основных задач, которые я пыталась решить в Международной федерации философских обществ (МФФО), было расширение сфер его работы. Как ведущая философская организация МФФО не должна ограничиваться только организацией Всемирных философских конгрессов, но должна выявлять и продвигать любую интеллектуальную деятельность, которая способствует «гуманизации человечества». Вы, наверное, помните: одним из девизов после Второй мировой войны был «мир и разоружение». Сегодня мы наблюдаем гонку вооружений и то, что я могла бы перевести на английский как «примитивность цивилизации», что является противоречием в терминах.

Как я часто повторяю, неправильное представление о свободе привело человечество к так называемой эпохе постмодерна, девизом которой, как вы знаете, является «все возможно», что означает, что во всем, что мы делаем, нет разницы в этической ценности. И это неправда.

Вот почему мы должны уделять внимание этическому воспитанию как знанию, а не как культурному ценностному суждению, а также четко сформулированным правам человека на всех этапах образования, в том числе и на заочной форме обучения. Мы должны помогать нашим детям развивать не только их когнитивные способности, как это часто бывает сейчас, но и их этические способ-

ности. Дети 12–15 лет, посмотрев интервью, сделанное со мной по таким вопросам, просят своих родителей или учителей отвести их ко мне, чтобы поговорить со мной.

Можем ли мы научить наших детей видеть этические проблемы или проблемы прав человека в том, на что они смотрят? Это важный вопрос, потому что многие люди не способны видеть то, на что они смотрят.

А. Ч.: *В связи с 50-летием Философского общества Турции 3–4 октября 2024 г. в Анкаре состоялась международная конференция, которая была посвящена той же теме, что и конгресс в Стамбуле, только с позиции современных реалий, а именно – «Философия перед лицом мировых проблем в XXI в.». Очевидно, что это сходство не случайно. Так ли это?*

И. К.: Конечно, это не случайно. Это была попытка представить изменения, произошедшие за последние 20 лет. Насколько нам это удалось? Вы были там, уважаемый Александр. Мы были бы рады узнать Ваш ответ на этот вопрос.

А. Ч.: Несомненно, и замысел конференции, и результаты ее работы, как мне представляется, полностью себя оправдали. Особенно я был впечатлен широким спектром обсуждавшихся проблем, которые касались различных аспектов современной глобалистики, о чем говорят уже сами названия докладов, с которыми выступали как турецкие, так и иностранные участники конференции. С другой стороны, уровень анализа и обсуждения этих проблем был на очень высоком уровне и, что особенно ценно (в контексте перемен в глобальных исследованиях за последние 20 лет), много внимания было уделено гуманитарным аспектам глобальной тематики, в частности проблемам культуры, цивилизации, правам человека, гражданскому обществу, этике. Например, открывая эту конференцию, Вы выступили с основным пленарным докладом «Ценность и смысл: два ориентира в стремлении понять наше время». Почему Вы выбрали именно эту тему для доклада и какие основные идеи Вы выделили бы в своем выступлении?

И. К.: Поиск смысла в нашей жизни – это человеческий феномен. И все же люди придают значение чему угодно, чтобы уйти от реальных проблем, они придают значение не только ценным вещам, но и чему угодно. В качестве примера можно привести «маленького старичка» из «Чумы» А. Камю, который каждый день после обеда открывает окно и тихим голосом подзывает кошек, разбрасывая кусочки белой бумаги; и когда несколько кошек, привлеченных белыми листками, проходят под его окном, старик плюет на них. А когда один из его плевков «достигает своей цели», он улыбается. Но вы также можете вспомнить мать Терезу и Альберта Швейцера.

Выражая это в одном предложении, я попыталась отразить те смысловые установки, которые мы даем, и привести примеры оценок, лежащих в их основе.

А. Ч.: *Вы получили широкое признание в мире как один из самых авторитетных философов, работающих в области этики и прав человека. Как Вы оцениваете с этой точки зрения положение дел в современном мире? В частности, поскольку каждое из почти 200 национальных государств мира имеет свою особую национальную культуру, систему ценностей и религиозные предпочтения, как мы можем прийти к единству взглядов на вопросы этики и прав человека в таких*

условиях? Какие основные проблемы и затруднения Вы видите на пути реализации таких идей и принципов на практике?

И. К.: Я думаю, что один из способов преодолеть этот кажущийся тупик состоит в том, чтобы прояснить термины, которые мы используем, когда смотрим на происходящее; то есть следует избегать присвоения одинаковых названий разным вещам и разных названий разным проявлениям одной и той же вещи, а в нашем случае, прежде всего, избегать путаницы в культурных системах оценочных суждений, то есть не смешивать с этическими ценностями то, что та или иная группа называет «хорошим» и «плохим».

Что мы, философы, можем сделать в этом отношении, так это помочь людям прояснить в их сознании ценностные термины и, возможно, привести примеры того, как можно жить, осознавая ценность и ценностные ориентиры – разумеется, тщательно отличая их от так называемых «оценочных суждений». Как мы можем это сделать? Единого способа сделать это не существует. Мы должны найти наиболее подходящий в разных случаях.

А. Ч.: *Являясь автором солидного творческого наследия и имея богатейший опыт организации философской жизни, какие пожелания, рекомендации или напутствия Вы могли бы дать современным философам, в особенности тем, кто только ступает на этот путь познания?*

И. К.: Мне не нравится давать «советы» или «рекомендации», но я могу предложить их вниманию и осмыслению следующее: во всем, что мы делаем, мы не должны упускать из виду наш объект познания, а в случае норм – по возможности не упускать из виду их предпосылки, то есть не упускать из виду причину (причины), по которой что-то должно или может быть сделано в существующих условиях, по сравнению с другими возможностями действовать в тех же условиях – и делать это искренне.

А. Ч.: *Большое спасибо Вам за уделенное время и неизменную поддержку российских философов, которые хорошо знают и высоко ценят Вас, равно как и замечательные результаты Вашей деятельности!*

Интервью с проф. У. Макбрайдом

Уильям Макбрайд (род. 19.01.1938) – широко известный американский философ, заслуженный профессор университета Пердью; почетный президент Международной федерации философских обществ (МФФО). Он получил мировое признание как видный специалист в области политической философии, континентально-европейской философии и философии права, а также как выдающийся организатор науки. У. Макбрайд родился в Нью-Йорке, учился в Джорджтаунском университете и по программе Фулбрайта в Лилле (Франция); затем продолжил философское образование в Йельском университете, где получил степень магистра и доктора философии. Еще девять лет преподавал, прежде чем перейти в университет Пердью. Здесь он был членом Сената университета в тече-

ние нескольких сроков, а также председателем Сената (2003–2004). В феврале 2001 г. он стал почетным профессором философии имени А. Г. Хансена. У. Макбрайд был членом и председателем Комитета по международному сотрудничеству Американской философской ассоциации и, в последнем качестве, членом ее Совета директоров. Он был также соучредителем и первым директором Североамериканского общества Сартра; исполнительным содиректором Общества феноменологии и экзистенциальной философии; первым вице-президентом, а затем президентом Американского общества философии французского языка и президентом Североамериканского общества социальной философии. С 1998 по 2003 г. У. Макбрайд был членом Международной федерации философских обществ, а также членом программного комитета, планировавшего XXI Всемирный конгресс в Стамбуле в 2003 г. Там он был избран генеральным секретарем МФФО на пятилетний срок и стал первым американцем, занявшим эту должность. Затем был избран президентом на следующий пятилетний срок (2008–2013), и в этом качестве председательствовал на XXIII Всемирном философском конгрессе в Афинах в 2013 г. Он является кавалером французского ордена Академических пальм. В 2010 г. получил серебряную медаль Института философии Российской академии наук за «Выдающийся вклад в философию иностранного философа». У. Макбрайд является автором (и соавтором), а также редактором значительного количества книг, статей и критических обзоров [Макбрайд 2003; McBride 1977; 1994; 1999; 2001].

* * *

А. Чумаков: *В октябре 2024 г. в Анкаре по случаю 50-летия Философского общества Турции состоялась международная конференция, посвященная теме «Философия перед лицом мировых проблем в XXI в.». Вы как бывший президент Международной федерации философских обществ (2007–2013), а ныне почетный президент этой организации были одним из пленарных докладчиков на этой конференции. Тема Вашего доклада была «Философия и война». Почему Вы выбрали именно эту тему и какие основные идеи изложили в своем докладе?*

У. Макбрайд: За последние пару лет произошли серьезные войны, угрожающие планете. На рубеже этого столетия, я думаю, существовал определенный уровень оптимизма в отношении вероятности наступления более мирных времен. Тогда я видел, что все это в некотором роде связано с тем, что я считал задачей философии во всем мире – культивировать и продвигать дух общности среди всех народов. Этот дух отвергает войну как средство разрешения разногласий.

Моей главной мыслью в том выступлении было то, что западные философы прошлого в основном считали само собой разумеющимся, что война является такой же неизбежной частью человеческой природы, как еда, страсти и сама смерть. Я предположил, что возможно и должно быть возможным постепенно работать над тем, чтобы избавить грядущие поколения людей от этого предположения и этой реальности. Мне это не кажется невозможным.

А. Ч.: *Как Вы оцениваете уровень состоявшейся конференции, и, в частности, какие направления философской мысли турецких философов привлекли Ваше особое внимание?*

У. М.: Я думаю, что уровень дискуссий на конференции был довольно высоким. Турецкие философы, как правило, очень хорошо образованны, по крайней мере, в истории западной философии, и имеют прекрасный опыт проведения конференций по важным вопросам, которые влияют на мир, а также значительное количество публикаций, основанных на этих конференциях.

А. Ч.: *Вы хорошо осведомлены о состоянии современной мировой философии и хорошо знакомы с философскими системами разных стран. Не могли бы Вы выделить некоторые особенности турецкой философии?*

У. М.: Продолжая свой ответ на предыдущий вопрос, я считаю, что турецкая философия исключительно открыта для философии всего остального мира, особенно западной мысли, и, следовательно, очень глобальна по своему охвату. Они (турецкие философы, которых я знаю и с которыми встречался) действительно интересуются мировой философией и интегрируются с ней. Последние 50 лет были очень впечатляющими. Я должен упомянуть не только о многочисленных конференциях, которые они провели, и о Всемирном философском конгрессе в Стамбуле в 2003 г., но и о выдающейся роли Турции в развитии Международной олимпиады по философии, которая сейчас процветает.

А. Ч.: *С 2007 г. Вы являетесь почетным президентом Международной федерации философских обществ (МФФО) и многие годы активно участвуете в работе этой международной организации. Как давно Вы знакомы с почетным президентом Международной федерации философских обществ и президентом Турецкого философского общества профессором И. Кучуради и как бы Вы оценили годы вашего сотрудничества и ее роль в МФФО?*

У. М.: Я не помню, когда впервые встретился с Иоанной Кучуради, но я хорошо познакомился с ней на Всемирном философском конгрессе в Бостоне в 1998 г., когда я был избран в Руководящий комитет МФФО. Однако я уверен, что общался с ней на предыдущем Всемирном конгрессе в Москве в 1993 г. На протяжении многих лет она играла очень важную роль в МФФО, и ее роль стала еще более важной после того, как, будучи избранной в Москве Генеральным секретарем этой организации, она в 1993–1998 гг. фактически являлась основным контактным лицом с Американской философской ассоциацией (от имени которой я поддерживал связь с организаторами конгресса в Бостоне), поскольку человек, который формально был тогда президентом МФФО, по существу бездействовал. Затем она занимала пост фактического президента в течение следующих пяти лет, что привело к весьма успешному проведению Конгресса в Стамбуле. Я всегда считал ее превосходной во всем, чрезвычайно отзывчивой и, прежде всего, очень, очень компетентной в организационных вопросах.

А. Ч.: *Вы были участником XXV Всемирного философского конгресса, который проходил в Риме 1–8 августа 2024 г. под общей темой «Философия без границ». К сожалению, по объективным причинам многие российские философы не смогли, как прежде, принять участие в этом конгрессе, и поэтому Ваше мнение и оценки состоявшегося форума будут особенно интересны нашим читателям. В частности, как Вам видятся общие итоги прошедшего конгресса и в чем были его отличительные особенности? Какие темы и какие философские проблемы привлекли наибольшее внимание и дискуссии участников конгресса? Какое место*

в программе этого форума заняла тема глобальных исследований, глобализации и глобальных вызовов мировому сообществу?

У. М.: Римский конгресс собрал чрезвычайно много участников, и очень жаль, что объективные обстоятельства, на которые Вы ссылаетесь, не позволили большинству российских философов, которые могли бы принять участие, присутствовать на нем. Обсуждаемые темы были чрезвычайно разнообразными, и, разумеется, вопросы глобализации занимали ряд сессий, хотя, конечно, не большинство. Организаторы конгресса по экологическим соображениям решили не выпускать никаких печатных программ, предложив использовать электронную версию программы, что, на мой взгляд, было ошибкой. Университетский городок, в котором проходил Конгресс, был довольно большим, с несколькими зданиями, расположенными на территории, так что некоторые участники вполне могли не видеть друг друга в течение всего периода. В любом случае, интерес к философии был значительным, реклама была даже на задних сиденьях городских автобусов.

А. Ч.: *С какими наиболее важными проблемами и вызовами сталкивается сегодня мировая философия и какие, на Ваш взгляд, наиболее серьезные трудности она имеет?*

У. М.: Как хорошо известно, существуют вызовы самому существованию философии как вида деятельности. Я думаю, что с этими вызовами можно справиться. Как всегда, существует угроза догматизма, боязни критического мышления со стороны политических и других властей. Но, пожалуй, самая большая опасность, в отношении которой существует значительное согласие, исходит от растущего господства новых технологий, особенно тех, которые известны под общим названием «искусственный интеллект» (тема многочисленных дискуссий на Всемирном конгрессе), которые угрожают навязать единые способы мышления, единые модели сознания, воздействуя на человечество с помощью всепроникающих средств массовой информации.

А. Ч.: *Как Вы оцениваете роль и эффективность Международной федерации философских обществ и проводимых ею Всемирных философских конгрессов, принимая во внимание вызовы, которые ставит перед человечеством XXI век?*

У. М.: Всемирные конгрессы очень эффективны. Популярность Римского конгресса доказывает, что это действительно так. Но они проводятся только раз в пять лет (последний из них был отложен на год из-за эпидемии COVID). Что касается самой Международной федерации философских обществ, то, с другой стороны, у меня есть сомнения. На мой взгляд, она не проявила должного внимания к обществам – членам этой федерации. У нее была возможность привлекать внимание к глобальным проблемам через свой веб-сайт, но за последние несколько лет ей не удалось добиться этого. Она нуждается в обновлении.

А. Ч.: *Как бы Вы оценили роль и возможности философии внести свой вклад в решение глобальных проблем и что конкретно могут и должны делать философы в этом плане, учитывая современные реалии?*

У. М.: Я считаю, что философы должны принимать более активное участие в так называемом «глобальном форуме» идей. Конечно, они не всегда будут согласны друг с другом во всех деталях, но я верю, что среди философов существует кон-

сенсус относительно важности глобального сообщества, важности совместной работы по противодействию серьезным угрозам, с которыми, как мы все знаем, сталкивается человечество. Как я указывал в своем выступлении, уничтожение человечества как вида, которое было бы самоуничтожением, сегодня вовсе не является невозможным. Мы, философы, можем стать позитивной силой, привлекая к этому внимание всего мира и вступая в диалог, чтобы предотвратить это.

А. Ч.: *Как представитель современной американской философии, имеющий обширные философские связи по всему миру, видите ли Вы какие-то существенные различия в содержании и организации философской жизни в США и в других странах, например в России, Китае, Индии, Турции?*

У. М.: У всех нас есть свои национальные и региональные философские организации, и во всех странах, которые Вы упомянули, есть университеты, зачастую со значительными философскими факультетами. Вот почему такое явление, как недавний Всемирный философский конгресс, является возможным: столетие назад участники таких конгрессов приезжали лишь из нескольких западных стран. Я сам много работал, особенно с приглашенными учеными из Китая, и по-прежнему впечатлен уровнем их знаний и заинтересованности. Итак, мой общий ответ на этот вопрос заключается в том, что различия в содержании и организации не так велики, как сходства.

А. Ч.: *Являясь автором солидного творческого наследия и имея богатейший опыт организации философской жизни, какие пожелания, рекомендации или напутствия Вы хотели бы дать современным философам, в особенности тем, кто только ступает на этот путь познания?*

У. М.: Убедитесь в важности своего призвания. Будьте готовы занимать и защищать позиции, которые бросают вызов тому, что может быть ортодоксальным в ваше время и в вашем месте. Если философы не будут стремиться защищать достоинство и ценность человечества, то никто этого не сделает.

А. Ч.: *Большое спасибо за это ценное интервью, которое, надеюсь, с интересом и благодарностью будет воспринято российским философским сообществом и читателями нашего журнала.*

Интервью с проф. Л. М. Скарантино

Лука Мария Скарантино (род. 10.04.1968) – влиятельный итальянский философ, профессор моральной и межкультурной философии в Университете Альдо Моро в г. Бари (Италия), Почетный президент Международной федерации философских обществ (МФФО). В 1993 г. он получил степень бакалавра по философии в Миланском университете, затем продолжил обучение в аспирантуре по эпистемологии в Высшей школе социальных наук в Париже. Там же в 2006 г. защитил докторскую диссертацию, посвященную эволюции итальянского трансцендентализма и его влиянию на социальные науки. Л. М. Скарантино занимал важные должности в философских организациях, в част-

ности с 2008 по 2018 г. был Генеральным секретарем, а с 2018 по 2024 г. – президентом Международной федерации философских обществ. В этом качестве он руководил подготовкой и проведением XXV Всемирного философского конгресса (Рим, 2024). Он также является главным редактором международного философского журнала «Диоген». В целом, Л. М. Скарантино хорошо известен своим значительным вкладом в моральную философию и межкультурный диалог, в том числе в отношении современных глобальных проблем, таких как миграция и культурная интеграция. Он, в частности, утверждает, что для решения сложных проблем современной глобальной динамики необходим межкультурный поворот в западной философии. При этом философ критикует рост политики идентичности и расизма в Европе, подчеркивая, что философские исследования должны выходить за рамки западных традиций и включать в себя различные культурные направления. Эти идеи нашли отражение в его работах, опубликованных на многих языках, в том числе и на русском [Скарантино 2011; 2012; Scarantino 2007; 2008; 2018; 2024a; 2024b].

* * *

А. Чумаков: *В 2024 г. исполнилось 50 лет со дня образования Философского общества Турции. В этой связи 3–4 октября в Анкаре состоялась международная конференция, которая была посвящена теме «Философия перед лицом мировых проблем в XXI в.». Вы как президент Международной федерации философских обществ (МФФО) были одним из пленарных докладчиков на этой конференции. Тема Вашего доклада: «Роли и задачи философов в многополярном мире». Почему Вы выбрали именно эту тему и какие основные идеи Вы изложили в своем докладе?*

Л. Скарантино: Одним из приоритетов в современном мире является переосмысление социальной и культурной роли философов и ученых в целом. В то время как мы становимся свидетелями растущего числа конфликтов и чувствуем, что общий порядок в мире вот-вот кардинально изменится, я считаю, что мы как ученые и особенно как философы призваны взять на себя историческую функцию – функцию обеспечения постоянного научного обмена через политические границы, создания широких академических сетей и, по сути, обеспечения того, чтобы культурные системы и человеческие цивилизации оставались взаимопронимаемыми.

На мой взгляд, эта важнейшая задача определит одну из наших ключевых обязанностей в долгосрочной перспективе. Это также придает новый и, возможно, более широкий смысл нашей академической работе: зачем нам стремиться к укреплению и расширению международных связей, увеличению числа приглашенных профессоров, созданию возможностей для обмена, если не для того, чтобы утвердить наши институты в качестве эффективных источников культурного и человеческого общения? На мой взгляд, сейчас не время исключать, разделять или разрывать интеллектуальные и академические связи, а также дистанцироваться или изолироваться от наших коллег. Скорее, это время, когда мы будем играть связующую роль и помогать интеллектуальным сообществам преодолевать политические и культурные границы.

А. Ч.: *Как Вы оцениваете уровень состоявшейся конференции и, в частности, какие направления философской мысли турецких философов привлекли Ваше наибольшее внимание? Вы хорошо представляете состояние современной мировой философии и хорошо знакомы с философскими системами различных стран. Могли бы Вы выделить какие-то особенности турецкой философии?*

Л. С.: Конференция в Анкаре была очень интересной и позволила получить живое представление о текущих проблемах и дискуссиях в области философии в Турции. Существует устойчивый интерес к философии, которая рассматривается как плацдарм для решения глобальных проблем культурного, социального и политического характера. Во многом это связано с активной ролью, которую на протяжении последних десятилетий играла Иоанна Кучуради, и приятно наблюдать, как это стало устойчивым подходом в турецкой философии. Кроме того, молодое поколение, похоже, стремится посвятить себя научной практике, ориентированной на мир, а не исключительно на академические проблемы. Турецкие философы, похоже, демонстрируют преемственность в этом отношении, хотя, конечно, в настоящее время изучаются различные нюансы, проблемы и даже методологии. Однако это явный признак оживления.

А. Ч.: *В рамках Международной федерации философских обществ Вы во взаимодействии с Почетными президентами и членами Исполкома этой организации играете ключевую роль в организации Всемирных философских конгрессов и в развитии философского сообщества на международном уровне. Какие страны проявляют наибольшую активность в философской жизни современного мира? Как давно Вы знакомы с почетным президентом Международной федерации философских обществ и президентом Турецкого философского общества, проф. И. Кучуради, и как бы Вы оценили годы вашего сотрудничества и ее роль в МФФО?*

Л. С.: Не мне оценивать роль Иоанны Кучуради в МФФО. Она была замечательным Генеральным секретарем и очень влиятельным президентом, и все, что я могу сказать, – это то, что для меня большая честь быть одним из ее преемников. Однако следует подчеркнуть, что МФФО взяла на себя четкое обязательство укреплять межкультурные подходы в философии. Этот поворот, вероятно, начался, когда профессор Эвандро Агацци возглавил МФФО, и неуклонно продолжался его преемниками, включая, конечно, профессора Кучуради. Во время моего пребывания на посту президента я делал все возможное, чтобы недвусмысленно заявить о необходимости распространения философского канона на незападные традиции – то, что стало все более очевидным на последних Всемирных конгрессах: в Афинах, затем в Пекине и на последнем в Риме. Философия – это гораздо более широкое направление деятельности, чем может реально охватить какая-либо одна традиция. Будучи глубоко человеческой деятельностью, она должна учитывать различные представления человеческих цивилизаций о своем месте в мире, своих миссиях и своих культурах. Впрочем, мы должны также сказать, что этот подход все чаще разделяется научными сообществами по всему миру. Например, центр «Восток-Запад» в Маноа (*Гонолулу, Гавайи*) проделал исключи-

тельную новаторскую работу в этой области и, вероятно, должен быть признан одним из самых значительных достижений философии XX в. Сегодня среди прочих группа по межкультурной философии в университете Хильдесхайма (*Германия*) проводит замечательную работу. Но мы также должны быть благодарны ученым, которые привнесли и продолжают привносить разнообразие традиций в международную географию философии: я могу вспомнить Мигеля Леона-Портилью и его классические труды по *философии науа*², бесчисленные исследования по *убунту*³ [Береговая, Ерохин 2024], *азанской культуре*⁴, *философии инков*⁵ и совсем недавно по *философии пасифики*⁶, которую я нахожу очень интересной традицией. Это не говоря уже о таких незападных философских традициях, как китайская, японская, индийская, которые уже были признаны частью расширенного канона философии. МФФО сыграла определенную роль в этой эволюции, но ее работа не была бы столь эффективной, если бы не была частью гораздо более масштабного и долгосрочного научного направления. Мне кажется, что это расширение необратимо. Молодые поколения ученых уже с трудом представляют себе, что их работа в области философии ограничивается какой-то одной традицией. Кроме того, эволюционировала академическая география философии, и важная роль, которую играют незападные университеты в глобальных дискуссиях, в значительной степени способствовала этой растущей открытости.

А. Ч.: *С 2018 по 2024 г. Вы были президентом Международной федерации философских обществ и возглавляли организационный комитет XXV Всемирного философского конгресса, который состоялся в Риме 1–8 августа 2024 г. под общей темой «Философия без границ». Какие, на Ваш взгляд, основные итоги про-*

² *Философия науа* (особенно в том, что касается ацтекской традиции) представляет собой уникальную метафизическую систему, которая подчеркивает динамическую природу реальности и взаимосвязанность всего сущего. Центральное место в этой философии занимает концепция *теола*, которая служит одновременно высшей реальностью и фундаментальным принципом, определяющим мышление науа.

³ *Убунту* (переводится как «человечность») – это философия, уходящая корнями в африканские традиции, особенно в южноафриканскую культуру. Это учение подчеркивает важность взаимосвязи между людьми и утверждает, что индивидуальное благополучие неразрывно связано с благополучием других. Убунту предлагает альтернативу западным подходам, делая акцент на духовности и гуманизме при решении социальных и этических проблем и может служить основой для создания более гармоничных отношений как на уровне отдельных сообществ, так и на глобальном уровне.

⁴ *Азанская культура*, или культура татар, представляет собой уникальное сочетание различных культурных традиций, сформировавшихся на территории Татарстана и, в частности, в Казани. Эта культура является результатом многовекового взаимодействия тюркских, финно-угорских и славяно-русских элементов, а также влияния ислама и христианства.

⁵ *Философия инков*, народа, создавшего одну из величайших цивилизаций Южной Америки, представляет собой сложную систему взглядов, основанную на взаимосвязи между временем, пространством и моральными ценностями. Она подчеркивает важность единства, сотрудничества и духовного роста через труд.

⁶ Философия Индо-Тихоокеанского региона (или *Пасифики*) охватывает широкий спектр идей и концепций, связанных с геополитическими, экономическими и культурными аспектами стран, расположенных в этом стратегически важном регионе. Основное внимание уделяется взаимодействию между государствами и их культурному наследию. Эта философия продолжает развиваться в ответ на меняющиеся геополитические реалии и современные вызовы.

шедшего конгресса и в чем состояли его отличительные особенности? Какая тематика и какие философские проблемы вызвали наибольшее внимание и дискуссии участников конгресса? Какое место в программе Конгресса занимала тема глобальных исследований, глобализации и глобальных вызовов мировому сообществу?

Л. С.: Проходивший в Риме XXV Всемирный философский конгресс был в значительной степени сосредоточен на проблемах социального и межкультурного характера. Пленарные заседания включали такие темы, как искусственный интеллект, экологические проблемы, конфликты, общественная коммуникация и информация, эпистемическая несправедливость и биоразнообразие. Гендерные вопросы также были широко представлены в программе в такой степени, которая никогда не достигалась ранее. Глобализация так или иначе лежала в основе всей программы, поскольку большинство обусловленных ею проблем могут быть эффективно решены только в глобальном масштабе. Сложность – отличительная черта философии, и здесь она должна рассматриваться как смесь разнообразных культурных, социальных, экологических и политических проблем. Большинству участников в Риме было ясно, что философия может восприниматься только как глобальное устремление, которое должно учитывать многообразие культур и традиций при определении философией своей программы исследования, свода правил и методов.

А. Ч.: *Какое влияние, по Вашему мнению, этот конгресс может оказать на развитие мировой философии?*

Л. С.: Начиная с 1900 г. Всемирные конгрессы по-разному повлияли на философские исследования. Некоторые из них стали поворотными моментами в философских исследованиях: мы можем вспомнить Декартовский конгресс (1937)⁷ из-за предложенного им научного подхода или Пекинский конгресс (2018) из-за его четких межкультурных претензий. Московский конгресс (1993) также стал переломным моментом в глобальной динамике философских сообществ, поскольку он значительно расширил масштабы и охват философских дискуссий. На самом деле Московский конгресс можно рассматривать как начало «глобальной» эры Всемирных конгрессов, которая привела к возрождению влияния Всемирных конгрессов как глобальных философских собраний. Конгресс в Риме был частью этой же тенденции, и я, безусловно, надеюсь, что его можно рассматривать как веху в признании межкультурной инклюзивности, как начало необратимого направления в современной философии. Широкое участие в Конгрессе, в котором приняли участие более 4900 человек из 115 стран, свидетельствует о широко распространенном желании обмениваться идеями и опытом, создавать научные и интеллектуальные сети и в целом учиться у коллег, представляющих другие философские традиции. Это тем более важно, что климатические и экологические

⁷ Декартовский конгресс, официально известный как IX Международный философский конгресс, проходил с 31 июля по 6 августа 1937 г. в Париже. Этот конгресс был посвящен трехсотлетию со дня публикации основополагающей работы Рене Декарта «Рассуждение о методе» (*Discours de la méthode*).

условия в Риме были непростыми; тем не менее коллеги со всего мира потратили время, энергию и ресурсы на организацию поездки. Я нахожу это достойным восхищения.

А. Ч.: *Мы были бы признательны за Ваше авторитетное мнение о том, почему в программе Конгресса среди приглашенных докладчиков и руководителей секций, симпозиумов, круглых столов и других мероприятий состоявшегося в Риме форума практически не было российских философов. Что нужно сделать, чтобы изменить эту ситуацию на следующем Конгрессе? И, кстати, когда и где состоится следующий Всемирный философский конгресс?*

Л. С.: Российское участие в Римском конгрессе было совсем не маргинальным. Пока еще рано делать подробную разбивку участников по национальностям, но несколько панелей включали ученых из России, и я отчетливо помню круглые столы и даже приглашенные сессии, предложенные и организованные российскими философами. Что касается следующего Всемирного конгресса, то он состоится в Токио (Япония) в 2028 г. Задача разработки его программы ляжет на следующий Руководящий комитет МФФО, конечно, в партнерстве с японским организационным комитетом.

А. Ч.: *Как Вы оцениваете роль и эффективность Международной федерации философских обществ (МФФО) и проводимых ею Всемирных философских конгрессов с учетом тех вызовов, которые ставит перед человечеством XXI век?*

Л. С.: МФФО играет все большую роль в решении глобальных проблем посредством философских обменов, сотрудничества и создания международных сетей. Федерация постепенно расширяет свою клиентуру, которая больше не сосредоточена на западных научных кругах, а включает общества, ассоциации и исследовательские центры со всех континентов. Философия, как и другие виды интеллектуальной деятельности, стала глобальным направлением деятельности – как в академическом, так и в научном плане. Поэтому требуются крупные международные организации для объединения академических центров, ученых с разных континентов и формирования более широкого представления о философском каноне, как это было на протяжении последних нескольких столетий. МФФО – одна из таких организаций, конечно, не единственная (вспомним, например, международные фонды), но по своей структуре самая крупная, сформированная исключительно учеными и академическими кругами. В последние годы она неуклонно отстаивала роль философии в современном обществе, защищала философские факультеты и программы там, где им угрожали, поддерживала национальные философские сообщества в их борьбе за сохранение преподавания философии на национальном уровне, способствовала более широкому участию в международных олимпиадах по философии и в целом делала все, что было в наших силах, чтобы все философские сообщества в мире почувствовали, что у них есть свое место в мировой географии нашей дисциплины.

А. Ч.: *Какие наиболее важные проблемы и вызовы стоят сегодня перед мировой философией и с какими наиболее серьезными трудностями, на Ваш взгляд, сталкивается современная мировая философия?*

Л. С.: Очень трудно установить объективную иерархию философских проблем, особенно в глобальном масштабе. Научные сообщества и соответствующие им общества слишком разнообразны и многочисленны, чтобы выявить общие интеллектуальные проблемы. Тем не менее мы наблюдаем несколько аспектов философской деятельности, которые, по-видимому, привлекают все большее внимание множества философских сообществ. Среди них в самом широком смысле мы, безусловно, можем упомянуть ряд разнообразных, но взаимосвязанных тем, сопряженных с гендерными проблемами, которые по-разному рассматриваются в различных культурах и социальных системах. Это также забота о кросс-культурном стиле в философии, растущий интерес к логике общественных коммуникаций и значительный объем работы, посвященной переосмыслению фундаментальных категорий политической мысли на Западе и за его пределами. Однако я должен подчеркнуть, что эти тематические области отражают мои собственные философские интересы; философы с другим бэкграундом вполне могли бы упомянуть совершенно другой круг проблем (например, теорию эмоций, проблему свободы воли и т. д.).

А. Ч.: *Каковы, по Вашему мнению, роль и возможности философии содействовать решению мировых проблем и что конкретно могут и должны делать философы в этом отношении, учитывая современные реалии?*

Л. С.: Мне кажется, что философы как ученые действительно призваны наводить мосты между научными сообществами, преодолевая политические границы. Академические круги играют важную роль в поддержании дополнительных каналов диалога между интеллектуалами, принадлежащими к странам и регионам мира, разделенным конфликтами, напряженностью или жесткой конкуренцией. Философия как область изучения помогает в этом отношении, особенно если учесть присущий ей универсальный охват, ее разнообразие и потенциальное влияние на политических деятелей. Но речь идет не только об обсуждении философских вопросов – речь скорее об использовании диалогического потенциала философии для поддержания активного обмена мнениями. Кроме того, философия может помочь найти пути мирного разрешения конфликтов и противоречий, хотя, как это ни парадоксально, я считаю, что это не является ее главной задачей на данном этапе истории. Объединение ученых, поддержание открытых каналов коммуникации – это, как мне кажется, наша ключевая роль как философов. Вот почему Всемирный философский конгресс как открытая площадка для ученых со всех уголков мира, всех вероисповеданий, языков и национальностей так важен сегодня – где еще ученые из стольких разных мест могли бы встретиться лично и общаться на протяжении длительного периода времени?

А. Ч.: *Как представитель современной итальянской (европейской) философии с обширными философскими связями по всему миру видите ли Вы какие-либо существенные различия в содержании и организации философской жизни в разных странах, например в европейских странах, США, России, Китае, Индии, исламском мире?*

Л. С.: В современном мире существует несколько моделей академической организации. Например, система, базирующаяся в основном на частном образова-

нии и научных исследованиях, принципиально отличается от системы, в значительной степени основанной на государственных ресурсах, – возможности, доступ, стили и модели обучения значительно различаются в зависимости от того или иного места, о котором мы будем говорить. Кроме того, некоторые системы, по-видимому, более неохотно, чем другие, инвестируют значительные ресурсы в философию и, возможно, в гуманитарные науки в целом. Однако, на мой взгляд, важнее не конкретные различия, а возможность для ученых и студентов из разных областей объединяться, разрабатывать программы обмена, проводить совместные конференции и осуществлять исследовательские программы в различных регионах мира. Интернационализация, как мы иногда это называем, является ключевой в этом отношении. Различия между системами существуют и будут существовать и впредь; главное – это обмен идеями, совместные учебные программы как на уровне бакалавриата, так и на уровне магистратуры, все более частые и разнообразные международные научные конференции и расширенные программы приглашенных профессоров.

А. Ч.: *Являясь автором солидного творческого наследия и имея богатейший опыт организации философской жизни, какие пожелания, рекомендации или напутствия Вы хотели бы дать современным философам, в особенности тем, кто только ступает на этот путь познания?*

Л. С.: Мыслите глобально! К какой бы традиции вы ни принадлежали, не забывайте, что это всего лишь одна из многих других традиций, которые создали человеческую цивилизацию такой, какой мы ее знаем. У каждой из них есть свое собственное философское наследие. Мы не сможем оценить ценность нашей традиции, пока не взглянем шире на сложный клубок человеческих цивилизаций от древности до наших дней. Вот почему наше время так волнующе с философской точки зрения – мы действительно сталкиваемся с исторической возможностью переоценить смысл, масштабы и границы философии как отдельной и уникальной дисциплины.

А. Ч.: *В заключение хотелось бы выразить Вам глубокую благодарность за эту беседу и столь содержательные ответы, а также пожелать реализации новых интересных проектов и еще более значительных творческих достижений!*

Литература

Береговая О. А., Ерохин А. К. Концепция убунту как «ответ» африканской философии образования на вызовы глобальных изменений // Век глобализации. 2024. № 2(50). С. 141–150.

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / Гл. ред., сост. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. 2-е изд., стер. М. : Кнорус, 2016.

Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М. : Радуга, 2003.

Итоги XXI Всемирного философского конгресса и научно-исторической акции «Философский пароход» // Вестник РФО. 2003. № 3(27). С. 10–92.

Кучуради И. Философия перед лицом мировых проблем // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 5–11.

Кучуради И. Глобализация свободного рынка с философско-этической точки зрения // Век глобализации. 2008. № 2. С. 21–29.

Кучуради И. Этика. Учебник и практикум. М. : Юрайт, 2016.

Кучуради И. Понятия человеческого достоинства и прав человека // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 43–51.

Лазаревич А. А., Салеев В. А. Всемирный философский форум: пиршество мысли // Век глобализации. 2024. № 4(52). С. 180–183.

Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог / У. Макбрайд; пер. с англ. Д. Лахути // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 80–87.

Скарантино Л. М. Насилие и великодушие: эпистемный подход // Этическая мысль. 2011. № 11. С. 120–139.

Скарантино Л. М. Прагматические границы разума // Рациональность и ее границы / отв. ред. А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М. : ИФРАН, 2012. С. 202–215.

Чумаков А. Н. «Философский пароход»: 100 лет без покаяния: монография. М. : Проспект, 2023.

XXV World Congress of Philosophy “Philosophy across Boundaries”. Rome. 2024. 1st-8th August [Электронный ресурс]: URL: <http://wcprome2024.com/> (дата обращения: 21.11.2024).

Global Studies Directory. People, Organizations, Publications / ed. by A. N. Chumakov, I. V. Ilyin, I. I. Mazour. Leiden; Boston: Brill / Rodopi, 2017.

Global Studies Encyclopedia / ed. by I. I. Mazour, A. N. Chumakov, W. C. Gay; TsNPP “Dialog”. Moscow : Raduga, 2003.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by M. Gorbachev. Amsterdam; New York : Editions Rodopi B.V., 2014.

Human Rights 60 Years after the Universal Declaration: Dignity and Justice for All of Us / ed. by I. Kuçuradi. Istanbul : Maltepe University, 2011.

Human Rights in Turkey and the World in the Light of Fifty-year Experience / ed. by I. Kuçuradi. Ankara : Hacettepe University, 2002.

Kuçuradi I. Human Rights: Concepts and Problems. Berlin : Lit Verlag Dr. W. Hopf, 2013.

Papers of the 2007 World Philosophy Day / ed. by I. Kuçuradi. Ankara : Philosophical Society of Turkey, 2009.

Philosophy Facing World Problems / ed. by I. Kuçuradi. Ankara : Philosophical Society of Turkey, 1986.

Philosophy Facing World Problems. The Proceedings of the Twenty-First World Congress of Philosophy. Vol. 13 / ed. by I. Kuçuradi. Ankara : Philosophical Society of Turkey, 2007.

The Idea and the Documents of Human Rights / ed. by I. Kuçuradi. Ankara : Philosophical Society of Turkey, 1995.

McBride W. L. *The Philosophy of Marx*. London : Hutchinson University Library; New York : St. Martin's Press, 1977 (Routledge, 2015).

McBride W. L. *Social and Political Philosophy*. New York : Paragon Press, 1994.

McBride W. L. *Philosophical Reflections on the Changes in Eastern Europe*. Lanham, Maryland : Rowman & Littlefield Publishers, 1999.

McBride W. L. *From Yugoslav Practice to Global Pathos: Anti-Hegemonic Post-Post-Marxist Essays*. Lanham, Maryland : Rowman & Littlefield Publishers, 2001.

Scarantino L. M. *Guilivo Preti. La costruzione della filosofia come scienza sociale*. Milano: B. Mondadori, 2007.

Scarantino L. M. *Persuasion, Rhetoric and Authority* // *Diogenes*. 2008. № 55(1). Pp. 22–36.

Scarantino L. M. *Remarks on Some Trends in Contemporary Philosophy* // *Frontiers of Philosophy in China*. 2018. Vol. 13. No. 2. Pp. 174–181.

Scarantino L. M. *Philosophy in a Postnational World* // *Versuche über das Absolute. Festschrift für Ludwig Nagl zum 80. Geburtstag*. Böhlau Verlag, 2024a. Pp. 259–266.

Scarantino L. M. *Visibility and Invisibility in the School of Athens A Personal Report on the 25th World Congress of Philosophy (Rome, 01-08 August 2024)* // *Journal of Didactic of Philosophy*. 2024b. Vol. 8. Pp. 1–6.

ТЕОРИЯ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РИСКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ*

Кузьмин С. Б.**

В статье рассмотрены глобальные геополитические проблемы, к числу которых отнесены опасные природные процессы, порождаемые ими стихийные бедствия и возникающий при этом риск природопользования. Стихийные бедствия наносят сегодня колоссальный ущерб практически во всех странах мира и их регионах, в геополитических объединениях, в масштабах всей планеты. Причины этого заключаются в стремительном росте численности населения Земли, урбанизации, негативном влиянии человека на окружающую среду, освоении новых территорий, нарушении биогеохимических циклов и геофизических полей, глобальных изменениях климата и природной среды. Риск природопользования рассматривается в статье с точки зрения теории управления как риск, связанный с потерей природных активов. Стохастическая природа риска природопользования предполагает предпочтительное использование вероятностных методов для оценки защищенности населения, экономики и территорий от стихийных бедствий вместо широко распространенного прямого расчета по величине ущерба, посредством которого не может быть осуществлен достоверный прогноз. Актуальными становятся априорные оценки риска, которые помогали бы формировать систему превентивных мероприятий еще до того, как опасное природное событие произошло. В условиях глобальных стихийных бедствий высокую эффективность управления риском природопользования можно обеспечить только на основе специальной системы поддержки процессов самоорганизации и антиколлапсной самонастраивающейся интеграции сегментов геоин-

* Работа выполнена в Институте географии им. В. Б. Сочавы СО РАН по госзаданию. Тема: Морфолитогенез Внутренней Азии: теоретические, методические и практические аспекты исследования. Регистрационный № АААА-А21-21012190017-5. Раздел 4: Проанализировать основные проблемы изучения опасных природных процессов и риска. Выявить глобальную, национальную и региональную специфику риска природопользования и безопасности человека, экономики и территорий в обстановке стихийных бедствий.

Для цитирования: Кузьмин С. Б. Проблемы и перспективы глобализации риска природопользования // Век глобализации. 2025. № 1. С. 25–38. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.02.

For citation: Kuzmin S. B. Problems and Prospects of Globalization of Risks in Nature Management // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 1. Pp. 25–38. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.02 (in Russian).

** Кузьмин Сергей Борисович – д. г. н., в. н. с. Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН. E-mail: sergey_kuzmin1966@mail.ru.

Sergey B. Kuzmin – Dr. Geogr., Leading Researcher at V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS. E-mail: sergey_kuzmin1966@mail.ru.

формационных систем и интеллектуальных сервисов, адаптируемых к условиям известного, предсказуемого и неизвестного характера.

Ключевые слова: глобальные проблемы, геополитика, риск природопользования, опасные природные процессы, управление риском.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF GLOBALIZATION OF RISKS IN NATURE MANAGEMENT

The article deals with global geopolitical problems, which include natural hazards, natural disasters and the resulting risk of natural resource use. Today natural disasters cause colossal damage in almost all countries of the world and their regions, in geopolitical associations, on the scale of the entire planet. The reasons for this are the rapid growth of the Earth's population, urbanization, negative human impact on the environment, development of new territories, disruption of biogeochemical cycles and geophysical fields, global changes in climate and natural environment. The article considers the risk of natural resource use from the perspective of management theory as a risk associated with the loss of natural assets. The stochastic nature of natural use risk implies the preferred use of probabilistic methods for assessing the protection of the population, economy and territories from natural disasters instead of the widespread direct calculation of the damage value, through which no reliable forecast can be made. A priori risk assessments, which would help to form a system of preventive measures even before a hazardous natural event occurs, are becoming relevant. In the conditions of global natural disasters, high efficiency of nature use risk management can be ensured only on the basis of a special system to support the processes of self-organization and anticollapse self-tuning integration of segments of geoinformation systems and intelligent services adaptable to conditions of known, predictable and unknown nature.

Keywords: global problems, geopolitics, nature use risk, natural hazards, risk management.

Введение

В последнее время наметилась отчетливая тенденция к глобализации опасных природных процессов и риска природопользования, о чем мы уже писали на страницах журнала [Кузьмин 2021; 2022a]. Но в повседневной жизни люди и даже их сообщества редко анализируют свое существование с точки зрения влияния на него общемировых процессов. Обычных граждан больше заботит их личное благосостояние, уровень доходов, перспективы карьерного роста, реже – состояние окружающей среды, работа социальных институтов, международные отношения.

Глобальные геополитические проблемы имеют отношение ко всему человечеству. Это не проблемы одного государства, региона, нации или этнической общности, хотя они могут быть очень важными; это проблемы планетарного масштаба. Термин «политические» делает второстепенными часть проблем, поскольку апеллирует к задачам, которые могут быть решены только политическими методами. Глобальные геополитические проблемы – это негативные явления планетарного масштаба, которые регулируются только долгосрочными административно-управленческими решениями.

Глобальные проблемы волнуют все институты общества, на это правительствами выделяются немалые средства. Специалисты разных направлений постоянно контролируют ситуацию, проводят исследования, а руководители, политики получают их выводы и разрабатывают рекомендации для развития. Возникает необходимость в проведении особой геополитики.

В условиях стремительного роста численности населения Земли, урбанизации, глобальных изменений климата, негативного влияния человека на окружающую среду, освоения новых территорий, нарушения биогеохимических циклов и геофизических полей возросла угроза со стороны природных процессов. Природопользование в условиях природной опасности сопряжено с риском. Риск обусловлен внешней угрозой – объективный фактор – опасные природные процессы (ОПП) и несовершенством методов хозяйствования – субъективный фактор – защищенность от стихийных бедствий и катастроф. Возникает риск природопользования, и ОПП играют при этом первостепенную роль, поскольку являются главными провокаторами стихийных бедствий и природных катастроф. А несовершенство методов хозяйствования зависит от слабой изученности ОПП, от неверного восприятия и неправильной постановки задач природопользования на уровне правительств и специализированных структур управления риском в государстве, отсутствия необходимых финансовых, трудовых, правовых и других ресурсов.

Глобальные проблемы

Список глобальных проблем не является откровением. Они известны каждому, кто интересуется международными отношениями. *Первая проблема* – бедность. На Земле живет более 8 млрд человек. Большинство из них прозябает в нищете. Это касается не одного государства или региона, а вредит развитию всего общества. Люди просто умирают от болезней или истощения. Не реализуется их человеческий потенциал – трудовой, творческий и т. д. *Вторая проблема* – государственные долги. Речь идет не о средствах, которые необходимо выплатить домохозяйствам в терминологии экономистов. Долги стран настолько велики, что ученые не могут предложить ни одного вразумительного выхода из этой ситуации. *Третья проблема* – состояние окружающей среды, экология. Человек долгое время вел, да и сейчас все еще полномасштабно ведет непродуманную хозяйственную деятельность, создавая тем самым глобальные проблемы. Состояние окружающей среды и уровень ее антропогенной деградации наглядно подтверждают это. Некоторые негативные результаты люди наблюдают ежедневно. В городах – смог, на сельхозземлях – эрозия почвы, леса бесконтрольно вырубаются. Климат самой планеты сильно меняется, тают покровные и горно-долинные ледники, повышается уровень Мирового океана, разрушается вечная мерзлота, в оттаявших грунтах возвращаются к жизни болезнетворные микроорганизмы, засухи, сушеи и пыльные бури разрушают ценные ландшафты.

Глобальные проблемы касаются не только физического состояния ландшафтов и их обитателей. В поведенческих аспектах групп людей тоже существует угроза, например терроризм. Сегодня он приобретает огромные масштабы, и уже начали появляться террористические государства. В связи с локальными военны-

ми конфликтами существенно активизировались миграционные процессы, обострились гуманитарные кризисы.

Глобальные проблемы различают по следующим главным признакам: 1) имеют планетарный характер распространения; 2) угрожают существованию всего человечества; 3) являются насущными, сверхсрочными, требуют скорейшего решения; 4) взаимосвязаны между собой; 5) могут быть преодолены только совместными усилиями [Мовсесян, Огнивцев 2001].

Причины глобальных проблем нужно рассматривать комплексно, поскольку рождение одной влечет за собой появление и разрастание другой, и все они тесно связаны. За счет эмерджентности, каскадных и кумулятивных эффектов, триггерных механизмов геосистем эти проблемы становятся источником появления новых [Ansell, Baur 2018; Морозов 2020]. Думаю, что скоро в их число войдет идеологическое противостояние. Мир раскалывается на два противоборствующих лагеря: с одной стороны, это страны, где процветает доведенная до абсурда морально-политическая терпимость по отношению к национальным меньшинствам, унисексуальная доктрина воспитания подрастающего поколения и ЛГБТ-идеология, с другой – это страны, где практикуют и пропагандируют классические моральные ценности.

Глобальные проблемы возникли не вдруг, их начали изучать достаточно давно [Кузин, Пономарев 2021]. За чертой бедности на Земле живет огромное количество людей, и эта проблема имеет круговой характер. Из-за низкого уровня доходов у людей нет возможности получить надлежащее образование и заниматься высокопроизводительным трудом, а у общества нет потенциала для развития, так как экономику можно поднять только при наличии качественных специалистов. В бедном обществе таких специалистов нет, и приходится привлекать иностранцев из развитых стран. Кроме того, проблемные страны не получают инвестиций из-за многочисленных финансовых рисков. Бедность приводит к эскалации социальной напряженности, беспорядкам. Страны страдают от революций, смены политических режимов. Бедность порождает терроризм. Он влияет на всю планету. Нет стран, которые не являлись бы объектом интересов террористов.

При рассмотрении глобальных проблем наряду с другими называют негативное влияние человека на состояние окружающей среды. Экономика активно влияет на глобальные процессы. Конечно, здесь следует говорить и о климатических изменениях, росте температуры и снижении влажности атмосферы, таянии ледников, изменении направления океанических течений и т. д. Любой из этих процессов может привести к таким изменениям климата, что жизнь всего человечества окажется под угрозой. Общество не в состоянии повлиять на эти негативные процессы, они идут сами по себе; например, таяние ледников – это такая же закономерность, как и смена магнитных полюсов Земли. Но планетарная экосистема требует от политиков пристального внимания и, безусловно, очень бережного отношения к себе.

Для того чтобы справиться с глобальными вызовами человечества, простого подхода с традиционными методами, например в географии – картографический, статистический, исторический, сравнительный и др., – сегодня уже недостаточно. Разрешить их можно только комплексными, концептуальными методами. Должна быть разработана глубокая программа, затрагивающая основные философские

аспекты существования человечества. Попытки работать в этом направлении предпринимаются постоянно, но глобальные проблемы накапливаются гораздо быстрее, чем развиваются те тенденции в социуме, которые необходимы для их решения. Поэтому основная директива статьи посвящена все возрастающей активности опасных природных явлений в результате глобальных и региональных изменений климата.

Геополитика

ОПП и риск природопользования, на каком бы уровне они ни рассматривались, всегда лежат в плоскости непосредственных интересов геополитики. А геополитика прочно связана с географией, изучает связь между географическим положением государств и их политическими стратегиями, то, как географические факторы – пространственное расположение, природные ресурсы, климат – влияют на политическую силу государств. Геополитика выявляет взаимодействие между государствами и их регионами, анализируя их географические интересы, конфликты и стратегии. Она помогает понять, как государства используют географическое положение для достижения политических целей и обеспечения безопасности. Географическое положение государства может дать ему преимущество или недостаток в соревновании с другими государствами. Геополитика изучает также влияние географических факторов на международные конфликты и сотрудничество [Геополитика... 2023]. Границы между государствами могут быть источником напряженности, но могут и способствовать интеграции между государствами.

Геополитика, основываясь на принципе географического детерминизма^{***} и методологии политической географии, развивалась относительно автономно в рамках системы политических наук. Будучи включенной в эту систему скорее механистически, чем по существу, она всегда больше тяготела к географии, чем к политике. Первоначально теоретические построения основателей геополитики опирались на ограниченный понятийный аппарат: пространство, государство, сила, граница. Все многообразие межгосударственных отношений интерпретировалось следующими суждениями: 1) государство есть пространственный феномен, подобный живому организму; 2) функция государства – силовой контроль над пространством; 3) геостратегия государства заключается в установлении прямого силового контроля – военного и политического – над пространством [Кефели 2011].

В итоге геополитика сложилась как отдельная отрасль стратегического анализа международных отношений по объекту исследований, но в методической области базировалась на географии. Между теориями международных отношений и гео-

^{***} Географический детерминизм – это глобальная концепция, утверждающая, что социально-экономическое развитие является не результатом объективного преобразования общества, а следствием влияния природных сил. Геологическое строение, рельеф, климат, почвы, растительность и другие естественно-эволюционные факторы непосредственно определяют характер общественного строя в государстве, уровень хозяйственного развития тех или иных стран и даже физические и психологические черты самих людей, их способности, наклонности, темперамент и т. д. Социально-экономические процессы и явления в обществе ставятся в зависимость от географических факторов.

политическими теориями существуют определенные связи, но геополитика является оригинальной и независимой областью стратегического мышления. Ее можно определить как дисциплину, изучающую отношения между географическими пространствами, государствами, цивилизациями, народами, экономикой. Это гораздо более широкий контекст, чем контекст международных отношений, которые изучают только отношения между государствами. Геополитика сосредоточена вокруг отношений между государством и его собственным пространством, между историей и культурой народов, помещенных в это пространство. Пространство в геополитике играет ту же роль, что и время в истории [Глобальная... 2010].

Геополитика уделяет особое внимание географическому положению государств и регионов, так как оно определяет доступность и контроль над территориями, влияет на экономическую и политическую мощь. Так, страны с доступом к морю имеют преимущество в торговле и обороне. Контроль над природными ресурсами, такими как нефть, газ, вода, дает государству экономическую и политическую силу, а территориальные споры часто связаны с этими ресурсами и стратегически важными территориями. Геополитические интересы в области безопасности и контроля над другими государствами могут столкнуться и привести к конфликтам или сотрудничеству между ними. Геостратегическое планирование включает выбор оптимальных маршрутов, позиций и союзников для достижения политического и военного преимущества [Морозов 2020]. Геополитические объединения и союзы определяются общими географическими, политическими или экономическими интересами. Геополитика предоставляет инструменты для анализа и прогнозирования политических событий и стратегий государств.

Традиционная геополитика основана на реалистической политической географии, согласно которой мировая политика состоит из слабо регулируемого пространства международного сообщества и хорошо упорядоченного пространства суверенного государства [Fard 2021]. Оно понимается как единственный актор в международной политике, и его роль сводится к обеспечению безопасности, защите внутреннего пространства и граждан от угрозы хаотичного внешнего пространства. Этим обеспечивается легитимность государств, желающих во что бы то ни стало распространить свой порядок на международное пространство, например США.

Тем не менее наши исследования национальной безопасности России и других стран [Кузьмин 2019; 2020; 2022б] показывают, что именно различие угрожает государствам. Поэтому целью геополитики должно стать разделение международного пространства по трансгосударственным принципам на «наше» и «их» пространство. Функцией геополитики станет объединение и регулирование «нас» или «тех же», отличая «нас» от «них», то есть «тех же» от «других». Геополитика займет центральное место в конструктивистских подходах к формированию и поддержанию идентичности в геополитических объединениях, например БРИКС. Государственная идентичность связывает всех членов вместе, делая тех, кто существует за ее пределами, «чужими», опасными. Проведение геополитических границ не просто отражает различия мирового пространства, но и способствует их созданию. Поэтому центричность государства в традиционной геополитике необ-

ходимо расширить или сузить до проблем «над» и «под» государством. Первыми как раз и являются глобальные проблемы, которые выходят за границы государств. Такое расширение подчеркивает реалии современного мира и исключает различия в конструировании идентичности.

Гегемония государственной идентичности формирует ощущение инаковости, опасности во внутренней политике, а наличие внешних угроз используется в геополитическом дискурсе для дисциплинирования внутренних акторов. Конструирование инаковости создает нормативный образ государственной самобытности, который навязывается гражданам страны. Но этот вопрос, хотя и имеет большое значение, уже выходит за рамки статьи.

Риск природопользования

Риск природопользования – это трансграничная категория, она присуща как суверенным государствам и их административно-территориальным подразделениям, так и геополитическим объединениям. Он возникает тогда, когда общество подвергается воздействию ОПП, но не имеет достаточных сил и средств для защиты от их негативного влияния, то есть оно неустойчиво, уязвимо. В процессе управления риском природопользования ОПП анализируются в соотношении с этой неустойчивостью, чтобы сначала оценить потенциальный ущерб и потери. Это включает в себя расчет вероятности возникновения стихийного бедствия, выявление факторов неустойчивости, составление сценариев ущерба, оценку мер по быстрому восстановлению экономики. Способность общества продолжать функционировать в условиях природной опасности называется его устойчивостью.

Предотвращение последствий стихийных бедствий охватывает деятельность, долгосрочной целью которой является смягчение возможного негативного воздействия ОПП и обеспечение постоянной защиты населения, экономики и территорий (экосистем), готовность руководителей эффективно реагировать в случае надвигающегося бедствия. Важными элементами такой готовности являются: планы действий на случай ЧС, наличие подготовленных спасательных и аварийных служб, неотложной медицинской помощи, быстрая и эффективная передача предупреждений, наличие средств связи. Важный компонент готовности – это система раннего оповещения, которая позволяет оперативно и достоверно выявить и оценить опасность. Предупреждения передаются населению, предприятиям и учреждениям, которые реагируют соответствующим образом. Превентивная реконструкция системы безопасности направлена на извлечение соответствующих уроков из предыдущих стихийных бедствий, включение критериев и мер по уменьшению их опасности непосредственно в процесс этой реконструкции.

Риск природопользования – это относительно новое понятие, которое теоретически и методически обосновывается в наших работах [Кузьмин 2007; 2016; 2023]. Это признанный уже в теории управления риск, связанный с потерей природных активов. Он влияет на бизнес и экономику, хозяйственную деятельность, общество и социальные институты, что создает собственно экономические, рыночные и социально-политические риски. Потеря природно-ресурсного потенциала влечет за собой возникновение системного геополитического риска, поскольку природные ресурсы и услуги, такие как чистый воздух, обильная пресная вода,

плодородные почвы, стабильный климат, представляют собой жизненно важные общественные блага, от которых зависит функционирование общества.

Высокий риск природопользования всегда усиливает политическую и административную активность в государстве. Сектора экономики сталкиваются с серьезными изменениями в стоимости активов и повышением цены ведения бизнеса для компаний и предприятий, использующих природные ресурсы и оказывающих негативное воздействие на природу. По мере того как потребители и рынок реагируют на высокий риск, появляются новые продукты и услуги, технологии и модели, которые приводят к изменению спроса и предложения, нарушают устоявшееся бизнес-сообщество.

Природопользование рассматривается нами как целенаправленная деятельность по обеспечению потребностей общества в природных ресурсах и сохранению необходимого для этого качества окружающей среды. Природопользование – это изучение, разведка, оценка, извлечение, первичная переработка (обогащение) природных ресурсов в форме сырья с целью их потребления или обеспечения ими производственной сферы, осуществляемая с учетом основных официально принятых эколого-экономических, социальных и природоохранных стандартов, критериев и ограничений.

Современное общество в процессе природопользования повышает и безопасность – защищенность, и ненадежность – опасность. Это придает понятию «риск» особое значение для развития геополитических структур. Риск означает паритет шансов на успех и потерь по отношению к некоторому решению в части развития, с помощью которого неизвестное будущее хотят сделать известным. Такой тип деятельности является отличительной чертой развития современного общества, а рискованную ситуацию можно рассматривать как разновидность неопределенной ситуации, допускающей оценку вероятности потерь при реализации того или иного решения с учетом влияния природной среды, действия партнеров, конкурентов, противников, непредвиденных факторов и т. д. В этом смысле наша концепция риска природопользования близка таким фундаментальным концепциям, как «эффект бабочки» Эдварда Лоренца и «черные лебеди» Нассима Талеба.

Риск природопользования – это сложная, неопределенная, слабо предсказуемая и постоянно развивающаяся угроза современному обществу, которая меняется в зависимости от его основных факторов, подверженности и уязвимости инфраструктуры, динамики населения, экономических и климатических изменений, а также от новых технологий и социальных предпочтений в тех или иных странах и геополитических объединениях.

Оценка риска природопользования – это процесс определения вероятности потерь путем анализа потенциальных и реальных природных опасностей, существующих и возможных условий уязвимости, которые могут представлять угрозу или нанести ущерб инфраструктуре, имуществу, людям, их средствам к существованию и окружающей среде, от которой они зависят [Ward *et al.* 2020]. Стандарт ISO 31000 определяет оценку риска как процесс, состоящий из трех этапов: идентификация, анализ, оценка. Идентификация – это поиск, распознавание и описание рисков, которые могут повлиять на достижение поставленных целей деятельности. Анализ – это понимание сути, источников и причин идентифицированных рисков для изучения их воздействий и возможных последствий, а также средств

контроля. Оценка – это сравнение результатов анализа риска с идентифицированными критериями риска, чтобы решить вопрос о том, является ли определенный уровень риска приемлемым или допустимым.

Стохастическая природа самого риска природопользования предполагает использование вероятностных методов оценки защищенности населения, экономики и территорий от стихийных бедствий вместо широко распространенного прямого расчета по величине ущерба, посредством которого не может быть осуществлен достоверный прогноз. Поэтому особенно актуальными становятся априорные оценки риска, которые помогали бы формировать систему превентивных мероприятий еще до того, как опасное природное событие произошло. А для этого необходимо концептуальное осмысление подходов к оценке, прогнозу и управлению риском природопользования. Распространенным заблуждением является утверждение о том, что анализ риска основан на эмпирических исследованиях различных опасных для населения, экономики и территорий природных процессов.

Опасные природные процессы

Актуальность оценок риска природопользования обусловлена колоссальным ущербом, который несет мировая экономика [Грушицын и др. 2020]. Он превышает показатели роста ВВП. Если экономические потери от катастроф по всему миру за последние 50 лет выросли в 15 раз, то уровень ВВП – только в четыре раза [Витчак и др. 2020]. При сохранении такой тенденции уже через 30 лет человечество будет вынуждено направлять большую часть ресурсов не на производство материальных и духовных благ, а на ликвидацию последствий стихийных бедствий. Безусловно, это оказывает сильное деморализующее влияние на общество, даже невзирая на предпринимаемые мировыми лидерами беспрецедентные и дорогостоящие меры в части обеспечения безопасности жизнедеятельности и охраны окружающей среды.

Модели ОПП имеют большое значение для всех этапов оценки и риска природопользования. Но большое количество неопределенностей, присущих этим моделям, негативно отражается на связи ученых со структурами управления. Ее отсутствие приводит к еще большей неопределенности в принятии административных решений. Для преодоления этих проблем нужны: 1) четкая типология неопределенности в моделях ОПП и риска природопользования; 2) эффективное взаимодействие со структурами управления, чтобы решить, на каких неопределенностях следует сосредоточиться; 3) управление ансамблями, уверенность, консенсус, преодоление предвзятости и разногласий; 4) методы передачи конкретных неопределенностей, карты, графики; 5) оценки альтернативных подходов. Ученые должны понять потребности административных лиц, а затем уже сосредоточить усилия на выявлении неопределенностей, связанных с их решениями.

Среди причин взлета числа и силы ОПП, стихийных бедствий и ущерба от них следует назвать рост населения, объемов промышленного производства, урбанизацию, антропогенную деградацию природной среды, глобальные изменения климата и др. Все это приводит к увеличению риска природопользования. Снизить его можно, разрабатывая превентивные меры регулирования ОПП, повышая защищенность от стихийных бедствий. К их числу относятся: 1) управление ОПП; 2) упорядочение хозяйственной деятельности и рациональное использование тер-

риторий; 3) создание технических систем предупреждения и экстренного реагирования; 4) принятие своевременных управленческих решений; 5) страхование риска.

Поэтому выявление ОПП и управление риском природопользования строится сегодня на двух дополняющих друг друга стратегиях: мониторинг и прогноз [Кузин 2021]. *Мониторинг* позволяет понять механизмы ОПП, выявить условия их возникновения, оценить периоды возврата и т. п. Сети мониторинга являются эффективным средством сбора данных, которые могут использоваться в сочетании с моделированием. *Прогноз* основывается на мониторинге. Он представляет собой анализ данных в режиме реального времени. Это позволяет проводить более углубленные исследования, направленные на понимание механизмов ОПП и интеграцию в цифровую геоинформационную модель их развития в среднесрочной и краткосрочной перспективе. Количественные методы и вычислительные средства позволяют численно моделировать ОПП. Однако эти расчеты основаны на апостериорном знании, на данных о конкретном уже произошедшем явлении, которые подвержены неопределенностям. И это оправдывает внедрение вероятностных методов для учета уровня неопределенности входных данных и распространения этой неопределенности на выходные результаты. Эта область бурно развивается сегодня и является все еще открытой областью исследований.

ОПП могут вызвать как индивидуальные, так и системные риски. Но в литературе по-прежнему рассматривают эти два типа рисков по отдельности, хотя их следует анализировать и учитывать комплексно. Такой анализ может быть дополнен понятием устойчивости. Он открывает возможности для разработки интегрированной структуры ОПП для повышения устойчивости систем к обоим типам риска. Системные риски иногда называют сетевыми, чтобы подчеркнуть важность взаимосвязей, в то время как индивидуальные риски возникают в результате отдельных ОПП, которые напрямую влияют на агента и происходят независимо от остальной системы.

Субъекты риска могут определить собственные переломные моменты или отдельные ОПП, то есть точки в распределении потерь, в которых их операция завершится неудачей. На этой основе можно разработать наиболее подходящие меры для снижения риска таких ОПП. Этот подход опирается на хорошо зарекомендовавшие себя инструменты – страхование и диверсификацию рисков. Для противодействия системным рискам отдельными переломными моментами нужно управлять в совокупности, так как крах всей системы вызывается отдельными ОПП. Дополнительно проводится корректировка сетевой структуры, которая определяет, как отдельные ОПП могут вызывать каскадные эффекты и генерировать системные риски.

Перспективный путь к интегрированной структуре ОПП основан на оценке критичности узлов. Он направлен на реструктуризацию сети на основе дифференциального вклада узлов (отдельных ОПП) в системный риск. Нужны трансформационные подходы, которые учитывают специфику сетевой структуры системы и подталкивают ее к более безопасным конфигурациям для индивидуальных и системных рисков [Hochrainer-Stigler *et al.* 2020].

Управление риском природопользования

Оценка риска природопользования должна отражать тип риска, имеющуюся информацию и цель, для которой используется результат оценки. Все это должно согласовываться с критериями риска. Важно рассматривать взаимозависимость различных рисков и их источников. При анализе необходимо рассматривать достоверность в определении уровня риска и его чувствительность к предварительным условиям и допущениям и эффективно обмениваться информацией с теми, кто принимает решения. Наличие разброса мнений экспертов, неопределенность, доступность, качество, количество, соответствие текущей информации или ограничения моделирования необходимо констатировать и обращать на них особое внимание.

Основная цель оценки риска природопользования – способствовать принятию решений, основанных на результатах его анализа. Эта оценка включает сравнение уровня риска, выявленного во время анализа, с установленными критериями во время рассмотрения конкретной ситуации (контекста). Рассмотрение необходимости воздействия на риск должно основываться на этом сравнении. Решения должны учитывать контекст риска и толерантность к нему не только структур управления, извлекающих из риска пользу, но и других сторон. Решения должны приниматься в соответствии с правовыми требованиями. Иногда оценка риска приводит к решению продолжить анализ или не воздействовать на риск каким-либо иным образом, кроме поддержания существующих методов и средств управления. На это решение влияет отношение руководителей к риску и его критериям.

Решение задач по идентификации и анализу риска обеспечивает реализацию мер по его снижению, задач по коммуникации и доведению информации до ответственных субъектов и общества в целом. Риск природопользования связан с неоднозначностью мировых геополитических процессов. Он есть везде, где есть неопределенность будущего. Это неизбежная реальность для всех, поэтому им нужно управлять применительно к природе, техносфере, обществу, экономике, территориям, экосистемам. Объединяет их единый научно-методический аппарат. Без возможности влиять на будущее, без теории вероятностей и теории риска современная цивилизация вряд ли могла бы существовать. Ключевым этапом управления риском является его анализ, заключающийся в исследовании влияющих на риск факторов. На основе этого разрабатываются и реализуются меры по контролю и снижению риска, которые состоят в целенаправленном воздействии на факторы риска.

Управление риском природопользования – это ответственность прежде всего пострадавшей страны и только во вторую очередь геополитического объединения, куда она входит. Оно особенно важно в странах, подверженных каскадным и мультирискам. В них администрации всех уровней должны включаться в качестве стандартной практики в национальные стратегии развития. Поэтому необходима законодательная и институциональная база. Для каждого сектора экономики и общественной жизни должны быть определены точки входа для эффективных действий. Также важно, чтобы простые люди, которые могут пострадать от стихийных бедствий, были осведомлены и получили необходимую информацию,

могли оперативно отреагировать, так как они непосредственно участвуют в событиях на месте их возникновения.

В условиях стихийных бедствий высокую эффективность управления риском можно обеспечить только на основе специальной системы поддержки процессов самоорганизации и антиколлапсной самонастраивающейся интеграции сегментов геоинформационных систем и интеллектуальных сервисов, адаптируемых к условиям известного, предсказуемого и неизвестного характера. При этом интеграция сетевых инфраструктур предполагает распределенную обработку и хранение данных на основе взаимодействия и объединения различных сетевых сред, что позволяет обеспечить недостижимую ранее надежность, устойчивость и восстанавливаемость управления. Основное внимание при управлении риском следует уделять финансовому обеспечению, а не техническому управлению. Ключевыми проблемами, с которыми сталкиваются структуры управления, являются: 1) неадекватное и несвоевременное снабжение финансовыми фондами; 2) недоступность страхового покрытия; 3) плохая связь, неточные данные и недоступность информации. Поэтому органам власти необходимо создавать устойчивые институты финансового управления фондами помощи в ЧС без игнорирования роли других частных, государственных и общественных финансовых учреждений, таких как банки и страховые компании, фирмы, инвестиционные фонды.

Будущее общества во многом зависит от политической воли и приверженности руководителей к выделению ресурсов для управления и снижения риска. Отсутствие политической воли не позволит расставить приоритеты в действиях по смягчению рисков. Под эгидой глобальных целей Сендайской рамочной программы до 2030 г. по достижению целей в области устойчивого развития и снижения риска стихийных бедствий всем структурам управления следует совместно работать над снижением глобальной смертности и уменьшением ущерба экономическим активам и инфраструктуре. Обязательства стран в рамках геополитических союзов могут различаться, но в целом должны включать инвестиции в системы раннего предупреждения ОПП и мероприятия по снижению уязвимости к ним. Это распределение бюджетных средств, повышение осведомленности населения и органов власти, продвижение и стимулирование заинтересованных институтов общества к участию в управлении риском. Политическая воля обеспечивает местные, национальные и глобальные дискуссии по укреплению институционального механизма устойчивости и уменьшения уязвимости перед стихийными бедствиями.

Заключение

Сегодня в глобальной геополитике происходит всплеск новых институциональных форм и стратегий борьбы со стихийными бедствиями, которые децентрализуют регулирование рисков и выводят на первый план метарегулирование. Набирает силу превентивный подход. Он требует расширения сферы мониторинга и контроля рисков, что обострило споры по поводу алгоритмов оценки и реагирования на них. Преобладают две точки зрения. Первая объясняет их как отражение преобразования государства, рынка и социума в привилегию экономической свободы или объяснительную структуру, которую можно назвать неолиберальным государственным управлением. Вторая утверждает, что эти тенденции отражают практические требования всего общества для эффективного регулиро-

вания и управления риском или пояснительную основу, которую можно назвать функциональной адаптацией. Но для лучшего контроля риска необходима связь между тем, как люди и общество определяют риски и опасности, и тем, как структуры управления и органы власти стремятся контролировать эти риски и опасности.

На всех уровнях управления должно быть четкое и однозначное представление о том, что понимать под ОПП, стихийными бедствиями, риском природопользования, как их следует изучать и оценивать, в чьей компетенции находятся вопросы пространственного развития территорий. Это позволит выработать механизмы защиты населения, экономики и территорий от негативного влияния ОПП, снизить ущерб и предотвратить убытки.

С точки зрения географии пространство как ее ведущая категория должно быть подвергнуто критическому анализу и рассмотрено скорее как социально-исторический феномен. Наш подход к оценке риска природопользования претендует на переосмысление концепций традиционной геополитики в контексте власти с помощью дискурс-анализа многомерности и открытости географического детерминизма. Но важно понимать, что географическая реальность – это всегда дискурсивная реальность. Геополитическое пространство мира – это сознание действующих лиц. Поэтому любое знание, в том числе по поводу риска природопользования, всегда относительно. Оно формируется под влиянием неизбежной историчности, контекстуальности и случайности знаний. А традиционная геополитика сегодня заклеимена идеологически мотивированным использованием объективных фактов.

Литература

Витчак Е. Л., Грушицын А. С., Данилина М. В., Терновсков В. Б., Яркин В. В. Разработка модели экономики чрезвычайных ситуаций // Мониторинг: наука и технологии. 2020. № 1(43). С. 99–102.

Геополитика: ключевые понятия и основные принципы [Электронный ресурс] : Научные Статьи.Ру. 2023. URL: <https://nauchniestati.ru/spravka/geopolitika-kak-nauka> (дата обращения: 12.12.2023).

Глобальная геополитика / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, И. Ф. Кефели. М. : МГУ, 2010.

Грушицын А. С., Зайченко А. Н., Терновсков В. Б., Данилина М. В. Экономические аспекты чрезвычайных ситуаций // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. 2020. № 3. С. 57–63.

Кефели И. Ф. Глобальная геополитика – реалии и теоретическое знание в XXI в. // Век глобализации. 2011. № 1 (7). С. 15–28.

Кузин Д. В., Пономарев И. П. Управленческое мышление в новой реальности // Мир новой экономики. 2021. № 2. С. 107–117.

Кузьмин С. Б. Оценка риска хозяйственной деятельности в условиях стихийных бедствий по странам мира // Известия РАН. Сер. географическая. 2007. № 4. С. 86–97.

Кузьмин С. Б. Оценка риска природопользования для субъектов Российской Федерации // Геориск. 2016. № 2. С. 30–37.

Кузьмин С. Б. Опасные природные процессы в Российской Федерации // Проблемы анализа риска. 2019. № 2. С. 10–35.

Кузьмин С. Б. Сравнительная оценка риска природопользования в субъектах Российской Федерации // Проблемы анализа риска. 2020. № 5. С. 48–71.

Кузьмин С. Б. Опасные природные процессы – глобальная угроза современности // Век глобализации. 2021. № 2. С. 17–29.

Кузьмин С. Б. Глобальные социально-психологические аспекты стихийных бедствий // Век глобализации. 2022а. № 4. С. 49–62.

Кузьмин С. Б. Опасные природные процессы: специальное геоморфологическое районирование. Новосибирск : СО РАН, 2022б.

Кузьмин С. Б. Риск природопользования в странах Европейского и Африканского Союзов: сравнительный анализ // Климат и природа. 2023. № 1–2. С. 3–26.

Мовсесян А. Г., Огневцев С. Б. Мировая экономика. М. : Финансы и статистика, 2001.

Морозов В. А. Теории общества и риски его развития // Экономические стратегии. 2020. № 2. С. 124–133.

Ansell C., Baur P. Explaining Trends in Risk Governance: How Problem Definitions Underpin Risk Regimes // Risk, Hazards, & Crisis in Public Policy. 2018. No. 4. Pp. 397–430.

Fard R. Towards a New Concept of Constructivist Geopolitics: Bridging Classical and Critical Geopolitics // Central European Journal of International and Security Studies. 2021. No. 1. Pp. 26–57.

Hochrainer-Stigler S., Colon C., Boza G., Poledna S., Rovenskaya E., Dieckmann U. Enhancing Resilience of Systems to Individual and Systemic Risk: Steps toward an Integrative Framework // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2020. Vol. 51. Pp. 101868.

Ward P. J., Blauhut V., Bloemendaal N., Daniell J. E. Natural Hazard Risk Assessments at the Global Scale // Natural Hazards and Earth System Science. 2020. No. 4. Pp. 1069–1096.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ*

Саямов Ю. Н.**

В статье излагается особое мнение автора о процессах глобализации и деглобализации, полагающего, что глобализация в самом общем виде может пониматься как распространение по планете потоков, процессов, явлений и характеристик, обретающих значимость для мирового социума, общества и биосферы. В этой связи глобализация понимается как процесс, который носит в целом объективно-исторический характер. Отмечается также необходимость отходить от узкого взгляда на глобализацию и, соответственно, деглобализацию как на сугубо экономически обусловленные процессы. Предлагается рассматривать их в более широком контексте, включающем в себя политические, культурные и цивилизационные трансформации. Охватившие мир геополитические трансформации можно оценивать как глобализационные с позиций незападного большинства, продвигающего глобализацию как возможность общепланетарного сотрудничества для устойчивого развития, или как деглобализационные, имея в виду все более очевидную утрату Западом своих позиций глобального доминирования. Автор приходит к выводу, что глобализация, выступая по отношению к деглобализации исходным понятием, образует с ней взаимосвязанную и взаимозависимую понятийную пару, которая являет собою как бы две стороны одной медали, способной в различных толкованиях и восприятиях оборачиваться своей противоположностью.

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, глобальные трансформации, политика, политическая и экономическая архитектура, вестернизация.

GLOBALIZATION AND DEGLOBALIZATION: TWO SIDES OF THE SAME COIN

The author presents his views on the processes of globalization, deglobalization and believes that globalization in the most general sense can be understood as the spread of flows, processes, phenomena and characteristics across the planet that are becoming important for the world of the human being, society and the biosphere. In this regard globalization is understood as a process that has generally objective-historical nature. It is also noted that there is a need to move away from

* **Для цитирования:** Саямов Ю. Н. Глобализация и деглобализация: две стороны одной медали // Век глобализации. 2025. № 1. С. 39–49. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.03.

For citation: Sayamov Yu. N. Globalization and Deglobalization: Two Sides of the Same Coin // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 1. Pp. 39–49. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.03 (in Russian).

** Саямов Юрий Николаевич – д. полит. н., заведующий кафедрой ЮНЕСКО факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: y.sayamov@yandex.ru.

Yuri N. Sayamov – Dr. Polit., Head of the UNESCO Department of the Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University. E-mail: y.sayamov@yandex.ru.

a narrow view of globalization and, accordingly, deglobalization as purely economically driven processes. It is suggested to consider them in a broader context, including political, cultural and civilizational transformations. The geopolitical transformations that have engulfed the world can be assessed as globalizing from the standpoint of the non-Western majority, which promotes globalization as an opportunity for global cooperation for sustainable development, or as deglobalizing, referring to the West's increasingly obvious loss of its positions of global dominance. The author comes to the conclusion that globalization, acting in relation to deglobalization as an initial concept, forms an interconnected and interdependent conceptual pair with it, which is like two sides of the same coin, capable of turning into its opposite in various interpretations and perceptions.

Keywords: globalization, deglobalization, global transformations, politics, political and economic architecture, westernization.

В 2023 г. в журнале «Век глобализации» была опубликована статья профессора А. Н. Чумакова, озаглавленная «Глобализация или деглобализация?», которая практически сразу была переведена и опубликована также на английском и китайском языках и привлекла внимание как отечественных, так и зарубежных ученых [см.: Чумаков 2023; Chumakov 2024; Чумаков 2024]. Хотелось бы продолжить обсуждение затронутых в этой статье вопросов, тем более что свой особый взгляд на эту тему уже изложила также известный специалист в области глобалистики, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова О. Г. Леонова в отклике, озаглавленном «Деглобализация versus глобализация» [Леонова 2024].

Действительно, нельзя не согласиться с автором актуальной и полемической статьи в том, что от того, как понимается глобализация, да и вообще любое явление, зависит восприятие этого явления, его оценка и интерпретация. Прежде чем договориться о чем бы то ни было, участники соглашения, конвенции или иной договоренности указывают, обычно в первой статье документа, что понимается под тем или иным используемым в нем термином. Делается это для того, чтобы договаривающиеся стороны и все, кто будет пользоваться документом, отчетливо и однозначно, без риска ложной интерпретации, осознавали, о чем идет речь, хотя, разумеется, всегда остается возможность умышленно или в силу заблуждений наполнять применяемые термины иным смыслом по сравнению с их зафиксированным договорным содержанием.

Глобализация в самом общем виде может пониматься как распространение по планете потоков, процессов, явлений и характеристик, обретающих значимость для всего мира человека, общества и биосферы. Глобализация и сама по себе является процессом, который, как справедливо отмечает А. Н. Чумаков, носит в целом объективно-исторический характер [Чумаков 2023: 27]. Памятна его дискуссия десятилетней давности на тему объективности и субъективности глобализации с ныне уже покойным философом И. А. Гобозовым [Его же 2014]. В отдельных частных интерпретациях, которые определяют и трактуют понятие глобализации субъективным образом, оно может использоваться для создания неадекватных, политически, экономически и идеологически обусловленных построений картины мира и манипулятивных толкований этого понятия. «Совсем иной результат мы получим, – указывал известный исследователь А. С. Панарин, – если попытаемся оценивать новации глобализма с иной, субъективной стороны, касающейся куль-

турных, нравственных и политических устоев нашей цивилизации» [Панарин 2003: 5].

Судя по аналитической записке Центробанка России, чиновники и эксперты этого финансового учреждения видят процессы глобализации и деглобализации как обстоятельства, с которыми связаны возможности и результаты участия государств в глобальных цепочках добавленной стоимости [Банк России 2019]. Считая Россию страной с формирующимся рынком (СФР), специалисты Центробанка настаивают на том, что она должна быть более прочно встроена в глобальные цепочки добавленной стоимости. Как представляется, это может служить примером узкого взгляда на глобализацию и деглобализацию, причем сформированного на основе представлений Запада, если исходить из списка литературы, приложенного к данной записке [Там же: 24–25].

Впрочем, Центробанк России отнюдь не одинок в рассмотрении понятий и содержания глобализации и деглобализации как явлений сугубо экономической природы и характера. В материале, опубликованном российским информационным агентством ТАСС 23 мая 2022 г., содержится набор рассуждений о глобализации и деглобализации как следствии экономических процессов и подтверждающих экономическую природу этих явлений ссылок на высказывания отечественных и зарубежных авторитетов. Задается вопрос, закончилась ли глобализация, поскольку, как утверждается в статье, «мировая экономика начала двигаться в сторону деглобализации уже после кризиса 2008–2009 гг.». При этом приводится точка зрения «сторонников глобализации», не согласных с тем, что она пошла на спад, и «важными критериями глобализации» называются экспорт по отношению к общемировому ВВП, объемы торговли, иностранные инвестиции и другие экономические показатели [Что ждет... 2022]. То есть речь, по сути, идет о глобализации в экономической сфере, или о так называемой «экономической глобализации», которая нередко отождествляется с глобализацией без учета комплексного характера этого явления, затрагивающего практически все сферы современного мира. Как отмечает действующая Концепция внешней политики Российской Федерации, «усиливается кризис экономической глобализации» [Концепция... 2023: п. 10].

Об экономической глобализации и деглобализации размышляет в своей статье О. А. Тюрина из Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, утверждая, что «глобализация, при которой макроэкономические силы, торговая политика и глобальные цепочки поставок более тесно связывают страны и корпорации, пересматривается из-за геополитических проблем, безопасности и экономики» [Тюрина 2023: 262]. Она приходит к убеждению, что «сегодня мир движется в сторону *деглобализации* как возможности для отдельных стран и межгосударственных объединений защитить свои экономики, свои рынки». При этом, по мнению автора, «процесс деглобализации объективен, необратим и представляет собой последствие фундаментальных изменений в мировой экономике, спровоцировавшее фрагментацию мирового хозяйства» [Там же: 263; курсив мой. – Ю. С.].

Однако многие исследователи отходят от узкого взгляда на глобализацию и, соответственно, деглобализацию как на сугубо экономически обусловленные процессы, рассматривая их в более широком контексте, включающем в себя политические, культурные и цивилизационные трансформации. Глобализация, определяемая Томасом Палмером как «естественные и искусственные процессы ослабления или уничтожения государственных барьеров, стоящих на путях различных

типов обменов» [Palmer 2004: 13], и понимаемая как движение к более взаимосвязанному миру, вступает сегодня под влиянием острого столкновения разнонаправленных интересов Запада и незападного большинства в эпоху неопределенности. Возникают и действуют казавшиеся еще недавно маловероятными факторы, радикально меняющие глобальный геополитический ландшафт и предопределяющие усиление непредсказуемости будущего. На этом фоне модным словом становится «деглобализация», которая многими трактуется не только как объективный процесс мировой политики, экономики и социальной жизни, но и как вызов неолиберализму и отказ следовать «правилам», навязываемым Западом. Для последнего деглобализация, понимаемая как девестернизация, похоже, становится эрой «черных лебедей», чреватой достаточно реальной возможностью утраты былого могущества и привычного права жить за счет других. Примечательно, что скорость деглобализации, если ее рассматривать как движение по пути разрушения выстроенной Западом конструкции глобального мира, определяется во многом самими западными странами, поскольку именно они вводят санкции, развязывают «горячие» и «холодные» войны, создают, нередко себе в ущерб, барьеры для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Меняющийся миропорядок характеризуется стремлением стран, еще в недавнем прошлом воспринимавшихся Западом как некая второстепенная периферия глобального мироустройства, претендовать на равноправное конкурентное развитие. Навязанная вестернизация породила в незападном мире мощные глубинные силы сопротивления и борьбы за отстаивание суверенитета государств, на который Запад непосредственно и недвусмысленно посягал. Эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай» Жак Сапир вообще считает деглобализацию восстановлением суверенитета государств и «триумфальным возвращением политики к алгоритму выработки суверенных решений». Для него это также становление нового мира и возвращение к демократии [Сапир 2019]. Очевидно при этом, что речь идет о подлинной демократии, о народовластии, а не о симулякре этого понятия, который используется Западом как маркер «свой – чужой» и присваивается в виде ярлыка послушным, в том числе тоталитарным, открыто антидемократическим и даже фашистским режимам.

Деглобализация, когда она используется в качестве антитезы глобализации, неизбежно основывается на том, как понимается последняя, имеющая сегодня десятки, если не сотни определений. В представлениях неолиберального западного политикума глобализация тем или иным образом выступает как вестернизация, англосаксонского – как мир под его управлением, американского – как достижение Pax Americana, французского – как мондиализация, то есть как западное глобальное доминирование с сильным влиянием Франции. В то же время для незападного большинства глобализация предстает как возможность совместного развития и преодоления общих проблем, таких как голод, нищета, неравенство и других, отраженных, в частности, в принятой ООН Глобальной повестке до 2030 г. Особо значимой является ее завершающая 17-я цель, которая призывает к глобальному партнерству в решении глобальных проблем и вызовов, стоящих перед человечеством [Резолюция... 2015]. Соответственно, деглобализация может восприниматься в различных контекстах как девестернизация, деамериканизация, демондиализация или же как сокращение возможностей для глобального сотрудничества и партнерства.

Взгляд на глобализацию и современный мир в своем выступлении на Валдайском форуме в 2023 г. убедительно расшифровал президент Российской Федерации В. В. Путин, предложивший шесть новых правил. Первое из них можно обозначить как чистую глобализацию – процесс глобального развития и сотрудничества без навязанных США условий, искусственных барьеров и разделения мира на «демократии и автократии», «оси добра и ось зла» и т. п. Именно к такой глобализации устремлены народы и государства мирового большинства. Второе правило – уважение культурного и цивилизационного многообразия как основа глобализации вместо навязывания одними своих представлений о том, как жить другим. Правило третье – строить мир будущего как мир коллективных решений и глобализации без гегемонизма. Правило четвертое – освободить глобальное развитие от наследия колониальной эпохи и холодной войны. Правило пятое – обеспечить в глобальном развитии право на справедливость для всех. Правило шестое – утвердить суверенитет как всеобщую привилегию [«Конец...» 2023].

Дискурс глобализации обнаруживает непосредственную связь с проблематикой глобальных трансформаций и движения к новому миропорядку. В свою очередь, идея многополярного мира предполагает осознание особой роли и значения суверенитета, что в отдельных представлениях может оцениваться с одних позиций как деглобализационный, а с других – напротив, как глобализационный процесс, но на иной основе. Для стран, которые Запад последовательно встраивал в режим своей эксплуатации, делая их экономически слабыми и зависимыми и фактически лишая не только права голоса, но и способности осознать свои национальные интересы, глобализация все более четко проступала как процесс, в котором имеются «глобализаторы» и «глобализируемые». Охватившие мир геополитические трансформации можно оценивать как глобализационные с позиций западного большинства, продвигающего глобализацию как возможность общепланетарного сотрудничества для устойчивого развития, или как деглобализационные, имея в виду все более очевидную утрату Западом своих позиций глобального доминирования, которые на протяжении длительного времени использовались им в целях эксплуатации и наживы. Западные «глобализаторы», навязывая остальному миру свой вариант глобализации в форме вестернизации и убеждая другие страны, что утрата ими политической субъектности является объективно обусловленным процессом в рамках глобализации как неизбежности на пути к все-общему прогрессу и процветанию, откровенно лукавили. США, которые вообще видели глобализацию как американизацию и подчинение себе всего мира, не только не рассматривали для себя какой-либо вариант десуверенизации, но, напротив, стремились нарастить свой суверенитет до максимально возможных значений. С этой целью, особенно в последнее время, они стали выходить из договоров и организаций, оставаясь только в тех, которые считали для себя критически необходимыми. Великобритания усмотрела угрозу своему суверенитету в действиях Брюсселя и покинула Евросоюз. Выход Британии из глобализационного проекта единой Европы, призванного проторить путь к формированию единого мира на началах западного доминирования, стал не единственным потрясением для евробюрократов, которые отчаянно пытались вписаться в глобальные гегемонистские построения заокеанского патрона, но получили вместо права участия в глобальном управлении обязанность подчиниться безжалостным максимам глобализации по-американски. Пришлось «проглотить» взрыв «Северных потоков» и другие

ущемления национальных интересов и суверенитета некогда великих европейских держав, что опять-таки одним могло представляться как издержки глобализации, а другим – как проявления деглобализации.

Не только европейцам, но и Соединенным Штатам по ходу развития событий потребовалось не раз пересмотреть свои взгляды на перспективы глобального мира. Эйфорию Запада по поводу якобы одержанной им победы в холодной войне заметно охладило возвращение России к независимой суверенной политике. Расчеты на то, что России уже никогда не подняться вновь до уровня глобальной державы, перечеркнула шоковая терапия речи В. В. Путина в Мюнхене в 2007 г. Следующими потрясениями для Запада стали такие элементы современного глобализационного развития, как движение к многополярному мироустройству, локомотивами которого выступили нарастающие свое взаимодействие Россия и Китай; как возвращение в Россию Крыма и Севастополя, а за ними – Донбасса и других исконно русских территорий; как решимость России отстоять свой суверенитет перед лицом агрессии США и НАТО, развязанной с украинского плацдарма. Именно агрессия Запада против России обусловила необходимость ее силового ответа в виде специальной военной операции (СВО), которую также можно расценивать с разных позиций как имеющую глобализационный или деглобализационный импакт. Первый может усматриваться в том, что борьба России против попыток Запада претендовать на свое неокOLONIAЛЬНОЕ доминирование в мире имела следствием глобализационный эффект в виде единения западного большинства вокруг идеи более справедливого глобального миропорядка, возвышения БРИКС и роста привлекательности новых, свободных от западного диктата наднациональных форматов. Второй – в том, что глобализация в западном понимании, то есть вестернизация, отбрасывается назад, теряя свои позиции, и в этом смысле происходит деглобализация. О последней свидетельствует также очевидный кризис всей инфраструктуры западной глобализации. Ее должны были обеспечивать санкции, торговые и гибридные войны, «цветные революции» и государственные перевороты, использование прозападных международных кредитно-финансовых и регулирующих институтов, таких как Всемирный банк, МВФ и ВТО. Все эти и иные привычные инструменты глобального манипулирования, к которым прибегал Запад, становились менее действенными по мере того, как обнажались подлинные интересы и намерения «глобализаторов» в ходе обострившегося противостояния не только Запада и западных стран, но и западных хищников в подковерных схватках между собой.

Глобализация в ее западном толковании все больше становилась объектом критики в отличие от совсем недавних времен, когда всех, высказывавших те или иные сомнения в ее адрес, немедленно объявляли ретроgrадами или отставшими в своем развитии. Точкой невозврата к прежним умело инициированным восторгам по поводу глобализации по лекалам Запада, грядущего исчезновения государств, которых якобы предстоит заменить некими «социально ответственными ТНК», стал мировой кризис 2008 г. и последующие процессы разрушения модели западного глобального доминирования.

Созданный в 2005 г. в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова факультет глобальных процессов был призван взять на себя ответственную миссию формировать и развивать современную отечественную школу глобалистики на научной площадке свободных от западного доминирова-

ния глобальных исследований. Важно было избавить включавшихся в эту сферу российских ученых от статуса вторичности, который они сами же создавали и поддерживали, бесконечно цитируя работы западных «авторитетов» и выстраивая на основе их мыслей и концепций собственные умозаключения. Знаковым в этом отношении стало появление в 2010 г. работы декана факультета И. В. Ильина «Глобалистика в контексте политических процессов», в которой содержались оригинальные взгляды и определения и указывалось на то, что «глобализация является многоаспектным процессом, она оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности людей» [Ильин 2010: 113]. Действительно, понятие глобализации многолико и многозначно. В данном плане оно подобно понятию цивилизации, которое тоже воспринимается по-разному и имеет множество толкований. Представляется возможным судить о многоаспектности как глобализационных, так и деглобализационных процессов, что и сделал дипломат и ученый Л. Н. Клепацкий, заявив в 2015 г. о многоаспектном измерении деглобализации. По его мнению, «деглобализация означает возвращение к ситуации, когда национальное государство несет ответственность за состояние дел в пределах своей территории и в отношениях с другими членами международного сообщества». В этой связи «перед западным сообществом возникает дилемма: или следовать политике своего моноцентризма в мире, навязывая международному сообществу свои правила жизни и ценности, или пойти дорогой поиска нового баланса интересов в международных отношениях» [Клепацкий 2015: 45].

Однако взгляд на «глобализацию как стремление к единству мира, как формирование глобального человеческого общества, как самый важный в новейшее время процесс, обозначающий переход биосферы в состояние ноосферы» [Иванов, Снакин 2016: 4], который разделяют многие не только в научном сообществе, но и далеко за его пределами, особенно в незападном мире, обуславливает и представление о деглобализации как о контрглобализации, как о процессе обратной направленности в отношении возможности достижения глобального партнерства для преодоления проблем и вызовов, все более угрожающих самому существованию человечества. Отечественная школа глобальных исследований выявила взаимосвязь глобализации и мировой стратегии устойчивого развития [Ильин и др. 2015: 49], в повестке которого достижение такого глобального партнерства фигурирует в качестве системообразующей цели устойчивого развития (ЦУР 17) [Резолюция... 2015]. Имманентно противоречивый характер глобализации отражается в ее толковании «оптимистами» в качестве позитивного феномена, выводящего цивилизационный процесс на уровень «все более широких возможностей для рациональных взаимоотношений человека, социума и биосферы», в то время как «пессимисты» видят глобализацию как отрицательное явление, полное опасных ошибок и искушений, а «реалисты» допускают и первое, и второе в разных соотношениях в зависимости от точки зрения [см.: Ильин и др. 2015: 50–51].

Выводы, к которым можно прийти в результате, как представляется, говорят, во-первых, о том, что в любом варианте глобализация является по отношению к деглобализации основным, исходным понятием, или, пользуясь языком международного права, первичным субъектом, в то время как деглобализация в отношении глобализации выступает зависимым от нее реактивным, вторичным понятием [Чумаков 2015]. Осознание непреложности этого факта должно помочь из-

бежать ситуаций, когда, образно говоря, телега оказывается впереди лошади. Упрощается выбор адекватного определения понятия глобализации на основе признания объективного характера этого феномена, имеющего множественные проявления и их субъективные толкования, а также восприятие деглобализации по принципу «от обратного». Деглобализацию становится достаточно легко и просто представлять как процесс, противоположный или обратно направленный по отношению к глобализации, причем такое понимание отнюдь не будет какой-либо примитивизацией реальности. Скорее, оно явится ее более адекватным отражением, свободным от излишних теоретических нагромождений, которыми так любят подчас усложнять свои работы некоторые исследователи.

Во-вторых, глобализация и деглобализация, как представляется, образуют взаимосвязанную и взаимозависимую понятийную пару, как бы стороны одной медали, способной в различных толкованиях и восприятиях оборачиваться своей противоположностью.

В-третьих, актуальное состояние международных отношений и в целом дел в современном мире, заставившее заговорить о кризисе глобализации, характеризуется прежде всего кризисом ее западной, точнее говоря, англосаксонской модели и глобальной экспансии ее ценностей. При этом, как полагает исследователь А. В. Кузнецов, в англосаксонском тандеме «по сути, США – своеобразный английский цивилизационный клон, “исполнительный механизм”, “мускульная сила”, “системный менеджер” глобализации, в то время как Британия выступает ее мозгом, духом и сердцем» [Кузнецов 2015: 140]. Такое видение глобализации способно многое объяснить в отношении актуальной реакции англосаксов на деглобализацию, которая в данном контексте может восприниматься как крах их планов утвердить свое глобальное присутствие вплоть до периметра российских границ. Применительно к России можно говорить о существенном расширении ее глобализационного воздействия на мир, имея в виду глобализационный импакт ее ресуверенизации, независимой политики и движения к новому, более справедливому миропорядку, которое она возглавила вместе с Китайской Народной Республикой. Влияние России на мир сегодня обуславливает и процессы деглобализации, если их понимать как сокращение возможностей для глобального доминирования США и реализации неокOLONиальных устремлений Запада. Уместно в этой связи присоединиться к точке зрения о том, что «глобализация в американской версии заканчивается» [Гринин 2023: 107].

В-четвертых, немаловажно отметить, что охвативший мир процесс ресуверенизации государств, воспринимаемый будь то как глобализация независимости или же как деглобализация зависимости, не подразумевает в качестве последствий обязательно их изоляцию или обособление. В истории отмечены случаи самоизоляции государств, в частности Японии и Китая, пытавшихся уберечь свой суверенитет от «глобализаторов» того времени, или же Соединенных Штатов, которые, следуя доктрине Монро, решили вначале разобраться с делами на своем континенте. В ином контексте видятся современные потуги Запада изолировать Россию, которая успешно компенсирует возведенные США и их союзниками барьеры и санкции на пути ее развития своим разворотом на Восток. Не только Россия, но и многие другие государства не готовы ни к десуверенизации во имя глобализации, ни к деглобализации, если последняя означает сокращение возможно-

стей для общепланетарного партнерства и сотрудничества на принципах равенства и взаимного уважения.

В-пятых, рассматривать глобализацию, ее аспекты и антипод в виде деглобализации сегодня приходится в обстоятельствах всеобъемлющих трансформаций, которые не только меняют весь мир и ведут к его новому устройству, но и буквально переворачивают многие устоявшиеся представления. Происходит, казалось бы, немыслимое. Рушится на глазах не только политическая и экономическая, но и цивилизационная архитектура западного доминирования. Контуры новой глобальной архитектуры предопределил разворот на Восток России, которая, пожалуй, впервые в своей тысячелетней истории столь радикально рассталась с привычно ориентированным на Запад вектором собственного развития. Это случилось в результате того, что США и ведомый ими коллективный Запад не устояли перед соблазном попытаться прибрать Россию и ее богатства к своим рукам посредством использования вначале «мягкой силы», открыто заявляя, в частности устами бывшего госсекретаря США Мадлен Олбрайт, о необходимости объявить ресурсы Сибири общечеловеческим достоянием. Когда это не получилось, был задействован инструментарий насильственной глобализации в широком диапазоне от применения в беспрецедентном количестве нелегитимных экономических санкций до прокси-войны с украинского плацдарма. Современные «неоглобализаторы» своими действиями побудили весь мир серьезно задуматься над тем, какое содержание и смысл они вкладывают в свое представление о глобализации и чем это грозит всему человечеству. Для научного сообщества в повестку дня встала необходимость переоценки и уточнения категориального аппарата применительно к глобализации и смежным понятиям.

В-шестых, взгляды на глобализацию и ее характер пересматриваются на фоне происходящего реального упадка лидерства Запада, распространившегося уже и на технологическую сферу, в которой еще сравнительно недавно он занимал доминирующие позиции, но был вынужден частично или полностью уступить их КНР и некоторым другим незападным странам. В данном случае также можно говорить о глобализации незападного технологического лидерства или о деглобализации западного. Очевидно, впрочем, что в любом случае речь идет о следствии кризиса однополярного мира и продвижения к многополярному мироустройству.

В-седьмых, как бы парадоксально это ни прозвучало, за закат западной глобализации несут ответственность не только объективно обусловленные глобальные процессы, но и действия самого Запада. Будучи субъективно заряженными в собственных интересах и направленными на достижение желаемого результата, нередко любой ценой, они все больше оборачиваются фатальными просчетами и ошибками вследствие растущего неприятия западного доминирования незападным миром.

В заключение – об исследовательских задачах и предположениях в отношении глобализационных и деглобализационных процессов. Как представляется, их объективная и субъективная обусловленность может быть в той или иной степени регулируемой посредством изменения условий, в которых они формируются и протекают. Однако в какой степени это возможно, предстоит устанавливать применительно к конкретным геополитическим, геоэкономическим и другим геобстоятельствам. Уже приводились выше примеры глобализационных и деглобализационных импактов, одним из мощнейших среди которых явилось воздействие СВО на актуальные процессы и состояние дел в мире. Уже называлась понятий-

но-терминологическая задача. Следовало бы добавить потребность в своего рода научной инвентаризации аспектов глобализации в контексте ее разнонаправленных процессов без игнорирования фактов, не укладывающихся в то или иное концептуальное ложе. Подобный подход помог бы выявить на первый взгляд малозаметные составляющие глобализационных процессов со знаком «плюс» или «минус», что, в свою очередь, положительно сказалось бы на качестве и точности научного прогноза и экспертизы. Отдельный интерес представило бы определение актуальных глобализационных и деглобализационных тенденций в понимании и политике ведущих игроков на мировой арене по осям «Запад – Восток», «Север – Юг» и «Юг – Юг». Особое значение имело бы углубленное исследование роли и места России в качестве объекта и субъекта глобализации, рассматриваемой как дихотомическое понятие. Ведь можно утверждать, что Россия, оспаривая лидерство США и Запада и выступая за многополярный мир на стороне незападных государств, способствует процессу, который является деглобализацией для первых и глобализацией для вторых. Возможно, в единстве противоположностей следует трактовать и понятие глобализации, не выделяя деглобализацию как таковую в отдельную самостоятельную политическую, экономическую и научную категорию.

Завершая изложение своей точки зрения на вопросы, затронутые уважаемыми мною профессорами и авторитетными специалистами А. Н. Чумаковым и О. Г. Леоновой, считал бы важным заметить, что происходящее быстрое развитие отечественной школы глобальных исследований выдвигает Россию в авангард современной научной глобалистики в качестве ориентира для научной мысли незападного мира вместо выступавшего в этом качестве американско-западного образца. Данное обстоятельство, как представляется, радикально меняет ландшафт и вектор представлений о глобализации и, соответственно, деглобализации, обуславливая необходимость более полно и адекватно учитывать набирающие удельный вес взгляды мирового большинства и расставаться с привычной для многих исследователей ориентацией на американских и других западных «авторитетов» и их поучения.

Литература

Банк России. Глобализация и деглобализация: роль стран с формирующимися рынками и выводы для России. Аналитическая записка. 2019. Июль [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/content/document/file/72911/analytic_note_080719_dip.pdf (дата обращения: 18.04. 2024).

Гринин Л. Е. Ускорение реконфигурации Мир-Системы в связи с СВО и возможные сценарии будущего // Век глобализации. 2023. № 3(47). С. 90–115.

Иванов О. П., Снакин В. В. Глобализация с позиций экологии, синергетики и теории сложных систем // Век глобализации. 2016. № 4(20). С. 3–12.

Ильин И. В. Глобалистика в контексте политических процессов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010.

Ильин И. В., Лось В. А., Урсул А. Д. Стратегия устойчивого развития в контексте глобализации // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2015. № 1/2. С. 49–65.

Клепацкий Л. Н. Деглобализация мировой системы // *Международная жизнь*. 2015. № 8. С. 25–45.

«Конец миропорядка». Путин предложил миру шесть новых правил [Электронный ресурс] : ИА Регнум. 2023. 6 октября. URL: https://dzen.ru/a/ZR_UuCQpoAgwDN4a?ysclid=lxvggjgiom801929683 (дата обращения: 28.04.2024).

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) – Министерство иностранных дел Российской Федерации, п. 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения: 13.05.2024).

Кузнецов А. В. Судьба англосаксонского глобализма // *Мир перемен*. 2015. С. 133–148.

Леонова О. Г. Деглобализация versus глобализация // *Век глобализации*. 2024. № 2(50). С. 3–19.

Панарин А. С. Искушение глобализмом. М. : Эксмо, 2003.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 N 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/407358666/> (дата обращения: 26.04.2024).

Сапир Ж. Деглобализация уже в пути: Новый мир и возвращение демократии [Электронный ресурс] : Валдай. 2019. 20 ноября. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/high-lights/deglobalizatsiya-uzhe-vputi/?ysclid=lw3578axmz243240725> (дата обращения: 26.04.2024).

Что ждет глобализацию: конец или изменение? [Электронный ресурс] : ТАСС. 2022. 23 мая. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14680517?ysclid=lv9zwrwvu1240402839> (дата обращения: 26.04.2024).

Тюрина О. А. Деглобализация: миф или реальность? [Электронный ресурс] : Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 10–2. С. 262–266. URL: <https://vaeel.ru/ru/article/view?id=3021> (дата обращения: 21.04.2024).

Чумаков А. Н. О глобализации с объективной точки зрения // *Век глобализации*. 2014. № 2(14). С. 39–51.

Чумаков А. Н. Язык как средство коммуникации и решения проблем в глобальном мире // *Вопросы философии*. 2015. № 12. С. 5–14.

Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? // *Век глобализации*. 2023. № 3(47). С. 19–34.

Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? // *Глобальные исследования 2024* / отв. ред. Сюэ Сяюань, Шэнь Сяпин. Пекин : Центральное издательство компиляций и переводов (CCTP), 2024. С. 42–57 (на кит. яз.).

Chumakov A. N. De-Globalization: Delusion or Logical Error? [Электронный ресурс] : *New Global Studies*. 2024. May 27. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/ngs-2024-0021/html> (дата обращения: 15.06.2024).

Palmer T. G. *Globalization and Culture: Homogeneity, Diversity, Identity, Liberty*. Potsdam : The Liberal Institute of the Friedrich Naumann Foundation, 2004.

В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

БРИКС – ПЛАТФОРМЕННАЯ МОДЕЛЬ ДЛЯ УСКОРЕННОГО ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО РАВНОПРАВНОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОУСТРОЙСТВА И СПРАВЕДЛИВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ*

Акаев А. А., Мусиева Д. М.**

В статье показано, что развитие БРИКС на этапе становления (2006–2022 гг.) происходило по платформенной модели, которая идеально подходит для ускоренного формирования нового равноправного многополярного мироустройства и справедливой глобальной системы управления, что является стратегической целью объединения БРИКС. Описаны принципы, на которых строятся отношения между странами – членами БРИКС, и базовые транзакции, лежащие в основе их взаимодействия.

Саммит БРИКС в Йоханнесбурге (ЮАР, 2023 г.) стал историческим: объединение пополнилось первой волной из пяти стран. Начался второй этап развития БРИКС – этап расширения. Изложены задачи года председательства России в БРИКС, основные из которых – выработка эффективных механизмов активизации финансово-экономического сотрудничества и подготовка достойной второй волны стран-кандидатов для дальнейшего расширения БРИКС-10. Авторы полагают, что наиболее подходящие для этой цели страны – Алжир, Индонезия, Казахстан, Мексика, Нигерия, Таиланд и Турция.

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-11-00160 «Моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в XXI веке в контексте мировой динамики»).

Для цитирования: Акаев А. А., Мусиева Д. М. БРИКС – платформенная модель для ускоренного формирования нового равноправного многополярного мироустройства и справедливой глобальной системы управления // Век глобализации. 2025. № 1. С. 50–62. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.04.

For citation: Akayev A. A., Musieva J. M. BRICS as a Platform Model for the Accelerated Formation of a New Equal Multipolar World Order and a Fair Global Governance System // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 1. Pp. 50–62. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.04 (in Russian).

** Акаев Аскар Акаевич – д. т. н., профессор кафедры глобалистики факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, академик РАН. E-mail: askarakaev@mail.ru.

Askar A. Akayev – Dr. Techn., Professor of the Department of Globalistics, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University, Academician of the RAS. E-mail: askarakaev@mail.ru.

Мусиева Джамиля Маллаевна – н. с. факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: Musdjam@mail.ru.

Jameelah M. Musieva – Researcher of the Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University. E-mail: Musdjam@mail.ru.

Отмечено, что именно БРИКС под силу гармонизировать новый этап глобализации, сделать ее справедливой для развивающихся стран. В заключение подчеркивается, что при успешной реализации стратегии развития и расширения БРИКС на основе платформенной модели уже в 2040-е гг. человечество будет благополучно развиваться в условиях устойчивого справедливого многополярного мира.

Ключевые слова: БРИКС, многополярное мироустройство, глобальная система управления, суверенитет, сетевое взаимодействие, сетевой эффект, платформа, транзакции, устойчивое развитие, справедливая глобализация.

BRICS AS A PLATFORM MODEL FOR THE ACCELERATED FORMATION OF A NEW EQUAL MULTIPOLAR WORLD ORDER AND A FAIR GLOBAL GOVERNANCE SYSTEM

The article shows that the development of BRICS at the stage of its formation (2006–2022) took place according to a platform model which is ideal for the accelerated formation of a new equal multipolar world order and a fair global governance system, which is the strategic goal of the BRICS association. The principles on which the relations between the BRICS member countries are based and the basic transactions underlying their interaction are described.

The BRICS summit in Johannesburg (South Africa, 2023) was historic: the first wave of five countries joined the group. The second stage of BRICS development – the expansion stage – has begun. The goals of the year of Russia's BRICS chairmanship are outlined, the most important of which are the development of effective mechanisms for strengthening financial and economic cooperation and the preparation of a worthy second wave of candidate countries for further expansion of BRICS10. According to the authors, the most suitable countries for this purpose are Algeria, Indonesia, Kazakhstan, Mexico, Nigeria, Thailand and Turkey.

It is noted that it is BRICS that is capable of harmonizing the new stage of globalization and making it fair for developing countries. In conclusion, it is emphasized that with the successful implementation of the BRICS development and expansion strategy based on the platform model, already in the 2040s, humanity will develop safely in the conditions of a sustainable, fair multipolar world.

Keywords: BRICS, multipolar world order, global governance system, sovereignty, network interaction, network effect, platform, transactions, sustainable development, fair globalization.

Платформенная модель для организации сетевого взаимодействия государств

Анализ развития БРИКС на этапе становления (2006–2022 гг.) показывает, что это объединение по существу является платформенной моделью для формирования равноправного многополярного мироустройства и справедливой глобальной системы управления. Действительно, современное общество является информационным, и его базовым ресурсом служит информация, которая реализуется через сетевые структуры. Поэтому сети превратились в основную организационную форму информационного общества, предполагающую децентрализованное управление. Сети обладают весьма полезными внешними эффектами: каждый

дополнительный участник сети увеличивает ее полезность для других [Срничек 2021]. Следовательно, чем больше участников сети, тем она будет ценнее. Однако, как установил Р. Меткалф еще в 1970-е гг. [Стрелец 2018: 39], сеть, чтобы обладать реальной ценностью, должна достичь своей критической массы. Достижение критической массы является ключевым фактором для дальнейшего расширения и успеха сети.

Платформа, как известно [Срничек 2021: 2], является базовой инфраструктурой, опосредующей взаимоотношения между участниками сети. Большинство действующих платформ сегодня цифровые. Платформы порождают «сетевые эффекты» и опираются на них: чем больше участников (пользователей) у платформы, тем более ценной она становится. Естественно, чтобы идти в ногу с эпохой, БРИКС должна иметь платформенную инфраструктуру с цифровыми инструментами и сервисами для обслуживания взаимодействия своих участников. Платформа БРИКС должна обеспечивать своим участникам возможность свободно и оперативно связываться между собой, чтобы обмениваться товарами, услугами, информацией без излишних барьеров. Правила взаимодействия на платформе устанавливают страны – члены БРИКС. Рост сети участников зависит от пути развития, который выбрала платформа. Если сделан правильный выбор пути развития, то стоит платформе привлечь критическую массу участников определенного типа, и остальные участники из этой группы тоже начнут отдавать ей предпочтение [Моазед, Джонсон 2019]. Причем численность последних растет экспоненциально.

Этап становления БРИКС как платформенной модели

Правильный выбор пути развития платформы чрезвычайно важен с самого начала [Там же]. Именно первые ее участники определяют дальнейшую траекторию роста платформы. В случае с БРИКС все это получилось весьма удачно. Действительно, первая группа участников формирования межцивилизационного объединения БРИК (2006 г., Санкт-Петербург) оказалась основополагающей – собрались авангардные страны развивающегося мира, обладающие полным суверенитетом и отстаивающие равноправие в международных отношениях. Причем в объединение вошли три государства-цивилизации: Россия, Китай и Индия, а также Бразилия – ведущее государство латиноамериканской цивилизации. С присоединением в 2009 г. ЮАР объединение БРИКС стало представлять уже пять локальных цивилизаций из двенадцати [Яковец, Акаев 2016]. Стратегической целью БРИКС стало формирование равноправного многополярного мироустройства со справедливым и рациональным глобальным управлением на основе диалога и партнерства цивилизаций и ведущих держав.

Почти все успешные платформы начинали с одной простой базовой транзакции [Моазед, Джонсон 2019]. Добавление дополнительных транзакций считается главной формой роста платформ. Ценность сети участников увеличивается по мере роста платформы. Если платформе удастся достичь устойчивого роста, то она генерирует растущие объемы ценности для участников. Начальная цель объединения БРИКС, ставшая базовой транзакцией, состояла в поиске путей обеспечения свободной взаимной торговли и инвестиций, исключающих ограничения и санкции, а также не зависящих от международных финансовых и торговых организаций (ВБ, МВФ, ВТО и др.), контролируемых США и их союзниками.

Кроме того, страны – члены БРИКС с самого начала взяли курс на равноправный диалог и партнерские отношения в целях поддержания мира и стабильного развития на глобальном уровне. Указанные базовые транзакции в 2017 г. во время саммита в Сямене (КНР) были официально утверждены как модель «Три столпа» для продвижения плодотворного партнерства в трех основных сферах: геополитика и безопасность; экономика, торговля и финансы; культурные и гуманитарные обмены.

Платформы обладают рядом основных функций, способствующих ускорению базовых транзакций [Моазед, Джонсон 2019: 49]:

1) **привлечение новых участников.** Фактически это процесс расширения сети участников (пользователей) и концентрация потенциальной энергии связей, которая позже превратится в транзакции. Чем больше участников у платформы, тем она ценнее;

2) **координация.** Она помогает клиентам и производителям найти друг друга, ускорив тем самым процесс осуществления транзакций и взаимодействия;

3) **предоставление инструментов и сервисов.** Они поддерживают базовую транзакцию и позволяют снизить издержки. Как правило, они базируются на цифровых технологиях, используют большие данные и искусственный интеллект для их обработки;

4) **определение правил и стандартов.** Указываются допустимые и поощряемые рамки поведения участников. Необходимо определить также, что именно запрещено и не приветствуется. Такие правила являются важнейшей частью системы управления сетевым взаимодействием.

Привлекательность объединения БРИКС для развивающихся стран объясняется в первую очередь тем, что там изначально были установлены самые демократичные правила взаимодействия его членов: полное равноправие; невмешательство во внутренние дела друг друга и уважение права каждого народа на собственную модель развития; страны БРИКС не навязывают свои идеологические догмы другим и не экспортируют «цветные революции». Таким образом, быть членом БРИКС весьма комфортно. Во-вторых, страны – основоположники БРИКС (Россия, Китай, Индия и Бразилия) осуществили успешную индустриализацию и информатизацию, освоили космические технологии и теперь успешно формируют цифровую экономику. Их сила в том, что при этом они сохранили ценности традиционной культуры. Они являются ярким примером для развивающихся стран, которые увидели важный урок: успешная модернизация возможна без «вестернизации», без применения разрушительных принципов «Вашингтонского консенсуса». Кроме того, они закладывают основы прогрессивного интегрального экономического и социокультурного строя, обеспечивающего процветание большинства населения, и строят межцивилизационное объединение, основанное на равноправном диалоге и партнерстве. Отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия России и Китая, складывающиеся в последнее десятилетие, могут служить образцом для всех стран – членов БРИКС.

В 2022 г. завершился первый этап развития БРИКС – этап становления. В этом году произошли два важных события для дальнейшего динамичного развития организации. Во-первых, наступил переломный момент в соотношении сил между БРИКС и G7 [Акаев 2023; Акаев, Мусиева 2023]: именно в 2022 г. БРИКС

по своему экономическому потенциалу сравнялась с G7 – ее доля в мировом ВВП по паритету покупательной способности составила 31,5 %, тогда как доля G7 понизилась до 30,7 %. Для сравнения: 20 лет назад доля G7 составляла 42 % мирового ВВП, а доля стран БРИКС – всего 20 %. Прогнозы показывают, что далее этот тренд будет усиливаться по экспоненте. Причем экономическое развитие стран БРИКС+ будет ускоряться главным образом за счет расширения взаимной торговли и инвестиций стран – членов БРИКС+.

Во-вторых, базовые транзакции стран – членов БРИКС в 2022 г. на саммите в Китае дополнялись прорывными транзакциями. Были приняты:

- 1) совместное заявление БРИКС по укреплению многосторонней торговли и реформированию ВТО;
- 2) первая стратегия сотрудничества стран БРИКС в области продовольственной безопасности;
- 3) создание Сети БРИКС в области передачи технологий широкого применения (ТШП);
- 4) рамочное соглашение о партнерстве БРИКС в формировании цифровой экономики.

Говорить о важности для развивающихся стран свободной торговли без ограничений и протекционизма, а также продовольственной безопасности нет особой необходимости. А вот создание Сети БРИКС в области передачи ТШП резко повысило привлекательность объединения для стран Глобального Юга, которые раньше надеялись получить эту помощь в развитых странах Запада. Тем более что эта инициатива исходила из Китая, который, по признанию западных экспертов, в ближайшей перспективе станет технологическим лидером мира [Акаев, Мусиева 2023], сменив США. Особенно впечатляют успехи КНР в разработке цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта. В целом указанные достижения убедительно показали, что БРИКС как платформенная модель достигла критической массы. Ярким свидетельством этого факта стало то, что к концу 2022 г. количество стран, желающих присоединиться к БРИКС, выросло скачкообразно – с нескольких сразу до двух десятков.

Итоги юбилейного XV саммита БРИКС в Йоханнесбурге

Юбилейный XV саммит БРИКС, прошедший в Йоханнесбурге (ЮАР) в августе 2023 г., стал самым представительным и историческим: в его работе приняли участие представители более 40 стран и впервые произошла волна расширения объединения. БРИКС пополнился следующими странами, играющими ключевую роль в своем регионе: Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия и Эфиопия. Также была приглашена Аргентина, однако новоизбранный президент Хавьер Милей как популист и проамериканский лидер отказался от вступления в БРИКС. Думается, что это временное явление. А вот единовременное вступление четырех мусульманских стран Ближнего Востока и Персидского залива, представляющих суннитскую и шиитскую ветви мусульманской цивилизации, можно считать знаковым событием, которое, несомненно, окажет позитивное влияние на обстановку в регионе. С одной стороны, это будет способствовать установлению долгожданного мира и стабильности в регионе. А с другой – это означает, что регион, отя-

гощенный целым клубком проблем, становится кузницей для утверждения нового регионального миропорядка. А в целом мы имеем дело с началом нового этапа формирования многополярного мироустройства – этапа расширения БРИКС. Совокупная доля ВВП стран БРИКС-10 поднялась до 36 % мирового ВВП и 46 % населения мира.

Примирение двух крупнейших держав в регионе Персидского залива, двух давних соперников – Ирана и Саудовской Аравии, при плодотворном посредничестве Китая, 10 марта 2023 г. открыло новую страницу в истории взаимоотношений мусульманских стран Ближнего Востока и Персидского залива. Это является свидетельством растущего влияния Китая на Ближнем Востоке и в регионе Персидского залива как в экономической, так и в геополитической сфере. В свою очередь Россия предприняла успешные усилия по нормализации отношений между Сирией и Турцией, а также Сирией и Саудовской Аравией. Благодаря своим давним тесным и дружеским отношениям с арабскими странами России удалось помочь Сирии преодолеть также изоляцию в арабском мире, последняя вновь установила контакты с Египтом, Иорданией и ОАЭ. Все это привело к разрядке напряженности в регионе, к смягчению «гибридного противостояния» ведущих держав региона в Ираке, Йемене, Сирии и Ливане. Начался переход от конфронтации к добрососедским отношениям, сотрудничеству и учету взаимных интересов.

Арабские страны стали действовать более самостоятельно, выстраивать альтернативные приоритетные отношения с новыми центрами силы – Китаем и Индией. Они теперь более решительно взаимодействуют в рамках ОПЕК+, без оглядки на США стали определять объемы нефтедобычи на том уровне, который выгоден им самим. Более того, поскольку теперь в БРИКС-10 состоят ряд ключевых экспортеров нефти и газа (Россия, Саудовская Аравия, Иран и ОАЭ) и импортеров энергоресурсов (Китай, Индия и Бразилия), то именно БРИКС+ будет определять вектор развития международного энергетического сотрудничества и поддерживать стабильность на нефтегазовых рынках Глобального Юга, что, несомненно, будет способствовать устойчивому росту развивающегося мира. В арабском мире также хотят найти альтернативу западной системе платежей SWIFT, справедливо полагая, что она используется США в качестве оружия для подрыва независимости развивающихся стран.

Основные итоги саммита БРИКС в Йоханнесбурге можно сформулировать в следующих пяти пунктах:

1) у мирового большинства (особенно у стран Глобального Юга) появилась уверенность в том, что БРИКС – это успешный проект по формированию справедливого многополярного мироустройства и остановить его дальнейшую реализацию не под силу никому;

2) БРИКС стала полноценной платформой для объединения развивающихся стран на основе равноправия и культурного многообразия, с главной целью формирования многополярного мироустройства со справедливой и рациональной архитектурой глобального управления;

3) БРИКС стала конструктивной силой, способствующей мировому экономическому росту. Если во второй половине XX в. локомотивом мирового развития являлась группа развитых стран G7, то во второй четверти XXI в. им становится БРИКС+;

4) БРИКС+ становится локомотивом развивающегося мира и постепенно превращается в платформу для всестороннего и плодотворного сотрудничества стран Глобального Юга на основе равноправного диалога и партнерства цивилизаций и ведущих держав;

5) принята итоговая декларация «Йоханнесбург-2», где отмечены основные направления, по которым БРИКС+ планирует двигаться далее для достижения более справедливого мироустройства и улучшения положения дел в странах объединения.

Таким образом, мировому большинству объединение БРИКС+ уже сегодня видится как:

- локомотив мирового экономического развития;
- основа для плодотворного диалога и партнерства цивилизаций и ведущих держав в целях обеспечения устойчивого развития человечества;
- главная сила, способная вывести мир из текущего глобального цивилизационного кризиса.

Все вышесказанное означает, что БРИКС прошла точку бифуркации. Впереди только устойчивый рост. Действительно, деструктивными действиями США и их союзников мир сегодня расколот на противостоящие блоки: G7 и коллективный Запад; БРИКС+ и Глобальный Юг. Произошла фрагментация рынков, тормозящая мировое экономическое развитие.

К сожалению, теряя монополию на доминирование в мире, правящая элита США выбрала курс на дестабилизацию обстановки, на ведение прокси-войн против новых восходящих стран, на то, чтобы сеять хаос по всему миру. Но, к счастью для мирового большинства, БРИКС+ достигла примерного паритета сил с G7: первые имеют существенное преимущество, так как они находятся на подъеме, в то время как вторые переживают серьезный кризис по вине прежде всего своего гегемона – США. Однако если быть объективными, то страны G7 все еще имеют финансовое и технологическое преимущество, которое они превратили в оружие для наказания стран, не признающих гегемонию США. Отсюда следует однозначный вывод: от БРИКС+ требуется динамичное развитие и расширение, чтобы как можно скорее добиться финансового и технологического суверенитета. Необходимо, чтобы БРИКС+ добилась полного превосходства над коллективным Западом в сферах экономики, финансов и технологий к 2030 г. Желательно, чтобы к 2030 г. БРИКС+ насчитывала порядка 50 ключевых стран Глобального Юга. Тогда она, несомненно, станет гарантией мира и устойчивого развития человечества.

Задачи председательства России на саммите БРИКС-10 в Казани (октябрь 2024 г.)

В международной экспертной среде есть огромные ожидания на дальнейший прорыв в развитии и расширении БРИКС в период председательства России в объ-

единении и в особенности – на прорывные решения в ходе саммита в Казани, который запланирован на октябрь 2024 г. Из итогов предыдущего саммита в Йоханнесбурге следует, что приоритетными станут вопросы, касающиеся активизации финансовых и экономических связей стран внутри объединения БРИКС+. Это очень важно, поскольку дальнейшее экономическое развитие стран БРИКС+ главным образом будет происходить за счет наращивания взаимной торговли и инвестиций. Поэтому наиболее приоритетными будут вопросы:

- формирования собственной независимой финансовой системы, наряду с повышением роли БРИКС+ в действующей международной финансовой системе;
- расширения сотрудничества между банками стран БРИКС+ и использования национальных валют во взаимных расчетах;
- содействия налоговому и таможенному сотрудничеству между странами – членами БРИКС+.

Повышения роли БРИКС в международной финансовой системе можно было бы добиваться через решения «Большой двадцатки» (G20), где влияние стран БРИКС в последние годы возросло. Однако очевидно, что страны G7 будут саботировать продвижение соответствующих инициатив стран БРИКС и даже попытаются уничтожить G20, если они почувствуют доминирование позиций стран БРИКС+. США и их союзники с большой выгодой для себя воспользовались огромным потенциалом G20 для наименее болезненного выхода из мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., который они сами и сгенерировали. Идея, что всем миром справиться с бедой легче, оправдалась: первые саммиты группы, прошедшие в ноябре 2008 г. и в апреле 2009 г., были весьма результативны для развитых стран Запада. Так, «двадцатка» обрела статус постоянно действующего объединения. Некоторые западные политики даже поспешили объявить G20 чуть ли не «мировым правительством». Однако как только угроза финансового краха миновала, страны G7 из единомышленников БРИКС вновь превратились в конкурентов. Так же как Запад отверг запущенную им глобализацию, как только она привела к перераспределению экономических выгод в пользу Китая и развивающихся стран, он отвергнет G20, когда увидит, что повестка дня там будет формироваться странами БРИКС+. Кроме того, такие международные организации, как МВФ, ВБ, ВТО и др., которые в свое время служили для продвижения западного проекта глобализации, и сегодня являются инструментами поддержания гегемонии Запада. Например, США, у которых в МВФ наибольшая доля голосов и право вето, просто блокируют проведение любой реформы в пользу усиления роли БРИКС в фонде. Аналогичная ситуация имеет место и в других финансово-экономических и торговых организациях, входящих в международную систему. Поэтому БРИКС+ необходимо создавать свою автономную финансовую систему.

Страны БРИКС уже создали отдельные элементы собственной финансовой системы: Пул валютных резервов как альтернативу функции МВФ и Банк развития БРИКС как аналог Всемирного банка, которые работают с 2015 г. Они также создают условия для взаиморасчетов в национальных валютах в противовес доллару и евро. Теперь перед странами БРИКС+ стоит задача разработки альтернати-

вы SWIFT – международной системы обмена сообщениями для обеспечения крупных трансграничных платежей, которая контролируется США. К этой системе подключены тысячи крупнейших банков по всему миру. США бесцеремонно вмешиваются в работу системы и незаконно отключают от SWIFT не только отдельные банки, но и целые государства. Поэтому многие авангардные страны были вынуждены искать альтернативу SWIFT. В частности, Россия и Китай создали собственные платежные сети, не связанные с Западом, чтобы обезопасить себя от будущих санкций со стороны США и коллективного Запада. Россия создала платежную систему «Мир», а Китай – CIPS. Поэтому многие развивающиеся страны стремятся присоединиться к БРИКС для того, чтобы получать кредиты на гораздо более выгодных условиях, чем в международных финансовых организациях, контролируемых Западом.

Итак, в БРИКС+ на ближайшие годы приоритетом остается развитие и расширение платежной сферы с наращиванием взаиморасчетов в национальных валютах, что поддерживается большинством стран – членов БРИКС. В ближайшей перспективе страны БРИКС намерены создать свою систему, аналогичную SWIFT, с использованием технологий блокчейн. А в дальней перспективе стоит вопрос о создании единой валюты БРИКС, возможно, цифровой. Сегодня же большинство стран БРИКС+ однозначно поддерживают уход от доллара во взаимных расчетах друг с другом в качестве универсального платежного средства. Поэтому России в год своего председательства предстоит разработать и предложить к саммиту БРИКС-10 в Казани эффективные меры по укреплению и расширению платежной системы, основанной на взаиморасчетах в национальных валютах стран – членов БРИКС-10. В этой связи Россия видит одну из основных своих задач в содействии адаптации новых членов БРИКС-10 к уже действующему платформенному взаимодействию внутри БРИКС. Россия также намерена способствовать углублению диалога и взаимодействия в области науки и образования, культуры, спорта и молодежных обменов.

Среди инновационных решений, которые Россия готовит к предстоящему саммиту в Казани, крайне важным представляется предложение о дополнении создаваемой в странах БРИКС+ сети передачи ТШП центрами технологических компетенций, что, несомненно, облегчит развивающимся странам как доступ к ТШП, так и их освоение и практическое применение для ускорения экономического роста. Россия также подчеркивает, что развитие в рамках БРИКС должно носить характер устойчивого развития. С этой целью Россия готовит предложения по расширению сотрудничества с государствами БРИКС+ в части, касающейся осуществления совместных разработок в сфере мониторинга климатически активных газов и измерения углеродного баланса экосистем, а также создания научных основ для выработки совместных научно-технологических решений, направленных на смягчение антропогенного воздействия государств к изменениям климата. А последнее имеет первостепенную важность для большинства стран Глобального Юга. С другой стороны, Китай уже давно стал лидером по производству и практическому использованию ВИЭ и других зеленых технологий, например электромобилей. За Китаем следует Индия. Так что страны БРИКС+ вскоре станут под-

линные локомотивами в деле реализации исторических решений Парижского климатического соглашения ООН по стабилизации изменений климата.

И, конечно же, одной из главных задач России является подготовка достойной второй волны стран – кандидатов для дальнейшего расширения БРИКС-10. Хотя официальные критерии, предъявляемые к странам, вступающим в БРИКС, все еще не опубликованы, можно предположить, исходя из предыдущего этапа расширения, что страны – основоположники БРИКС руководствовались следующими принципами:

1) поскольку БРИКС создавалась как форум суверенных государств, страны, претендующие на членство в объединении, должны обладать достаточной политической волей для принятия самостоятельных решений при определении своей судьбы;

2) в БРИКС входят страны, которые поддерживают формирование равноправного и справедливого многополярного мироустройства;

3) это должны быть страны, имеющие достаточно крупные экономики (с объемом ВВП порядка 0,3–0,5 трлн долларов) с реальным потенциалом для долгосрочного роста с темпами выше среднемировых;

4) каждый новый член БРИКС+ должен внести свой вклад в повышение его ценности;

5) страны БРИКС должны соблюдать географический и цивилизационный баланс, чтобы адекватно представлять мировое большинство.

Исходя из вышеуказанных принципов, авторы полагают, что наиболее подходящей группой стран в качестве второй волны расширения БРИКС+ на саммите в Казани была бы следующая группа: Алжир, Индонезия, Казахстан, Мексика, Нигерия, Таиланд и Турция. Заметим, что ряд из этих стран уже официально подали заявки на вступление в объединение. Алжир представляет североафриканскую ветвь мусульманской цивилизации и располагает крупной экономикой, демонстрирующей динамичный рост. Казахстан представляет евразийскую цивилизацию и в этом качестве мог бы усилить позиции России в БРИКС+. Мексика представляет северную ветвь латиноамериканской цивилизации, она сможет стать одним из эпицентров регионального роста. Мексика, как ни одна другая страна региона, имеет уникальное сочетание условий для экономического подъема, но выйти на траекторию устойчивого роста ей пока не удастся, несмотря на членство в НАФТА, поскольку США всегда ограничивали передачу ей современных технологий. Поэтому Мексика может проявить интерес к вступлению в БРИКС+, чтобы начать новый успешный этап развития, тем более что США отгораживаются от нее неприступной стеной. Нигерия представляет африканскую цивилизацию, это страна с быстрорастущим многочисленным населением. Таиланд является частью буддийской цивилизации, которая еще не представлена в БРИКС+. И, наконец, Турция, представляющая мусульманскую цивилизацию, страна, связующая три континента, Черное и Средиземное моря. Турция совместно с кварталом мусульманских стран Ближнего Востока и Персидского залива, уже присутствующими в объединении, могла бы способствовать установлению в регионе такого миропорядка, который отвечает целям БРИКС.

Начало второго этапа развития БРИКС – этапа расширения (2023 г.)

Таким образом, саммит БРИКС в Казани под председательством России может дать мощный импульс, необходимый для дальнейшего ускоренного развития и расширения объединения. Этому будут способствовать разрабатываемые Россией механизмы и технологии, облегчающие финансово-экономическое и торговое сотрудничество, а также передачу ТШП и их успешное использование в низкотехнологичных развивающихся странах. Благодаря этому БРИКС может помочь многим развивающимся странам перейти на траекторию устойчивого роста и развития. Однако этому могут помешать дальнейшие дестабилизирующие действия, которые непременно будут предприняты со стороны США и их союзников, не желающих терять доминирующее положение в мире. В этих условиях БРИКС из чисто экономического объединения неизбежно должна перерасти в экономико-геополитический блок для демократической выработки общих позиций по основным международным событиям в противовес коллективному Западу, который формирует свою позицию под диктатом США. В конце концов, ведь именно США и их союзники еще десять лет назад начали первыми создавать «дружественные торгово-экономические блоки» для ограничения торговли и инвестиций с остальным миром, что привело к фрагментации глобального рынка. Именно Запад запустил процесс деглобализации мировой экономики, приведший к осязательному замедлению ее динамики в последние годы.

Однако все еще сохраняется огромный разрыв в уровне жизни населения в развитых и развивающихся странах, что в условиях прежней замедляющейся глобализации порождает дополнительную геополитическую напряженность и конфликты во многих регионах мира. Для выравнивания средних доходов населения в развитых и развивающихся странах требуется ввести справедливый механизм распределения доходов, получаемых в результате глобализации, тогда как на первом этапе глобализации (1980–2010 гг.) развитые страны Запада, продвигая свою программу глобализации, обеспечили себе непропорционально большую долю выгод за счет развивающихся стран. Если ситуация не изменится и будет продолжаться нынешний процесс необузданной несправедливой глобализации, тогда человечеству не удастся избежать перерастания сегодняшней геополитической напряженности в источник перманентной нестабильности и даже локальных и региональных войн. Настало время, когда развивающиеся страны надеются на справедливое распределение выгод от глобализации. Но какая организация в мире способна гарантировать использование преимуществ глобализации развивающимися странами, одновременно не допуская ее опасных последствий?

Еще несколько лет назад такие надежды связывали с «Большой двадцаткой» в связи с возрастанием международного авторитета и усилением позиций БРИКС в G20. Но сегодня очевидно, что страны G7 заблокируют любое соответствующее предложение в G20. Поэтому единственной организацией, которая сможет решить эту проблему, является БРИКС+. Именно она в силах гармонизировать новый этап глобализации так, чтобы он принес выгоду новым сотням миллионов людей из развивающихся стран. Глобализацию, но справедливую, необходимо обязательно продолжать. Не будем забывать, что именно благодаря глобализации

за последние 25 лет более 600 млн китайцев выбрались из нищеты и бедности. В Индии также условия жизни сотен миллионов людей были улучшены. В Бразилии многие миллионы людей поднялись до уровня среднего класса. Крайне важно, чтобы эта тенденция получила продолжение и привела к относительному выравниванию богатства народов в развитых и развивающихся странах, что будет способствовать укреплению взаимного доверия и безопасности в мире. Как заявил премьер-министр Индии Нарендра Модии на онлайн-саммите «Голос Глобального Юга» [1st Voice... 2023]: «Развивающиеся страны желают глобализации, которая не приведет к долговому кризису. Мы хотим глобализации, которая приносит процветание и благополучие человечеству в целом и ориентирована на рядового человека».

Успехи стран БРИКС, несомненно, будут выгодны развивающимся странам мира. Действительно, глобальная экономика нынче стала нестабильной вследствие кризисов и деградации в развитых странах. Экономики же стран БРИКС и другие растущие новые рыночные экономики, ранее считавшиеся гораздо более уязвимыми к внешним негативным воздействиям, продемонстрировали в годы последнего мирового финансово-экономического кризиса удивительную устойчивость. Все дело в том, что высокие темпы роста и финансовая стабильность в странах БРИКС способствуют непрерывной модернизации экономики и положительным структурным изменениям. Способность своевременной адаптации к структурным изменениям глубоко укоренилась во многих быстрорастущих экономиках, став основой их динамичного развития. В этих экономиках к тому же идет постепенное усиление движущих сил эндогенного, опирающегося на растущий средний класс внутреннего роста. Вместе с тем этот новый средний класс создает дополнительный возрастающий спрос на высококачественные товары и наукоемкую высокотехнологичную продукцию, стимулируя переход к инновационной экономике. В последние годы наблюдается тенденция усиления взаимной торговли и инвестиций между странами, входящими в БРИКС. По мере роста торговли с развивающимися странами и между собой экономики авангардных стран БРИКС все меньше будут зависеть от спроса населения развитых стран, поскольку общий объем рынка развивающихся стран достаточно велик. Поэтому БРИКС+ уже в ближайшем десятилетии будет способна придать устойчивость социально-экономическому развитию мирового большинства.

Итак, при успешной реализации описанного выше оптимистического сценария развития и расширения БРИКС, поддержанного мировым большинством, уже в 2040-е гг. человечество будет благополучно развиваться в условиях устойчивого равноправного многополярного мироустройства на базе плодотворного диалога и партнерства цивилизаций и ведущих держав. Благодаря сильному лидерству БРИКС+ в мире будут заложены основы прогрессивной интегральной и гуманистически-ноосферной цивилизации [Яковец, Акаев 2016], идущей на смену отживающей свой век индустриальной хищнической капиталистической цивилизации. БРИКС+ станет основной глобальной консолидирующей силой мирового большинства, способной решительно противостоять любым дестабилизирующим силам. Нынешний коллективный Запад распадется на 3–4 центра силы в новом мно-

гополюсном мире и будет вынужден адаптироваться к развитию в условиях нового международного права. Поскольку роль ООН как центрального органа всей системы международных отношений никем не оспаривается, то она, опираясь на БРИКС+, может плавно трансформироваться в Организацию Объединенных Цивилизаций (ООЦ) и вновь занять ведущее место и играть ключевую роль в будущем многополярном мироустройстве. Ведь всем очевидно, что «концерт наций» уже уходит в историю.

Литература

Акаев А. А. Процесс зарождения нового справедливого многополярного мироустройства и перспективы его становления // Век глобализации. 2023. № 3. С. 3–18.

Акаев А. А., Мусиева Д. М. БРИКС вступает в качественно новый этап развития // Мир перемен. 2023. № 3. С. 130–144.

Моазед А., Джонсон Н. Платформа: Практическое применение революционной бизнес-модели. М. : Альпина Паблишер, 2019.

Срничек Н. Капитализм платформ. М. : Изд. дом ВШЭ, 2021.

Стрелец И. А. Сетевая экономика и сетевые рынки М. : МГИМО, 2018.

Яковец Ю. В., Акаев А. А. Перспективы становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций. М. : МИСК, 2016.

1st Voice of Global South Summit [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://www.mea.gov.in/voice-of-global-summit.htm> (дата обращения: 02.07.2024).

МЕСТО И РОЛЬ БРИКС В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО МИРОПОРЯДКА*

Герасимов В. И., Коданева С. И.**

В статье представлен обзор материалов II Международной научно-практической конференции «Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире». Представлены цели и задачи конференции, приоритетные тематические направления, общие количественные показатели. Основное внимание уделяется докладам, посвященным формированию нового миропорядка и роли стран БРИКС в этом процессе. Рассматриваются также перспективные области сотрудничества стран БРИКС (в том числе в решении глобальных проблем), приоритеты и механизмы стратегического планирования и управления в странах БРИКС, культурно-цивилизационные особенности и необходимые условия укрепления субъектности этого интеграционного объединения.

Ключевые слова: формирование нового миропорядка, страны БРИКС, национальные интересы, интеграционные процессы, международное сотрудничество.

THE PLACE AND ROLE OF BRICS IN THE FORMATION OF A NEW WORLD ORDER

The article presents an overview of the proceedings of the II International Scientific and Practical Conference “BRICS Countries: Development Strategies and Mechanisms of Cooperation in a Changing World”. The goals and objectives of the conference, priority thematic areas, and general quantitative indicators are presented. The main focus is on the reports on the formation of a new world order and the role of the BRICS countries in this process. Promising areas of cooperation between the BRICS countries (including in solving global problems), priorities and mechanisms of strategic planning and management in the BRICS countries, cultur-

* **Для цитирования:** Герасимов В. И., Коданева С. И. Место и роль БРИКС в формировании нового миропорядка // Век глобализации. 2025. № 1. С. 63–76. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.05.

For citation: Gerasimov V. I., Kodaneva S. I. The Place and Role of BRICS in the Formation of a New World Order // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 1. Pp. 63–76. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.05 (in Russian).

** Герасимов Владимир Иванович – к. филол. н., в. н. с. Университета мировых цивилизаций. E-mail: coopinion@mail.ru.

Vladimir I. Gerasimov – Ph.D. in Philology, Leading Researcher at the University of World Civilizations. E-mail: coopinion@mail.ru.

Коданева Светлана Игоревна – к. ю. н., в. н. с. Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: kodanevas@gmail.com.

Svetlana I. Kodaneva – Ph.D. in Law, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kodanevas@gmail.com.

al and civilizational features and necessary conditions for strengthening the subjectivity of this integration association are also considered.

Keywords: *formation of a new world order, BRICS countries, national interests, integration processes, international cooperation.*

Введение

5–7 июня 2024 г. в Москве состоялась Вторая международная научно-практическая конференция «Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире», направленная на конструктивное обсуждение стратегий развития и механизмов взаимодействия и сотрудничества стран БРИКС, выработку конкретных рекомендаций по решению ключевых проблем в этой области, представление результатов и перспектив сотрудничества стран БРИКС в области экономического, инновационно-технологического, научного и культурного развития.

Организаторы конференции: Университет мировых цивилизаций, Евразийский информационно-аналитический консорциум, Международный союз экономистов, Российский совет по международным делам, Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, Национальный комитет по исследованию стран БРИКС, Российский центр научной информации, Международный институт энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД России, МИРЭА – Российский технологический университет, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере, факультет глобальных процессов МГУ, Институт экономических стратегий РАН, Институт Китая и современной Азии РАН.

Особое внимание в работе конференции было уделено формированию нового миропорядка; национальным интересам стран БРИКС в изменяющемся мире, проблемам стратегического планирования и управления; глобальным и региональным аспектам сотрудничества стран БРИКС; научно-технологическому развитию и сотрудничеству, задачам обеспечения технологического суверенитета и технологического лидерства стран БРИКС; развитию информационной безопасности, защите общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; развитию науки и образования в странах БРИКС; цифровизации экономики, искусственному интеллекту и большим данным в жизнедеятельности социума; охране окружающей среды, продвижению экологически чистых и энергосберегающих технологий.

В программе конференции^{***} было заявлено участие 582 специалистов из 38 регионов РФ и 20 зарубежных стран, а также 402 доклада (в том числе 111 заочных). Доклады заслушивались на пленарном заседании и на девяти секциях, шесть из которых были проведены в Университете мировых цивилизаций и три – в РСМД, МИРЭА и НКИ БРИКС. В рамках данного обзора будут представлены доклады, посвященные роли стран БРИКС в формировании нового мироустройства. Посвященные этой теме доклады были представлены как на пленарном заседании, так и на нескольких секциях.

^{***} Полный текст программы опубликован на сайте «Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество» (<http://ukros.ru/archives/37134>).

* * *

Пленарное заседание конференции открыл доклад д. э. н., профессора, генерального директора Института экономических стратегий РАН и Международного научно-исследовательского института проблем управления **А. И. Агеева**, в котором рассматривалось место БРИКС+ в «расколоте и сплетенном» мире. По мнению докладчика, процессы, которые сейчас происходят, имеют эпохальное значение. Важнейшей особенностью текущего исторического этапа является сдвиг в гегемонии, который выражается в недовольстве развивающихся стран своим «местом под солнцем», в крушении доктрины господства, в существенных изменениях, которые происходят в мировом ВВП, в технологическом лидерстве, военном потенциале, в мировой финансовой системе и системе международной торговли. Мы являемся фактически свидетелями капитуляции нынешнего гегемона, которую западный альянс стремится предотвратить за счет сплочения западного мира, упреждающего технологического рывка на основе форсированного развития ВПК, предотвращения снижения роли доллара США в качестве мировой резервной валюты и роста долей конкурентных расчетных единиц, экспроприации и уничтожения существенной части национального богатства РФ и других стран БРИКС, подавления суверенитета РФ, Китая, Индии и других развивающихся стран во всех сферах, предотвращения полноценного военно-стратегического союза РФ с Китаем и др.

Автор отмечает устойчивый рост доли стран БРИКС в мировом ВВП, обширность занимаемой ими территории, а также наличие значительных природных ресурсов, но главным потенциалом стран БРИКС он признает человеческий капитал, те демографические ресурсы, которые в сочетании с растущей экономикой способны взломать сложившийся миропорядок. К числу приоритетных задач в реализации жизненно важных интересов стран БРИКС докладчик относит повышение их витальности, удвоение нормы накопления, заметное усиление социальной справедливости, формирование новых институтов экономики, образования, социализации и управления, полноту суверенизации и субъектность.

Иностранный член РАН, профессор МГУ **А. А. Акаев** выразил убеждение в том, что БРИКС является платформой для формирования равноправного многополярного мироустройства. Базовым ресурсом современного общества является информация, которая реализуется через сетевые структуры. Сети превратились в основную организационную форму информационного общества. Сеть – это система децентрализованного управления, полезность которой увеличивается по экспоненте с увеличением числа ее участников. Платформа – базовая инфраструктура, опосредующая взаимоотношения между участниками сети. Объединение БРИКС, чтобы идти в ногу с эпохой, должно иметь платформенную инфраструктуру с цифровыми инструментами и сервисами для обслуживания взаимодействия своих участников. Платформа БРИКС должна обеспечивать своим участникам возможность оперативно связываться между собой, чтобы обмениваться товарами, услугами и информацией без излишних барьеров. Правила взаимодействия на платформе устанавливают страны – члены БРИКС.

Изначально стратегической целью БРИКС является формирование равноправного многополярного мироустройства со справедливым и рациональным гло-

бальным управлением. Именно поэтому в БРИКС были установлены самые демократические правила взаимодействия ее членов, наиболее привлекательные для развивающихся стран: полное равноправие; невмешательство во внутренние дела друг друга и уважение права каждого народа на собственную модель развития; страны БРИКС не навязывают свои идеологические убеждения кому-либо и не экспортируют «цветные революции». Страны-лидеры, составляющие ядро БРИКС, – Россия, Китай, Индия и Бразилия – осуществили успешную индустриализацию и информатизацию, освоили космические технологии и теперь успешно формируют цифровую экономику. Их сила в том, что они сохранили ценности традиционной культуры. Страны – лидеры БРИКС дали важный урок развивающимся странам: успешная модернизация возможна без «вестернизации», без применения разрушительных принципов «Вашингтонского консенсуса». Страны – лидеры БРИКС закладывают основы прогрессивного интегрального экономического и социокультурного строя, обеспечивающего процветание большинства населения, и строят межцивилизационное объединение, основанное на равноправном диалоге и партнерстве. У мирового большинства появилась уверенность в том, что БРИКС – это успешный проект, остановить его дальнейшее развитие уже невозможно. БРИКС становится локомотивом развивающегося мира и постепенно превращается в платформу для всестороннего сотрудничества стран Глобального Юга.

О. Ф. Русакова, д. полит. н., профессор, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН, в своем докладе отмечает, что за годы своего существования объединение БРИКС стало важным международным актором, который отстаивает идеи справедливого мироустройства, многополярности, суверенности и равноправия государств, борьбы с разнообразными формами дискриминации, выступая в качестве *принципиальной альтернативы западоцентричной модели мира*. На саммитах БРИКС постоянно подчеркивается необходимость преодоления санкционной и дискриминационной политики, проводимой западными странами и альянсами в отношении противостоящих им государств и союзов. Следовательно, для вступления в ряды БРИКС новых государств, помимо приверженности принципам многополярности, суверенности, справедливости, равенства и т. д., необходимо, чтобы они также выступали против дискриминационных санкционных практик, применяемых в самых разных областях общественной жизни. Именно эти требования делают участие в работе БРИКС особо привлекательным для многих государств мира, которые когда-либо подвергались санкционному давлению со стороны западных государств. БРИКС является «магнитом», притягивающим к себе прежде всего государства Глобального Юга. Форматы деятельности БРИКС уже успели положительно зарекомендовать себя, став важным фактором усиления международного влияния этого альянса. Автор выражает убеждение в том, что в современной геополитической ситуации именно БРИКС в процессе своего развития сможет осилить решение тех масштабных вызовов, с которыми столкнулось человечество.

В. И. Мунтиян, д. э. н., профессор, советник Института исследований и экспертизы ВЭБ, посвятил свой доклад представлению концептуальных основ, приоритетов и механизмов стратегического планирования и управления в странах БРИКС. Автор отмечает, что при демонтаже нынешней деградирующей системы

мироустройства БРИКС обладает необходимым потенциалом, чтобы стать основой для разработки и реализации принципиально новой, более прогрессивной модели развития человеческой цивилизации.

По убеждению автора, БРИКС – это наиболее благоприятная среда для формирования и реализации новой парадигмы и модели будущего мирного и более справедливого сосуществования стран и народов; основа для выживания человеческой цивилизации; фундамент для построения нового мирового порядка; ядро новой системы международной безопасности, стабильности и устойчивого развития.

Союз стран БРИКС может и должен предложить миру принципиально новую парадигму выхода из системного цивилизационного кризиса. В создавшейся ситуации первостепенными задачами новой стратегии БРИКС должны стать обеспечение выживания, нормального существования и безопасности. Главной задачей в стратегии развития БРИКС должно стать спасение и сохранение мира в целом.

Миссия БРИКС – создание не особого макрорегиона по аналогу англосаксонской модели, а новой справедливой и прогрессивной системы мироустройства на принципах ноосферы, где нет места неокOLONиализму.

А. Н. Чумаков, д. филос. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ, главный редактор журнала «Век глобализации», отметил, что современный мир являет собою динамичную и достаточно пеструю культурно-цивилизационную систему, где у каждого государства свое особое место. Оно зависит не только от целей, задач и амбиций того или иного государства, но и от того, насколько данное государство весомо, значимо и авторитетно представлено в международном сообществе, а следовательно, и в той коалиции, куда оно входит. В современных условиях существенно возрастает роль альянсов, коалиций, блоков, союзов, объединений и иных форм кооперации различных субъектов международных отношений, а объединение усилий субъектами становится условием выживания и укрепления безопасности в ситуации перманентного противоборства и всеобщей конфронтации. В то же время пока нет условий для создания действительно глобальных объединений, куда входили бы все государства планеты, государства вынуждены объединяться в альянсы, представляющие их общие интересы. Характерными примерами подобного рода международных организаций являются БРИКС, ЕС, АСЕАН и др. В политической сфере отношений можно назвать «Большую семерку», «Большую двадцатку»; в области экономики – это Всемирная торговая организация (ВТО) и Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК), а в военной сфере примерами являются НАТО и ОДКБ. Но указанные организации и альянсы сами вступают в конфликты и противоречия между собой, и остается лишь констатировать тот факт, что мировое сообщество обречено жить в перманентном противоборстве не только отдельных индивидов и иных субъектов общественных отношений, но и их всевозможных коалиций, союзов, блоков и т. п. [Чумаков 2016]. При этом ни одна страна в современном мире не может доминировать абсолютно, что вынуждает руководство этих стран заручаться морально-политической поддержкой других государств. Таким образом, главные вопросы, которые сегодня встают перед каждым государством, – это то, насколько

ко привлекательными для других общественных систем являются их идеология, система ценностей, поведение во внутренней и внешней политике, наконец, сколько у них союзников и на чью поддержку они могут рассчитывать в глобальном противостоянии всевозможных амбиций и интересов.

В. Е. Лепский, д. психол. н., г. н. с. Института философии РАН, к необходимым условиям укрепления субъектности БРИКС+ относит:

- формирование идеологии (мировоззрения) БРИКС+;
- снижение роли принципа максимизации прибыли и плавный переход к гармонии субъектов развития на основе гармонии иерархий, сетей и сред в обеспечении жизнедеятельности, безопасности и развития БРИКС+;
- проектную идентификацию членов БРИКС+ (формирование современных механизмов целеполагания и стратегического планирования);
- совершенствование механизмов общественного участия для укрепления субъектности БРИКС+. Создание центров общественного контроля и выработки консолидированных решений. Создание пространства доверия в БРИКС+ и др.;
- обеспечение рефлексии всех членов БРИКС+ о состоянии и будущем (на всех уровнях и аспектах);
- организацию системы опережающего образования на пространстве БРИКС+ и создание инкубаторов социально ответственных лидеров (элиты развития БРИКС+);
- формирование концепции безопасности БРИКС+, ориентированной на гармонию безопасности и развития.

А. И. Субетто, д. ф. н., д. э. н., к. т. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный президент Ноосферной академии наук, профессор кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, полагает, что в условиях процессов первой фазы глобальной экологической катастрофы спасение человечества возможно только в случае перехода к кооперационной цивилизации. В этом процессе Россия в силу особенностей своего цивилизационного развития призвана стать в ближайшие десятилетия лидером Ноосферного прорыва человечества. Но путь к общественно-планетарному идеалу будет очень сложным и охватит весь XXI век. В итоге он должен привести к формированию Ноосферного Союза Цивилизаций, что и должно стать «Повесткой Дня» на XXI век. В этом контексте Союз Советских Социалистических Республик можно рассматривать как прообраз будущего Ноосферного Союза Цивилизаций как формы реализации планетарной кооперации народов-этносов и сохранения разнообразия на Земле. Высшей целью России, по мнению докладчика, должен стать переход к научно-управляемой социоприродной эволюции с установлением Ноосферного Социализма и научно-образовательного общества. Россия как полиэтническая кооперация нуждается в национальной идее, которой должен стать Ноосферизм и на его основе – Ноосферный Социализм. Россия должна возглавить Ноосферный прорыв человечества, который обеспечит не только экологическое выживание, но и поступательное развитие через становление Ноосферного Союза Цивилизаций (мировой ноосферно-цивилизационной коопера-

ции), первыми шагами на пути к которому стали и БРИКС, и ШОС, и ЕАЭС, и Союз России и Белоруссии.

Независимый исследователь из ФРГ **А. Н. Журба (Белов)** подчеркнул, что человечество разделено на блоки в соответствии с признаваемыми отдельными народами ценностями. Примирение ценностно несовместимых миров возможно, но только в том случае, когда противоборствующие стороны вынуждены признать несокрушимую мощь противника. Только в этом единственном случае возможен уважительный учет интересов противника. Однако сегодня весь мир играет на поле и по правилам коллективного Запада (КЗ), поскольку финансовые механизмы, которыми широко пользуются все страны, включая БРИКС, были разработаны западной цивилизацией еще в колониальный период. Это положение заведомо обрекает БРИКС на проигрыш, так как донорство стран БРИКС в отношении западной цивилизации составляет 2–3 % от их ВВП, а потери РФ, идущие на процветание стран Запада, доходят до 4 % ВВП [Ньевас, Содано 2024]. Поэтому, как полагает докладчик, выход у БРИКС один – отказаться от институтов классического капитализма, прежде всего его финансовых форм и инструментов. Необходимо вернуться к способам хозяйствования, которые на протяжении тысячелетий обеспечивали существование народов, позволяли им расти и развиваться и которые К. Маркс в свое время назвал «азиатским способом производства». Речь идет только о тех принципах хозяйствования, которые могли бы плодотворно послужить странам и народам в XXI в. и в будущем (например, общинная собственность на природные ресурсы, новые формы банкинга, такие как Крестьянский банк, созданный Мухаммадом Юнусом в Бангладеш, и т. п.).

Д. филос. н., профессор Института бизнеса и деловой администрации РАНХиГС при Президенте РФ **В. В. Добрынин** и к. и. н., с. н. с. Института востоковедения РАН **Л. С. Перепелкин** полагают, что ООН может стать аналогом мирового парламента. Для этого необходимо кодифицировать право ООН, устранив внутренние противоречия, и создать механизмы, обеспечивающие исполнение права ООН национальными правительствами. При этом ООН необходимо реформировать, чтобы этот орган стал рупором и проявлением воли большинства населения планеты, а не меньшинства, как сейчас. Это же касается и других международных институтов. Необходимо также разработать «Основные принципы действия суверенных государств на международной арене», или «Основные принципы международной политической этики», ограничивающие эгоистичные устремления государств и основанные на кодифицированном международном праве, и предложить их к рассмотрению в ООН. Это, по мнению докладчиков, должно стать одним из направлений работы БРИКС.

Тему трансформации международных институтов рассматривает и к. ю. н., в. н. с. Центра международного права и сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ **А. А. Каширкина**. Она полагает, что БРИКС является хорошим примером того, как международная структура, не имеющая в своей основе международного учредительного акта и созданной на его основе институциональной системы, может достаточно эффективно выстраивать международное сотрудничество, не являясь меж-

государственным интеграционным объединением. БРИКС знаменует собой конец предполагаемого западного универсализма конституционного права, а инновационный характер БРИКС заключается именно в том, что государства, входящие в него, могут сформировать новую модель международного сотрудничества [Carducci, Bruno 2014]. Развитие кооперационных отношений между государствами – членами БРИКС и различными международными и региональными акторами имеет жизненно важное значение для продвижения общих интересов через существующие и новые механизмы сотрудничества, координации с другими международными и региональными организациями, объединениями и форумами, а также на основе расширения формата сотрудничества и взаимодействия внутри самого блока и участия в различных многосторонних глобальных организациях [Stojković, Milosavljević 2023]. В отличие, например, от Европейского союза, который требует от новых государств-членов строгого пересмотра своих конституционных и правовых систем, группа БРИКС использует то, что можно назвать мягкой передачей политики. Такая форма диалога между странами БРИКС сегодня предполагает «легальные потоки», результаты которых нельзя назвать «трансплантациями», они представляют собой форму «легального заимствования» и являются результатом решений, принятых на межправительственных сессиях. Таким образом, закладываются основы прочных правовых «мостов» между различными системами.

Д. э. н., заместитель генерального директора ООО «ФРЭКОМ» **П. В. Касьянов** отмечает, что в настоящее время происходят качественные изменения, которые приведут к новому мироустройству. Однако в документах БРИКС не отражены (или отражены недостаточно) концептуальные положения этого нового справедливого мироустройства и движения к нему. Для этого необходимо оценить причины современного кризиса, которые, по его мнению, заключаются в парадигме развития человечества, основанной на паразитировании на природных ресурсах. Это означает, что для формирования нового миропорядка необходимо изменить саму парадигму познания и научную парадигму, сформированные западной цивилизацией, поскольку геополитическая победа в состязании с КЗ в любой форме будет пирровой победой, если не изжить все глубинные причины цивилизационного тупика. Ведущим способом познания должна быть наука в широком смысле, изучающая тонкоматериальные миры, описывающая то, что веками трактовалось в религиозной традиции как чудо, непознаваемость божественного. Наука «новых горизонтов» будет способна объяснить те явления, которые до настоящего времени официальной наукой не познаны или не признаны, а в религии сама возможность их познания находится в принципе под запретом.

Д. э. н., профессор, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета **С. Г. Ковалев** представил существующий миропорядок как многоуровневый кристалл, включающий в себя доминантные и недоминантные субъекты – великие державы и другие страны, транснациональные и национальные компании, глобальные явные и «закулисные» организации, интеграционные блоки, институты и организации отдельных стран. Докладчик обозначил ряд тенденций развития миропорядка: формирование сложной, разветвленной

сетевой структуры доминантных игроков и их диффузия; глобальная унификация общества; природоресурсная недостаточность; глобальная информатизация и цифровизация процессов управления; новое качество сращивания мирового денежного и мирового информационного пространства. Современный мир является миром неоимперским, миром крупных интеграционных региональных образований, которые складываются вокруг крупнейших держав, доминирующих в конкретных регионах, и их группировок. Империи не перестали существовать, но видоизменились. Роль классических метрополий выполняют ТНК, транснациональные банки и их штаб-квартиры в США, Великобритании, ФРГ, Франции, Швейцарии, Японии, а их империи – это сетевой переплетающийся конгломерат их филиалов во всех частях Старого и Нового Света, их семейных владельцев и правительств подконтрольных им государств.

В. А. Чернов, д. э. н., профессор Нижегородского государственного университета, также полагает, что современная гегемония КЗ держится на принципах господства транснационального банковского эмиссионного капитала, подчиняющего узкокорпоративным интересам финансовые и политические институты как внутри страны их географического расположения, так и других стран, что соответствует формации финансиализма с его геополитической философией трансатлантизма. Это означает, что формирование нового миропорядка невозможно, пока не будет уничтожена финансовая зависимость от транснациональной корпоратократии. По его мнению, Новый банк развития (НБР) БРИКС может стать примером принципиально нового финансового института, поскольку система его управления существенно отличается от ФРС (США), ЕЦБ (ЕС), ЦБ (Россия) – он управляется не частным капиталом, а представителями государств-членов, что открывает возможность быть независимыми от транснационального монополярного гегемона, сохранять национальные суверенитеты стран – членов БРИКС.

Проблематике трансформации международной финансовой системы был посвящен и доклад д. э. н., академика РАЕН, заслуженного экономиста России, профессора МГУ **В. Д. Андрианова**, который полагает, что сейчас разворачивается новый экономический суперкризис, причина которого коренится в системных дисбалансах в глобальной экономике и мировой финансовой системе, требующих кардинальной перестройки всех ее сегментов. Новая валютная система должна строиться не на долларовом стандарте и резервных валютах сателлитов США, а на более широкой корзине национальных валют прежде всего стран БРИКС. Составными институциональными финансовыми элементами новой альтернативной валютной системы на первом этапе могут стать международные финансовые институты развития, такие как Новый банк развития БРИКС (НБР), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Исламский банк развития (ИБР) и др. Возможно создание нового международного финансового института как альтернативы МВФ, который мог бы регулировать деятельность валютного и фондового рынка, оффшорных центров, суверенных фондов, принципов трансграничных слияний и поглощений, рынка небиржевых деривативов и др. Одновременно, по мнению докладчика, необходимо стимулировать региональную экономическую интеграцию и формирование региональных валютных зон –

азиатской валютной зоны на базе азиатской валютной единицы АКЮ (англ. Asian currency unit, ACU); зоны «золотого динара» арабских стран; рублевой зоны, включающей ЕАЭС и отдельные страны СНГ; валютной зоны стран Латинской Америки; валютной зоны стран западноафриканского экономического сообщества ЭКОВАС.

Д. и. н., профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС **М. М. Шумилов** и студент того же института **Ю. М. Шумилов** в своем докладе также обратились к проблематике трансформации мировой валютной системы, в частности к перспективам отказа от доллара США как основной валюты международных расчетов. По их мнению, такая перспектива связана с переходом на расчеты с использованием цифровых валют. Так, в 2020 г. КНР запустила цифровую валюту e-CNY, в 2021 г. начала партнерские отношения с ОАЭ и Таиландом для расчетов по экспорту в цифровых юанях. Одновременно была запущена Трансграничная межбанковская платежная система (CIPS) как альтернатива SWIFT. К началу 2023 г. к ней присоединились около 1300 банков из более чем 100 стран. При этом была использована платформа mBridge – совместная разработка Китая, ОАЭ, Тайваня и Таиланда. Присоединение к этому проекту российского Центробанка и Банка БРИКС ускорит процесс дедолларизации.

Д. ф. н., г. н. с. Высшей школы экономики МГУ, в. н. с. Института востоковедения РАН **Л. Е. Гринин** и к. б. н., с. н. с. НИУ ВШЭ, н. с. МГУ имени М. В. Ломоносова **А. Л. Гринин** посвятили свой доклад двум ключевым, по их мнению, аспектам борьбы за мировой порядок – технологическому и демографическому. Докладчики подчеркнули, что чем больше возможностей появляется у технологий, тем сильнее желание геополитических игроков использовать эти технологии для собственных целей – военных, внешнеполитических, разведывательных и иных [Кашин, Сушенцов 2023]. Внедрение эффективных технологий существенно изменяет не только внешнеполитические и военные возможности, но и сами эти отношения – как межгосударственные, так и внутригосударственные, – что они продемонстрировали на ряде примеров, показав, что в принципе любая технология может стать орудием политической борьбы, в том числе за мировой порядок. Только адекватная общая стратегия, включающая в себя различные аспекты, опирающаяся на передовые технологии и прогноз появления новых технологий, способна помочь занять достойное место в новом мировом порядке. Что касается демографического измерения, то докладчики предположили, что резкое сокращение белого населения в США в итоге приведет к краху американской гегемонии [Huntington 2004]. На политические процессы могут оказать влияние самые разные демографические процессы. В частности, миграция меняет облик европейских городов, столиц, в целом стран в пользу исламских и африканских мигрантов. В итоге происходит мощнейший геополитический разлом в Мир-Системе, где явно идет борьба за изменение баланса сил и роли в мировом порядке (в целом за возможности его изменения).

К. э. н., в. н. с. ИМЭМО РАН **В. Н. Кумачев**, с. н. с. ИМЭМО РАН **С. Ю. Казеннов** и н. с. ИМЭМО РАН **Е. М. Королева** проанализировали перспективы развития БРИКС, а также потенциальную роль России в этом объединении. Доклад-

чики отметили, что страны – участники БРИКС имеют существенные различия в экономическом, политическом, культурном плане. Более того, они все в большей или меньшей степени «вмонтированы» в существующий «несправедливый» экономический миропорядок, поэтому для них БРИКС – это способ улучшить собственные позиции в отношениях со странами КЗ. Поэтому не следует рассматривать БРИКС как объединение «против Запада». Также докладчики скептически оценили перспективы создания единой валюты БРИКС, биржи БРИКС, появления единой идеологии. Остается открытым и вопрос лидерства. По мнению докладчиков, многое зависит от возможности сочетать эффективное развитие объединения, обеспечение его внутренней упорядоченности с задачами его расширения. Что касается России, то ей не хватает компоненты «мягкой силы» в ее широком понимании, включая экономику. Россия должна выглядеть не только мощной, экономически эффективной, но и цивилизационно «правильной», «справедливой», самодостаточной величиной глобальной и тем более региональной геополитики. При этом Россия не должна «перенапрягаться», принимая на себя слишком много ответственности и соответствующих усилий и обязательств.

По мнению д. э. н., зав. отделом экономических исследований Института востоковедения РАН **А. В. Акимова**, БРИКС объединяет страны, которые могут иметь схожие взгляды в политике, но при этом оставаться конкурентами в экономической сфере. Например, Индия отказалась вступать в созданное Китаем Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП, Regional Comprehensive Economic Partnership), опасаясь стать в нем младшим партнером КНР, которая уже превратилась в центр мировой экономики, сопоставимый с коллективным Западом [Афро-азиатские... 2023]. ВРЭП объединяет страны, выбравшие путь экономической интеграции с КНР даже вопреки политическим противоречиям с ним. Индия больше ориентирована на США и Европу, поскольку сильная сторона ее экономики – развитый экспорт услуг в сфере информационных технологий и бизнес-услуг – не востребована в странах Азии [Цветкова 2021; 2022]. Докладчик предположил, что по мере развития технологий дешевизна индийской рабочей силы перестанет быть решающим фактором. В этих условиях Индии предстоит переопределиться с партнерами на мировом рынке. Не исключена вероятность ее возврата к экономической интеграции с партнерами из Восточной и Юго-Восточной Азии. Альтернативным вариантом может стать стратегия Индии на создание собственного интеграционного экономического объединения. В него могут войти страны Южной Азии, а также Ближнего и Среднего Востока, не вошедшие в такие крупные объединения, как ЕС и ВРЭП [Акимов 2023].

К. ф. н., в. н. с. Университета мировых цивилизаций **В. И. Герасимов** и к. ю. н., в. н. с. ИНИОН РАН **С. И. Коданева** отмечают особую значимость сотрудничества стран БРИКС в решении глобальных экологических проблем, включая изменение климата, обезлесение, опустынивание, утрату биоразнообразия, острую нехватку ряда природных ресурсов и загрязнение окружающей среды. Глобальные экологические проблемы можно решить совместными усилиями развивающихся стран, рассматривая БРИКС как «локомотив» осуществления необходимых перемен в создании безопасного и комфортного будущего планеты. В этом кон-

тексте развитие и расширение объединения БРИКС+ приобретает особую геоэкономическую и геополитическую значимость как площадка, на которой тестируются форматы партнерского взаимодействия стран, относящихся к различным локальным цивилизациям, оттачиваются принципы формирования нового справедливого и устойчивого мироустройства. Для обмена накопленным опытом и эффективной реализации международных и межгосударственных соглашений в области охраны окружающей среды необходимо создать Экологическую платформу БРИКС, которая должна представлять собой сетевую коммуникационно-деятельностную среду, содействующую интенсивному, скоординированному и результативному взаимодействию экспертного сообщества, органов государственной власти и управления, бизнес-структур, научно-исследовательских и профильных организаций системы образования, общественных, политических организаций и СМИ по ключевым проблемам экологического развития и сотрудничества стран БРИКС. Деятельность платформы в значительной степени должна быть ориентирована на разработку и реализацию конкретных программ и проектов [Герасимов, Коданева 2024].

Д. э. н., профессор кафедры экономики и финансов Волгоградского филиала Российского экономического университета **И. Е. Бельских** обратил внимание на то, что страны – участники БРИКС по-прежнему интегрированы в западные рынки больше, чем в рынки друг друга, они активно инвестируют на рынках G7. Развитие БРИКС, по его мнению, требует большей экономической интеграции участников объединения, для чего следует использовать представленный автором комплекс мотивирующих факторов, основанный на поиске точек соприкосновения и учета национальных интересов всех участников БРИКС [Бельских, Алифанова 2022]. Мотивационная работа должна опираться на множественные усилия по самым разным направлениям: языковая поддержка, создание инфраструктурных возможностей для взаимодействия, снижение валютных рисков (в частности, создание туристических цифровых токенов в странах БРИКС), формирование взаимного национального уважения и роста значения мотивационных программ в сфере экономики на основе отраслевого и территориального подходов. Подобная работа, по мнению докладчика, является основой долгосрочной интеграции стран БРИКС, построенной на взаимном интересе фирм и людей.

К. и. н., доцент кафедры всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско-Армянского университета **А. Г. Евстратов** обратил внимание на опасность принятия в состав БРИКС Турции, которая может привести к разрушению объединения изнутри, поскольку эта страна видит себя конкурентом России и Китая во влиянии на Евразию. Она продвигает идею пантюркизма, которая представляет собой идеологию господства тюрков, объединенных вокруг Турции, что в итоге должно вылиться в появление на огромных пространствах евразийского материка образования под названием «Великий Туран». В этой связи докладчик призвал проявить максимальную осторожность в отношениях с Турцией и ее сателлитами, а также приложить больше усилий по переориентации стран тюркского мира на сотрудничество со странами БРИКС.

Заключение

Завершая обзор материалов этой конференции, считаем необходимым на их основе сделать некоторые обобщения:

1. Современное глобальное социально-экономическое пространство подвергается кардинальным преобразованиям – рушится однополярность мироустройства, на смену отношениям иерархического доминирования приходят отношения сетевого взаимодействия.

2. В современном геополитическом контексте объединение БРИКС обретает статус цивилизационной платформы многополярного мира, которая организует не только политические, экономические и технологические процессы, но и систему цивилизационных ценностей.

3. БРИКС стала полноценной платформой для объединения развивающихся стран на основе равноправия и культурного многообразия, главной целью которой является формирование равноправного многополярного мироустройства со справедливой и рациональной архитектурой глобального управления.

4. К стратегическим приоритетам объединения БРИКС можно отнести:

- обеспечение глобальной и региональной безопасности и стабильности;
- формирование нового справедливого и безопасного мирового порядка и новой системы международной безопасности;
- формирование справедливой и эффективно функционирующей мирохозяйственной системы;
- возрождение духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей стран БРИКС, создание условий для гармонического развития личности;
- создание безопасных, сбалансированных и динамичных транснациональных транспортно-логистических систем, коммуникационной инфраструктуры на основе новых информационных и телекоммуникационных технологий;
- создание новой системы международных валютно-кредитных и финансовых отношений.

5. В складывающемся глобальном социально-экономическом пространстве сотрудничество стран БРИКС является важнейшим фактором укрепления их политической независимости, экономической конкурентоспособности, успешности национально-культурного и социально-экономического развития. Особое значение имеет сотрудничество стран БРИКС в решении глобальных проблем. Глобальные проблемы можно решить совместными усилиями развивающихся стран, рассматривая БРИКС как «локомотив» осуществления необходимых перемен в создании безопасного и комфортного будущего нашей планеты.

Литература

Акимов А. В. Индия как самостоятельный центр в мировой экономике // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 4. С. 213–221.

Афро-азиатские страны и новые технологии 2023 / отв. ред. и сост. Н. Н. Цветкова. М. : ИВ РАН, 2023.

Бельских И. Е., Алифанова С. Е., Гордиенко В. В. Позиционирование экономики и маркетинг территории в условиях санкций // Экономика и предпринимательство. 2022. № 3(140). С. 381–384.

Герасимов В. И., Коданева С. И. О мегапроекте «Экологическая платформа БРИКС+» // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире: материалы Второй международной научно-практической конференции (5–7 июня 2024 года): в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. М. А. Булавина, В. И. Герасимов. М. : Изд. дом УМЦ, 2024. С. 448–455.

Кашин В. Б., Сушенцов А. А. Большая война: из прошлого в настоящее // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 2. № 6. С. 100–118.

Ньевас Г., Содано Э. Нормы доходности и иностранные активы в глобальной перспективе, 1970–2022 гг. [Электронный ресурс]. 2024. URL: https://wid.world/wpcontent/uploads/2024/04/WorldInequalityLab_WP2024_14_Has-theUS-exorbitantprivilege-become-a-rich-world-privilege_Final.pdf.

Цветкова Н. Н. Развитие цифровой экономики: страны Азии и Африки: в 2 кн. Кн. 1. Развитие цифровой экономики. М. : ИВ РАН, 2021.

Цветкова Н. Н. Развитие цифровой экономики: страны Азии и Африки: в 2 кн. Кн. 2. Компании цифровой экономики. Онлайн-платформы и занятость. М. : ИВ РАН, 2022.

Чумаков А. Н. О природе нестабильности в современном мире // Credo New. 2016. № 3(87). С. 8.

Carducci M., Bruno A. S. BRICS as Constitutional Inhomogenous Dynamics. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brics.unipr.it/wedit/uploads/contenuti/97/27102014144554.pdf>.

Huntington S. Who We are: Challenges to American National Identity. New York : Simon & Schuster, 2004.

Stojković R., Milosavljević S. BRICS Tendencies towards Redefining the Global Economic Order // Science International Journal. 2023. Vol. 2. No. 4. Pp. 7–11.

ГЛОБАЛЬНОЕ КИБЕРПРОСТРАНСТВО

ЦИФРОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ГОРИЗОНТЫ НОВОЙ КРЕАТИВНОСТИ*

Волков Ю. Г., Воденко К. В.**

Информационное общество характеризуется глобальным коммуникационно-информационным взаимодействием и формированием виртуальной реальности, глобальной информационной Сети, в которой происходит коммуникационно-информационное взаимодействие множества акторов, что осуществляется на основе цифровых знаний, цифровых компетенций и цифровой культуры. Субъектом освоения цифрового мира является цифровая личность, которой в ее коммуникационно-информационном взаимодействии свойственны коммуникационная цифровая свобода, информационное конструирование виртуальной реальности, креативность в создании информационных контентов, эффективный выбор информационного ресурса, многовариантный и альтернативный подход в решении проблемы. Указанные качества цифровой личности трактуются как новая креативность или креативность цифрового мира.

Ключевые слова: информационное общество, глобальное коммуникативно-информационное взаимодействие, виртуальная реальность, цифровые знания, цифровая культура, цифровая личность, креативность.

* **Для цитирования:** Волков Ю. Г., Воденко К. В. Цифровая личность: горизонты новой креативности // Век глобализации. 2025. № 1. С. 77–85. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.06.

For citation: Volkov Yu. G., Vodenko K. V. Digital Person: Horizons of New Creativity // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 1. Pp. 77–85. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.06 (in Russian).

** Волков Юрий Григорьевич – заслуженный деятель науки РФ, д. ф. н., профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН (г. Ростов-на-Дону). E-mail: ugvolkov@sfned.ru.

Yuri G. Volkov – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University; Scientific Director of the South Russian Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ugvolkov@sfned.ru.

Воденко Константин Викторович – д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова; руководитель научно-образовательной школы «Управление социальными процессами в поликультурном регионе» (г. Новочеркасск). E-mail: vodenkok@mail.ru.

Konstantin V. Vodenko – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M. I. Platov; Head of the scientific and educational school “Management of Social Processes in a Multicultural Region”. E-mail: vodenkok@mail.ru.

DIGITAL PERSON: HORIZONS OF NEW CREATIVITY

The information society is characterized by global communication and information interaction and the formation of virtual reality, global information network in which there is communication and information interaction between multiple actors, which is carried out on the basis of digital knowledge, digital competencies and digital culture. The subject of the development of the digital world is a digital person, which in its communication and information interaction is characterized by communication digital freedom, information construction of virtual reality, creativity in creating information content, effective choice of an information resource, a multivariate and alternative approach to solving the problem. These qualities of a digital person are interpreted as new creativity or creativity of the digital world.

Keywords: *information society, global communication and information interaction, virtual reality, digital knowledge, digital culture, digital person, creativity.*

Современная эпоха, которая характеризуется становлением и развитием информационного общества, привнесла много принципиально нового во все сферы общественной жизни. Это прежде всего касается проникновения в экономику и политику, культуру и образование, досуг и развлечения инновационных информационных и мультимедийных технологий, что посредством Интернета сделало коммуникационно-информационное взаимодействие глобальным и, что очень важно, массовым явлением [Pomaki *et al.* 2011]. Само использование ресурсов Интернета для удовлетворения своих информационных потребностей и саморазвития основывается не только на инновационных технологиях, но и на креативном отношении к этим информационным ресурсам, предполагающем целевой поиск информации, выбор информации, ее оценку и использование для решения той или иной социально значимой и лично предпочитаемой цели [Averill 2005]. Поиск, владение, применение информации, ее хранение, преобразование, обмен информацией стали творческим, креативным процессом [Бергер, Лукман 1995]. От степени информированности и креативности операций с информацией стали зависеть уровень квалификации человека, его карьера, его социальный статус, место в социальной иерархии, успешность в жизни. Креативность в информационную эпоху приобретает новые черты и характеристики, и это требует своего осмысления [Социальные... 2013].

Понятие креативности широко обсуждается в литературе, посвященной теоретическим проблемам способностей, творчества, одаренности, эвристики, когнитивистики и критического мышления, в социально-философской, психологической и педагогической литературе, в литературе, обсуждающей вопросы инноваций и модернизации образования, а также в литературе, связанной с искусством, в связи с чем нужно выделить таких отечественных и зарубежных авторов, как Т. Ф. Башина, Т. А. Барышева, Д. Б. Богоявленская, Ю. Г. Волков, В. Н. Дружинин, В. М. Дюков, О. Я. Емельянова, Ю. Г. Козулина, А. А. Метелкина, И. Н. Семенов, Р. Н. Терещенко, И. В. Шершень, Л. И. Шишкина, Дж. Р. Эверилл, М. Боден, Дж. Гилфорд, Э. П. Торрэнс, Р. Флорида.

Обсуждение природы креативности показывает, что это личностная способность, связанная с творчеством, которая характеризуется созданием принципиально новых идей и подходов к решению проблемы, с отходом от традиционных

и устоявшихся схем мыслительной деятельности [Raskin 2006]. Если перечислить то, что включают указанные выше авторы в понятие креативности, то это создание нового, неординарное, оригинальное решение проблем, отказ от стереотипов и шаблонов, гибкость и оригинальность, максимально полное использование эвристических стратегий мышления, творческая интуиция и способность генерировать новые идеи [Башина 2013]. Креативность также связана с осмыслением собственных действий, способствующих определению проблем и трудностей, с нахождением оптимальных и рациональных путей решения проблемы [Takhteyev *et al.* 2012].

Традиционно понимаемая креативность (от английского слова *creativity*, переводимого как «творчество» или «сотворение из ничего»), как нам представляется, не является синонимом творчества. Если творчество базируется на авторском вдохновении, таланте и способностях, то в креативности акцент делается на целевом и даже прагматическом моменте творческой деятельности [Волков 2013]. Творчество – более фундаментальная характеристика создания нового на основе фантазии, воображения и вдохновения. Креативность же можно трактовать как целевую организацию творчества [Baron, Harrington 1981]. И если, как писал классик, творчество, как и гармонию, «алгеброй поверить невозможно», то креативность как технологию творческого процесса представляется возможным и необходимым эксплицировать в точных понятиях.

С понятием креативности связан и глубокий социальный смысл. Так, с точки зрения американского социолога Р. Флориды, люди, обладающие креативностью, формируют «новый общественный класс», главной особенностью которого является креативная деятельность в общественной и культурной жизни, политике, бизнесе, образовании и в других сферах, и именно за ними будущее человечества.

Это делает исследование креативности важной теоретической и практической задачей. Вместе с тем, осознавая важность исследования креативности, мы должны отдавать себе отчет в том, что люди творят и создают новое и генерируют оригинальные идеи в конкретных исторических условиях; они используют те возможности, которые им предоставляет социальный и технологический прогресс [Buch-Hansen 2014]. А это существенно дополняет, если даже не меняет саму природу творческого процесса и природу креативности.

В настоящее время человечество вступило в информационную эпоху. Информатизация, глобальное коммуникационно-информационное взаимодействие, инновационные информационные и мультимедийные технологии и цифровизация как формы проявления и развития информационного общества приводят не только к коренному изменению экономической жизни, заменяя экономику машинного производства на экономику знаний, и проникновению информационных и коммуникационных технологий в производственно-хозяйственную жизнь и личное повседневное пространство каждого человека, но также меняя и человеческий социум, и саму природу человека [Назарчук 2011].

Возникают такие новые устойчивые коммуникационно-информационные образования, как сетевые онлайн-сообщества, которые, являясь выражением нового вида социальности – социальности информационной эпохи, самоорганизуются и самоуправляются. Это связано с их коммуникационно-информационной природой, их мозаичной, децентрализованной, сетевой структурой, а также со специ-

фическими функциями и их глобальным информационным и коммуникационным взаимодействием.

Методологией исследования является системно-деятельный подход, характеризующий креативную деятельность человека информационной эпохи как глобальное, интерактивное и гипертекстовое коммуникационно-информационное взаимодействие, выражающееся в целенаправленном поиске информации, необходимой для удовлетворения информационных потребностей, в получении информации, ее оценке, преобразовании и хранении с целью организационного, рационального и целенаправленного использования информации для оптимального функционирования индивида в сетевом онлайн-социуме (сетевом сообществе) и оптимального существования и функционирования самого сетевого онлайн-сообщества.

Дополнительными подходами, используемыми в работе, являются структурно-функциональный подход, посредством которого изучаются структурно-организационные формы сетевых сообществ, их децентрализованная, трансграничная, ячеисто-мозаичная структура и интенсивность их коммуникационно-информационного, личностного, профессионального, социально-гражданского взаимодействия, выражающего функционирование сетевых сообществ. В частности, структурно-функциональный анализ социальных сетей и сетевых онлайн-сообществ исследуется исходя из размытости границ и структур социальных сетей, обусловленности структуры сетевых сообществ характером информационной связи между ними, функциональными особенностями информационного взаимодействия между ними и конвертацией цифровых компетенций акторов коммуникационно-информационного взаимодействия в информационный и коммуникационный капитал.

Это привлекает для анализа также сетевой, ресурсный и динамический подходы, которые предполагают анализ информационных, персонально-личностных и профессиональных ресурсов акторов сетевых онлайн-сообществ, характеризующих личностное саморазвитие акторов и их самопрезентацию и самопредъявление в виртуальном пространстве [Александров, Киреев 2014].

В работе также используется методология социального конструктивизма, в частности в качестве методологических принципов социального конструктивизма использованы принципы конструктивистской экспликации реальности (социальной, консенсусной и медиареальности), понимание конструкта как модели объяснения реальности, методы институционализации, легитимизации и характеристики информационной среды [Aleahmad *et al.* 2016].

Креативность как способность личности эффективно и целенаправленно организовать творческий процесс связана с внутренними личностными качествами, но во многом обусловлена и условиями внешней среды. Еще Ф. Баррон и Д. Харрингтон отмечали, что креативность – это прежде всего способность личности реагировать на новые идеи, новые подходы, новые возможности, новые ресурсы и новые, в том числе технологические, продукты [Barron 1981].

Таковыми новыми условиями и новыми технологическими продуктами в информационную эпоху являются информационное пространство Интернета, его информационные ресурсы, глобальное коммуникационно-информационное взаи-

модействие, которое изменяет социум, трансформирует его и изменяет самого человека, развивая новые способности, в том числе и способности поиска, оценки и хранения информации, используемой для саморазвития, развития информационного социума и удовлетворения своих информационных потребностей [Семенов 2006]. Эти способности, позволяющие личности эффективно организовать свое информационное бытие, мы и трактуем как новую креативность.

Базисным элементом системы цифровых компонентов новой креативности является цифровая грамотность (*digital competencies*). Под цифровой грамотностью обычно понимается способность человека, пользователя информационных ресурсов Интернета, решать различные задачи в сфере использования коммуникационно-информационных технологий. Цифровая грамотность предполагает умение использовать и создавать соответствующий информационный контент на базе цифровых технологий, обусловленный поиском, оценкой, хранением и преобразованием информации, коммуникационно-информационным обменом информацией и использованием необходимого программного обеспечения [Обучение... 2018].

Цифровая грамотность, кроме основ владения программным обеспечением для организации коммуникационно-информационного взаимодействия, – это также осведомленность в области безопасности данного процесса [Абдрахманова, Ковалева 2017]. Так, цифровая безопасность включает в себя комплекс мероприятий по обеспечению конфиденциальности информации и защиты от несанкционированного вмешательства, что обусловлено использованием лицензионных операционных систем и программного обеспечения, их регулярным обновлением, использованием локального шифрования, системы паролей и установкой антивирусных программ [Рыков 2015].

Следующим этапом формирования цифровой культуры является овладение цифровыми навыками (*digital skills*). Это, как следует из обсуждения данного понятия в исследовательской литературе, сложившиеся способы, схемы и модели поведения, которые основаны на цифровой грамотности [Луман 2007]. Цифровые навыки дают возможность акторам социальных сетей и сетевых онлайн-сообществ взаимодействовать в информационном пространстве, обмениваться цифровым, понимать и интерпретировать различные цифровые послания, творчески удовлетворять свои информационные потребности, креативно самореализовываться в социально-информационном взаимодействии [Терещенко 2013].

Цифровая грамотность и цифровые навыки лежат в основе цифровой компетентности, которая включает в себя способность к цифровому сотрудничеству, выражающуюся в приобщении к цифровой культуре [Емельянова, Шершень 2009]. Цифровые знания и цифровые умения, достигнутые на предыдущих уровнях, на уровне цифровой компетентности могут трактоваться как «цифровые знания в действии», то есть как сложившиеся практики цифрового взаимодействия.

Креативный компонент цифровой грамотности, цифровых навыков и цифровых компетенций заключается прежде всего в том, что человек, освоившийся в цифровом мире как среде удовлетворения своих коммуникационных и информационных потребностей, творчески использует найденную в глобальной Сети информацию, оценивает ее в зависимости от личностных ценностей и приоритетов, интер-

претирует ее в нужном контексте, рационально использует ее для решения определенных задач, для собственного саморазвития и самопрезентации в цифровом мире и создает новые цифровые контенты, удовлетворяющие целеполаганию и интересам своих партнеров по коммуникационно-информационному взаимодействию [Луман, Озирченко 1995]. Новые контенты – это объекты цифрового мира, его виртуальная реальность, и уже в их новизне содержится креативность [Aldress 2014].

Новая креативность, креативность человека информационной эпохи, на наш взгляд, выражается многокомпонентными способностями личности, человека информационной эпохи [Машкина 2013]. В основе новой креативности, как нам представляется, лежит прежде всего цифровая культура. Цифровая культура может трактоваться как синтез цифровой грамотности, цифровых навыков и цифровой компетентности. Но она не сводится к их механической сумме, хотя и включает их. Кроме цифровых способностей человека креативно действовать в цифровом мире, цифровая культура – это еще и сам этот мир [Курбатов 2018]. Он включает в себя цифровое пространство, цифровые ресурсы, цифровые инновационные технологии, цифровые объекты и артефакты, мультимедийные формы их проявления [Флорида 2011]. Сюда также включаются мультимедийные цифровые практики, цифровая повседневность, мир цифровых игр, компьютерная графика и анимация, цифровое искусство и многое другое.

Цифровая культура как системное качество является базой для формирования цифровой личности, которой свойственна такая грань новой креативности, как цифровая креативность [Рыков и др. 2016].

Понятие цифровой личности в современной литературе трактуется по-разному. Одна из трактовок – это цифровая гражданская идентификация, цифровой ID, включающий в себя цифровую идентификацию и биометрию. Другая трактовка – это цифровая сетевая идентификация, характеризующая сетевой адрес, личный аккаунт, адрес электронной почты, персональный ник, SMS-логин и пароль. Выше речь шла о цифровых знаниях, навыках и компетенциях, образующих цифровую культуру пользователя [Дюков, Козулина 2010]. Указанные характеристики можно трактовать как ресурсно-пользовательские параметры цифровой личности. О цифровой пользовательской креативности актора-потребителя информационных ресурсов мы уже говорили.

Цифровая личность как социально-философское понятие характеризует не только актора, обладающего цифровыми знаниями и навыками, не только агента сетевого взаимодействия, но и субъекта информационной социальности, который своими действиями креативно формирует цифровое пространство как социальное пространство и тем самым формирует самого себя как субъекта социального действия. В цифровом информационном мире это действия с поиском, выбором, оценкой, форматированием и фрагментированием информации в цифровом виде [Давыдов, Юдина 2014]. Своими действиями цифровая личность продуцирует информационную реальность, которая становится социальной реальностью нового типа – виртуальной реальностью. Ее основными чертами становятся альтернативность, многовариантность, порожденность, информационная актуальность и востребованность, автономность и интерактивность.

Данная реальность, порожденная цифровой личностью, включенная в социальные сети, становится элементом социального взаимодействия, социально-информационной ценностью, социально-информационной потребностью и, соответственно, социально-информационным производством и потреблением [Дружинин 2007]. Это делает креативную деятельность цифровой личности инструментом саморазвития и инструментом развития информационного социума. Соответственно этому цифровые знания, навыки и компетенции из личных способностей трансформируются в цифровой социальный капитал.

Выделим основные черты новой креативности: превращение цифровых знаний, навыков и компетенций в цифровой социальный капитал; цифровая свобода как выражение цифрового доступа и полного электронного участия в делах информационного социума; управление информационными ресурсами; соблюдение цифрового этикета как стандартов поведения в информационном взаимодействии; наличие цифровых прав и обязанностей; цифровая безопасность как меры по обеспечению конфиденциальности и блокированию несанкционированного вмешательства; гипертекстуальность как характеристика расширения объема и содержания информации; мультимедийность как характеристика способов передачи информации посредством комбинирования различных каналов трансляции сообщения – аудиального, визуального, вербального [Барышева, Метелкина 2014].

Креативность цифровой личности напрямую связана с ее коммуникативным бытием, что выражается в способности цифровой личности нестандартно, творчески и эффективно находить новые возможности для решения проблем за счет: свободы коммуникации; коммуникативного выбора нужного варианта из большого количества возможных вариантов; выбора вариантов коммуникативного поведения; гибкости реагирования на изменение коммуникативных ситуаций; неформальности коммуникативного взаимодействия; повышения уровня креативности за счет совместной коммуникативной деятельности и коммуникативного взаимодействия [Сухомлин 2017].

На основе цифровой культуры, выражением чего является цифровая личность, формируется когнитивная культура нового информационного интеллекта цифровой личности (критического мышления) и культура креативного информационного действия (социально-информационное конструирование цифровой личностью самой себя и социально-информационного мира) [Емельянова, Шершень 2009]. На основе когнитивной культуры и культуры информационного действия создаются новые горизонты новой креативности цифровой личности, что определяет предмет дальнейших исследований в данной области [Тимофеева 2015].

Литература

Абдрахманова Г. И., Ковалева Г. Г. Цифровые навыки населения // Цифровая экономика: экспресс-информация. 2017. № 1(58). С. 1–4.

Александров Р. О., Киреев В. С. Цифровая компетентность как инструмент в информационном обществе для осуществления контроля и распространения информации [Электронный ресурс] : Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14055> (дата обращения: 25.01.2025).

Барышева Т. А., Метелкина А. А. Эмоциональная креативность: моделирование и диагностика в младшем школьном возрасте // Герценовские чтения. Начальное образование. 2014. Т. 5. № 1. С. 356–362.

Башина Т. Ф. Креативность как основа инновационной педагогической деятельности // Молодой ученый. 2013. № 4. С. 521–525.

Бергер Т., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995.

Волков Ю. Г. Креативность: творчество против имитации. М. : Альфа-М, 2013.

Давыдов С. А., Юдина А. А. Социальные сети и сетевой подход к анализу социальной структуры // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2014. № 4(22). С. 37–41.

Дружинин В. Н. Психология общих способностей. 3-е изд. СПб. : Питер, 2007.

Дюков В. М., Козулина Ю. Г. Теоретические подходы к исследованию креативности // Современные наукоемкие технологии. 2010. № 10. С. 140–144.

Емельянова О. Я., Шершень И. В. Феномен креативности: природа, содержание и факторы развития // Проблемы развития инновационно-креативной экономики – 2009: Научные статьи участников Первой международной научно-практической конференции. М. : Креативная экономика, 2009. С. 589–615.

Курбатов В. И. Сетевые онлайн-сообщества: структурно-функциональные и организационные факторы самоуправления // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 2. С. 15–27. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.2.1.

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб. : Наука, 2007.

Луман Н., Озирченко Д. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–124.

Машкина А. В. Структурно-функциональный анализ социальных сетей Интернета // Наука и школа. 2013. № 4. С. 28–30.

Назарчук А. В. О сетевых исследованиях в социальных науках // Социологические исследования. 2011. № 1(321). С. 39–51.

Обучение цифровым навыкам: глобальные вызовы и передовые практики. Аналитический отчет к III Международной конференции «Больше чем обучение: как развивать цифровые навыки» // Корпоративный университет Сбербанка. М. : АНО ДПО «Корпоративный университет Сбербанка», 2018.

Рыков Ю. Г. Сетевое неравенство и структура онлайн-сообществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 4. С. 144–156.

Рыков Ю. Г., Кольцова О. Ю., Мейлахс П. А. Структура и функции онлайн-сообществ: сетевая картография ВИЧ-релевантных групп в социальной сети «ВКонтакте» // Социологические исследования. 2016. № 8(388). С. 30–42.

Семенов И. Н. Взаимодействие интуитивистики и рефлексии в философии и общей психологии творчества Я. А. Пономарева // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / ред.-сост. Д. В. Ушаков. М. : Ин-т психологии РАН, 2006. С. 438–452.

Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: сб. науч. трудов / отв. ред. Л. Н. Верченков, Д. В. Ефременко, В. И. Тищенко. М. : ИНИОН РАН, 2013.

Сухомлин В. А. Открытая система ИТ-образования как инструмент формирования цифровых навыков человека // Стратегические приоритеты. 2017. № 1(13). С. 70–81.

Терещенко Р. Н. Эмоциональная креативность как способность // Психология обучения. 2013. № 3. С. 134–142.

Тимофеева Н. М. Цифровая грамотность как компонент жизненных навыков // Психология, социология и педагогика. 2015. № 7(46). С. 26–27.

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика-XXI, 2011.

Averill J. R. Emotions as Mediators and as Products of Creative Activity // Creativity across Domains: Face of Muse / ed. by J. Kaufman, J. Baer. Mahwah, NY : Erlbaum, 2005. Pp. 225–243.

Aleahmad A., Karisani P., Rahgozar M., Oroumchian F. OLFinder: Finding Opinion Leaders in Online Social Networks // Journal of Information Science. 2016. Vol. 42. Pp. 659–674.

Andress J. The Basics of Information Security: Understanding the Fundamentals of InfoSec in Theory and Practice. N. p. : Syngress, 2014.

Barron F., Harrington D. Creativity, Intelligence and Personality // Annyal Review of Psychology. 1981. Vol. 32. Pp. 439–476.

Buch-Hansen H. Social Network Analysis and Critical Realism // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2014. No. 44. Pp. 306–325.

Ilomaki L., Lakkala M., Kantosalo A. What is Digital Competence? [Электронный ресурс] : Linked Portal. 2011. Pp. 1–12. URL: <http://linked.eun.org/web/guest/in-depth3> (дата обращения: 25.01.2025).

Raskin J. D. Constructivist Theories // Comprehensive Handbook of Personality and Psychopathology. Vol. 1. Personality and Everyday Functioning / ed. by J. C. Thomas, D. L. Segal. New York, NY : John Wiley, 2006. Pp. 212–229.

Takhteyev Y., Gruzd A., Wellman B. Geography of Twitter Networks // Social Networks. 2012. Vol. 34. No. 1. Pp. 73–81.

НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ КРИПТОРЕГУЛИРОВАНИЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ*

Мосакова Е. А., Шмелева М. А.**

Данная статья посвящена анализу возможных путей регулирования такого финансового феномена, как криптовалюты. На сегодняшний день многие государства реализуют локальную политику в отношении криптовалют. Подобная политика варьирует от полного запрета до легализации в рамках разработанного законодательства. Однако принятие локальных мер не способствует значительному снижению уровня рисков и угроз, которые представляют криптовалюты мировой финансовой безопасности. Для минимизации рисков и повышения эффективности необходимо избрать единые механизмы, инструменты, а главное – стратегию глобального/наднационального крипторегулирования. В современных реалиях достаточно не просто реализовать подобный проект, однако от этого зависит финансовая безопасность не только криптопользователей, но и самих государств. На данном этапе странам необходимо наладить обмен правовым и другим опытом, информацией, технологиями, разработками, высококвалифицированными специалистами, что станет первым шагом на пути к избранию единого сценария развития политики наднационального регулирования криптовалют.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, крипторегулирование, криптоуправление, блокчейн, наднациональный уровень, трансграничные операции, цифровизация.

SUPRANATIONAL CRYPTOCURRENCY REGULATION: A NECESSITY OR AN OPPORTUNITY

This article is devoted to the analysis of possible ways to regulate such a financial phenomenon as cryptocurrencies. Today, many states are implementing lo-

* **Для цитирования:** Мосакова Е. А., Шмелева М. А. Наднациональное крипторегулирование: необходимость или возможность // Век глобализации. 2025. № 1. С. 86–93. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.07.

For citation: Mosakova E. A., Shchmeleva M. A. Supranational Cryptocurrency Regulation: A Necessity or an Opportunity // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 1. Pp. 86–93. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.07 (in Russian).

** Мосакова Елизавета Александровна – к. э. н., доцент, доцент кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: lizavetam@mail.ru.

Elizaveta A. Mosakova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the UNESCO Department for the Study of Global Problems, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University. E-mail: lizavetam@mail.ru.

Шмелева Майя Артемовна – студентка 2-го курса магистратуры факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: pchelkamayuyya@mail.ru.

Maya A. Shchmeleva – 2nd year master's student of the Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University. E-mail: pchelkamayuyya@mail.ru.

cal policies regarding cryptocurrencies. Such a policy ranges from a complete ban to legalization within the framework of developed legislation. However, the adoption of local measures does not significantly reduce the level of risks and threats posed by cryptocurrencies to global financial security. To minimize risks and increase efficiency, it is necessary to choose common mechanisms, tools, and most importantly, a strategy for global/supranational cryptocurrency regulation. In modern realities, it is quite difficult to implement such a project, however, not only the financial security of cryptocurrency users, but also of the states themselves depends on it. At this stage, the countries need to establish an exchange of legal, etc. experience, information, technologies, developments, highly qualified specialists, which will be the first step towards choosing a common scenario for the development of a policy of supranational regulation of cryptocurrencies.

Keywords: *cryptocurrency, digital currency, cryptocurrency regulation, cryptocurrency management, blockchain, supranational level, cross-border transactions, digitalization.*

Характерная черта криптовалют – трансграничность и децентрализованность, что говорит о том, что тенденция крипторегулирования должна принять общий глобальный характер, для чего необходима выработка согласованной позиции мирового сообщества в отношении данного феномена с последующей разработкой единых инструментов и механизмов для реализации эффективного крипторегулирования.

Основной тенденцией развития общества на современном этапе является цифровизация. Технологии и инновации активно внедряются в различные сферы жизни. Аналоговые процессы и данные переходят в цифровой формат, делая их более адаптивными к современным реалиям.

Информационный этап развития общества олицетворяет верховенство информации во всем. Обладание информацией, грамотное ее использование и реализация определяют уровень конкурентоспособности человека, бизнеса, организации или государства. Технологии, в свою очередь, обеспечивают расширенный доступ к информации, увеличивают скорость ее освоения и снижают разного рода издержки. Помимо этого, технологии позволяют оптимизировать производство, повысить качество услуг, а также эффективность ряда процессов. Вместе с этим меняется общая модель взаимодействий на внутрисистемном уровне.

Сегодня цифровизация, сопровождаемая технологиями и инновациями, активно внедряется в сферу экономики. Примером могут служить криптовалюты и цифровые валюты центральных банков. Использование технологий в данной сфере увеличивает скорость операций, снижает издержки, повышает уровень защищенности и прозрачности данных, расширяет границы рынков, а также нивелирует некоторые барьеры [Мамаева 2018].

В целях обеспечения прогрессивного развития во многих странах сегодня внедряются блокчейн-технологии. Например, в Индии их тестовое использование направлено на упрощение процесса регистрации собственности, сельскохозяйственного страхования и цифрового сертифицирования. В Сьерра-Леоне их применяют на этапе подсчета голосов в ходе избирательного процесса. В США предпринимаются попытки их использования в сфере госуслуг. В Западной Европе наблюдается тенденция их применения в различных финансовых проектах. По-

добная ситуация развивается в Сингапуре. Поддержка и развитие блокчейн-технологий в ОАЭ неразрывно связаны со стремлением правительства превратить регион в интеллектуальный центр. Частные предприятия наряду с госучреждениями открыты для данной инновации, что повышает их конкурентоспособность в современном ландшафте цифровизирующегося мира. Развитие технологической инфраструктуры привлекает инвесторов, что также способствует развитию страны.

В обычном понимании блокчейн-технологии в основном ассоциируются с криптовалютами. Однако спектр их применения намного более обширен. Например, в Эстонии их используют в сфере здравоохранения для регистрации медицинской информации в единой децентрализованной открытой структуре. На примере Швеции можно изучить их применение в сфере управления собственностью для обеспечения прозрачности, а также более высокого уровня защищенности процесса купли-продажи. В Грузии был запущен пилотный проект ведения кадастрового учета на базе блокчейна. Более того, данная технология подходит для управления документооборотом. Ярким примером здесь является Китай, проводящий политику запрещения криптовалют, но активно использующий блокчейн-технологии в судебной сфере для управления документами (их хранения, а также проверки). Блокчейн является прогрессивной технологией, использование которой в процессе политических выборов позволяет обеспечить их безопасность и прозрачность, что демонстрирует правительство Сьерра-Леоне. Кроме того, существует возможность их применения в сфере образования. В России существует возможность замены ЕГЭ на сбор данных об ученике за весь период обучения и составления на его основе единого рейтинга достижений учеников. Подобная рейтинговая система, основанная на блокчейне, может быть использована и в других сферах [Михаленко, Крюкова 2018].

Высокий уровень защищенности и прозрачности, обеспечиваемый блокчейн-технологиями при помощи неразрывной цепочки блоков, помогает реализовывать управление на более высоком уровне, повышать эффективность и скорость процессов, параллельно упрощая их. Внедрение блокчейна в государственный финансовый сектор, активное его использование в бизнес-сфере – все это указывает на высокую актуальность и перспективность данного инновационного инструмента, что также повышает его инвестиционную привлекательность.

Однако, в силу новизны данной технологии, существует ряд рисков, сопряженных с ее использованием. Например, возможны сбои в смарт-контрактах или в механизме консенсуса. Более того, внедрение данной инновации в уже сложившиеся системы вызывает необходимость в многостороннем тестировании блокчейна на соответствие текущим условиям. По этой причине большое количество блокчейн-проектов сегодня работает в пилотном, тестовом режиме, что позволяет оценить все возможности и риски, связанные с данной технологией. Вместе с этим возрастает необходимость в формировании прогрессивной нормативно-правовой базы в целях регулирования блокчейна. Данный аспект также является неоднозначным, поскольку правовое регулирование технологии должно способствовать не только предотвращению рисков, но и сохранению возможности ее масштабной реализации.

Большое число государств положительно оценивает применение блокчейн-технологий в целом ряде отраслей. Однако, несмотря на то что функционирующая

ние криптовалют выстроено на основе блокчейна, отношение к ним неоднозначное. Сегодня все активнее ведутся обсуждения о необходимости их регулирования как на национальном, так и на наднациональном уровне. С одной стороны, их регулирование должно быть нацелено на минимизацию рисков, связанных с криптовалютами. С другой стороны, данные меры позволят обезопасить внутренний рынок от востребованного, но неподконтрольного финансового инструмента и подготовить его для другого управляемого национального/регионального инструмента [Griffith, Clancey-Shang 2023].

Регулирование блокчейна, криптовалют на сегодняшний день является важным и дискуссионным вопросом в международном сообществе. Существуют разные национальные подходы к данному вопросу, начиная с полного запрещения и заканчивая полным или частичным разрешением на использование данных технологий в соответствии с юрисдикцией отдельного государства. К государствам, проводящим запретительную политику в отношении криптовалют, относятся: Китай, Индонезия, Марокко и др. Такие страны, как США, Япония, Сальвадор и др., избрали более дружелюбную политику в этой сфере.

Легализация криптовалют не только способствует повышению уровня защищенности государства, бизнеса и граждан от возможных рисков, связанных с ними, но и приносит прибыль государству за счет налогообложения. Еще в 2013 г. власти Сингапура, Швейцарии, США и других стран изучали вопрос налогообложения криптовалют. Однако решение данного вопроса все еще находится на национальном уровне. Каждая страна принимает свои законы в соответствии с нормативно-правовыми особенностями.

Правовой режим криптовалют разнится от государства к государству. В одних странах они признаются в качестве инвестиционного актива, в других – средством платежа, в третьих – товаром и т. д. Подходы разнятся от легализации (Япония, Белоруссия, Канада) до регуляции (но не в статусе платежного средства) (США), ограничивания или частичного запрещения (Казахстан, Индия) и полного запрета (Китай, Индонезия) [Зыкова, Лобач 2020].

Разнообразие подходов не дает государствам объединить усилия для установления наднационального контроля над криптовалютами. Разный уровень развития национальных правовых баз и самого технического развития государств также разнится. Кроме того, на сегодняшний день отсутствуют международные договоры, направленные на их регулирование [Cryptocurrency... 2020].

Данная тенденция не является положительной, так как криптовалюты – это наднациональное, трансграничное и децентрализованное явление, что делает их регулирование на национальном уровне малоэффективным. В такой ситуации власти государства не могут полностью контролировать криптовалюты и обеспечивать полную безопасность их использования. Разработка национальных норм в их отношении снижает риски, но не в полной мере. По причине децентрализованности, отсутствия центра управления невозможно обеспечить контроль над данным явлением. В этом случае возможным вариантом было бы создание международного «искусственного» центра управления. Более того, трансграничные операции не могут быть взяты под контроль с территории одной или нескольких стран. Трансграничные процессы требуют общего – международного – подхода.

Данная технология отличается высоким уровнем сложности. Для ее понимания и грамотного управления ею необходима консолидация усилий всего мирового

го сообщества. Обмен опытом, информацией, технологиями, правовыми разработками – все это является необходимым этапом на пути к наднациональному регулированию криптовалют. В данном случае странам необходимо не увеличивать разрыв, а сокращать его для ускоренного объединения усилий.

Также существует риск нарушения криптовалютной системы, что может спровоцировать кризис и повлечь за собой большие убытки как для государств и организаций, так и для бизнеса и других пользователей. На данном этапе необходимо составление моделей негативных последствий, которые могут быть спровоцированы внедрением общих наднациональных мер регулирования [Kosse, Mattei 2023].

Несмотря на то что установление международного контроля над криптовалютами является сложной задачей, некоторые страны и организации уже сегодня делают шаги в этом направлении. Например, ЕС сегодня рассматривает возможность объединения усилий для создания общей правовой базы, выходящей за рамки одного государства. В рамках ЕС данная инициатива могла бы получить более быстрое развитие в связи с тем, что само объединение отличается высоким уровнем интеграции, что делает принятие решений более согласованным, а их реализацию – более эффективной. Кроме того, МВФ подчеркивает актуальность установления наднационального регулирования над криптовалютами, обусловленную современными реалиями и особенностями функционирования криптовалют, повышающими уровень рисков и угроз для финансовой структуры как отдельно взятых стран, так и всего мирового сообщества. Страны G7 также заявляют о необходимости разработки норм и стандартов правового крипторегулирования на глобальном уровне. Данное заявление было сделано после краха FTX и последовавших за этим больших финансовых потерь. Более того, уже сегодня такие международные организации, как FSB и FAFT, занимаются разработкой общих стандартов и рекомендаций по регулированию криптовалют [Lagarde 2018].

На данный момент существует несколько сценариев крипторегулирования. Один из них носит запретительный характер, другой – стимулирующий. Для реализации первого сценария необходимо проработать определенные виды запретов (табл. 1). К ним могут относиться: запрет на использование криптовалют как платежного средства, их свободный оборот, деятельность бирж, анонимное использование, инвестирование, ICO, трейдинг и т. д. Для реализации перечисленных запретов необходимо внедрить ряд инструментов.

Таблица 1

Запретительный сценарий крипторегулирования

Запреты	Инструменты	Наказание	Мотивы
Использование в качестве платежного средства	Валютное законодательство	Предписание	Защита государства, бизнеса и граждан
Свободный оборот	Инвестиционное законодательство	Штраф	
Деятельность бирж	Расширение финансового законодательства	Уголовная ответственность	

Окончание табл. 1

Запреты	Инструменты	Наказание	Мотивы
ICO	Законодательство ПОД ФТ		
Инвестирование и трейдинг			
Анонимность			

Крипторегулирование возможно через валютное законодательство, инвестиционное (действует в США), финансовое (с более широким распространением норм, как в Новой Зеландии), законодательство по отмыванию доходов (действует в Индии, Пакистане и др.). Помимо запретов и инструментов необходимо определить уровень санкционирования правонарушений: предупреждение, штраф, уголовное наказание. Мотивом для реализации запретительного метода регулирования криптовалют может служить: предотвращение утечки капитала/средств, защита населения, сдерживание высокого скачка энергозатрат. Данные меры будут защищать не только государство, но и бизнес, а также граждан.

Второй – стимулирующий – сценарий подразумевает интеграцию в существующую нормативную базу (табл. 2). Например, возможно заимствование опыта законодательного невмешательства (данный метод используется Швейцарией). Внедрение системы лицензирования криптоопераций или определенных токенов (ОАЭ). Регистрация бирж (в Японии существуют отдельные агентства, занимающиеся регистрацией и контролем криптобирж). Организация внутренней регуляции (отчетность, идентификация, защитные механизмы и др.). Существует возможность контроля криптовалют в рамках законодательства о ценных бумагах, инвестиционного законодательства, касающегося фондов и услуг.

Таблица 2

Стимулирующий сценарий крипторегулирования

Интеграционные меры	Средства
Законодательное невмешательство – нейтральность	Цифровая/технологичная экосистема
Система лицензирования криптоопераций, определенных токенов	«Регулятивные песочницы»
Регистрация криптобирж	Создание отдельных институтов контроля и сертификации
Интеграция криптовалют в существующие правовые нормы	Внутренняя саморегуляция через отдельные органы
Внутренняя (само)регуляция	Развитие аналитики
Новые меры	Установление системы налогообложения
Регулирование криптовалютных бирж, кошельков, ICO	Повышение осведомленности населения
Законодательная защита пользователей в сфере финансовых технологий	Международное сотрудничество, обмен опытом

Кроме того, развивается идея создания отдельного законодательства, затрагивающего криптовалютные биржи, кошельки ICO (подобная практика существует

на Мальте). В Мексике есть отдельные нормы, регулирующие и защищающие деятельность потребителей финансовых технологий [Се Сяовэнь 2021].

Для реализации второго сценария необходимо развивать цифровую экосистему. Ограничивать деятельность, связанную с финансовыми технологиями, так называемыми «регулятивными песочницами» – особой защищенной среды для тестирования инновационных проектов. Создавать отдельные узконаправленные институты контроля и лицензирования. Развивать аналитическую сеть в данном поле [Yalaman, Yildirim 2019].

Переводить регулятивные процессы с внешнего на внутренний уровень, делегируя ряд функций отдельно созданным органам. Кроме того, немаловажно наладить систему налогообложения, а также повысить уровень грамотности населения для снижения рисков, связанных с криптовалютами. Два данных сценария рассматривают возможные направления крипторегулирования. Их противоположность соответствует современной тенденции неоднородности подходов в данной области во всем мире: от запрещения до правовой интеграции. Для реализации наднационального регулирования необходимо избрать единый подход, соответствующий современным реалиям. На основе как положительного, так и отрицательного опыта разных стран в области регулирования криптовалют необходимо избрать наиболее эффективные методы и средства. Несмотря на то что на данном этапе призвать все мировое сообщество к объединению усилий в данном направлении достаточно проблематично, проявляется тенденция изучения и разработки основ наднациональной политики крипторегулирования на уровне организаций. МВФ, СФС, БМР, ФАФТ, ОЭСР и другие международные организации и финансовые институты сегодня занимаются мониторингом, аналитикой, а также разработкой концепций в отношении криптовалют и их регулирования [Криптовалюты... 2019].

Для начала реализации проекта выстраивания сети глобального крипторегулирования необходимо избрать единую площадку для встреч представителей государств и дальнейших обсуждений подходов, методов, средств, инструментов, а также возможных угроз. Данную площадку возможно организовать на базе ООН – основной международной организации на данном этапе. Последующие усилия необходимо направить на выработку общего подхода в отношении крипторегулирования. Избрание единого подхода, обмен опытом, информацией, технологиями, разработками, высококвалифицированными специалистами – все это станет первым этапом на пути достижения цели. На следующем этапе необходимо изучить вопрос интеграции криптовалют в существующее законодательное поле. Создание новых правовых норм также крайне необходимо, с учетом инновационности и технологической новизны данной финансовой технологии, однако ее существование в разрыве с ними может привести к нарушению эффективного функционирования нормативно-правовой системы [Мосакова 2020].

На сегодняшний день выстраивание системы наднационального крипторегулирования является труднодостижимой задачей, реализация которой требует последовательных, планомерных действий. Дальнейшее развитие данной системы зависит от уровня заинтересованности и вовлеченности стран. Объединение усилий мирового сообщества в целях регулирования такого трансграничного явления, как криптовалюты, является основополагающим фактором создания единой

эффективной системы криптоуправления. Для ее построения странам необходимо наладить взаимный обмен законодательным опытом, информацией, технологиями и ресурсами, что позволит грамотно выбрать и реализовать сценарий глобального крипторегулирования.

Литература

Зыкова Т. А., Лобач Д. В. Практика применения криптовалют в зарубежных странах // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. № 4–2. С. 162–168.

Криптовалюты и блокчейн как атрибуты новой экономики. 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/71f/Doklad_FINAL.pdf?ysclid=m10mh83y6p24383926 (дата обращения: 13.09.2024).

Мамаева Л. Н., Гребенщиков Н. А. Блокчейн как новый этап в развитии цифровой экономики // *Экономическая безопасность и качество*. 2018. № 4(33). С. 60–64.

Михаленко Ю. А., Крюкова А. А. Блокчейн как один из элементов цифровизации государства // *Вестник евразийской науки*. 2018. № 1. С. 1–7.

Мосакова Е. А. Криптовалюта как новый инструмент в глобальном управлении // *Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика*. 2022. № 3. С. 70–83.

Се Сяовэнь. Анализ зарубежных практик надзора за обращением криптовалюты // *Российский экономический вестник*. 2021. Т. 4. № 2. С. 275–280.

Cryptocurrency Intelligence and Blockchain Analytics. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ciphertrace.com/2020-year-end-cryptocurrency-crime-and-anti-money-laundering-report/> (дата обращения: 18.09.2024).

Griffith T., Clancey-Shang D. Cryptocurrency Regulation and Market Quality // *Journal of International Financial Markets, Institutions & Money*. 2023. No. 84. 101744.

Kosse A., Mattei I. Making headway – Results of the 2022 BIS Survey on Central Bank Digital Currencies and Crypto // *BIS Papers*. 2023. No. 136. Pp. 1–32.

Lagarde C. Winds of Change: The Case for New Digital Currency. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2018/11/13/sp111418-winds-of-change-the-case-for-new-digital-currency> (дата обращения: 18.09.2024).

Yalaman G. Ö., Yıldırım H. Cryptocurrency and Tax Regulation: Global Challenges for Tax Administration // *Blockchain Economics and Financial Market Innovation* / ed. by U. Hacıoglu. Cham : Springer, 2019. Pp. 407–422.

ПРОБЛЕМЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО МИРА*

Стычинский М. С.**

В статье рассматриваются различные аспекты влияния информационного общества и глобализации на процесс формирования национальной идентичности и патриотического воспитания. В последние десятилетия быстрые изменения, вызванные развитием информационных технологий, влияют на общественные, экономические и политические процессы, создавая новые вызовы для сохранения культурной самобытности и ценностей. Автор анализирует процессы трансформации мировоззрения, происходящие в условиях глобализации, когда информационные потоки, свободно перемещаясь через границы, влияют на восприятие истории, культуры и политики отдельных стран. В статье рассматривается важность патриотического воспитания как инструмента формирования и сохранения национальной идентичности в условиях информационного шума и глобальной интеграции.

Особое внимание уделено рискам, связанным с массовым потреблением контента массмедиа и новых медиа, а также роли цифровых технологий в поддержке или ослаблении патриотических настроений. Проблемы воспитания патриотизма в условиях глобализации связаны с утратой национальных ориентиров и снижением интереса к собственной культуре. В статье предложены пути решения этих проблем, включая использование современных технологий для создания интерактивных платформ, развитие критического мышления, а также вовлеченность в патриотическое воспитание на всех уровнях общества. Автор подчеркивает, что патриотическое воспитание должно сочетать уважение к собственной истории и культуре с открытостью к мировым процессам, позволяя интегрировать национальную идентичность в глобальный контекст.

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории»).

Для цитирования: Стычинский М. С. Проблемы патриотического воспитания в условиях глобального информационного мира // Век глобализации. 2025. № 1. С. 94–103. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.08.

For citation: Stychinsky M. S. Problems of Patriotic Education in the Global Information World // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 1. Pp. 94–103. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.08 (in Russian).

** Стычинский Максим Сергеевич – к. ф. н., доцент исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (г. Москва). E-mail: stichinsky@gmail.com.

Maxim S. Stychinsky – Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Faculty of History, State Academic University for the Humanities (Moscow). E-mail: stichinsky@gmail.com.

Ключевые слова: информационное общество, глобализация, цифровая коммуникация, глобальные информационные потоки, национальная идентичность, культура и патриотизм, патриотическое воспитание, мировоззрение и идентичность, массовая культура.

PROBLEMS OF PATRIOTIC EDUCATION IN THE GLOBAL INFORMATION WORLD

The article considers various aspects of the influence of the information society and globalization on the process of formation of national identity and patriotic education. In recent decades, rapid changes caused by the development of information technology have an impact on social, economic and political processes, creating new challenges for the preservation of cultural identity and values. The author analyzes the processes of worldview transformation taking place in the context of globalization, when information flows freely moving across borders affect the perception of history, culture and politics of individual countries. The article explores the importance of patriotic education as a tool for the formation and preservation of national identity in the context of information noise and global integration.

Special attention is paid to the risks associated with mass consumption of mass media and new media content, as well as the role of digital technologies in supporting or weakening patriotic sentiments. The problems of fostering patriotism in the context of globalization are associated with the loss of national landmarks and a decrease in interest in native culture. The article suggests the ways to solve these problems, including the use of modern technologies to create interactive platforms, the development of critical thinking, as well as involvement in patriotic education at all levels of society. The author emphasizes that patriotic education should combine respect for one's own history and culture with openness to world processes, allowing the integration of national identity into a global context.

Keywords: information society, globalization, digital communication, global information flows, national identity, culture and patriotism, patriotic education, worldview and identity, mass culture.

1. Информационное общество и глобальный мир

В последние десятилетия человечество переживает значительные изменения, обусловленные развитием информационных технологий и цифровых коммуникаций. На глобальном уровне в достаточно сжатые сроки под влиянием Интернета, новых средств коммуникации, искусственного интеллекта и других инновационных технологий трансформируются общественные, экономические и политические процессы: «...процессы глобализации принципиально повлияли на архитектуру мирового сообщества, сделав его полностью планетарным явлением...» [Чумаков 2018: 4]. Информационные потоки, минуя континенты и границы национальных государств, с каждым днем преобразуют мир, происходит глобализация информационного пространства: «Информационная сопричастность – включенность в систему цифровых интегрированных коммуникаций, причем именно в систему универсальных наднациональных каналов коммуникации, – стала одним из важнейших идеологических элементов потребительской глобализации» [Евстафьев 2021].

В силу своей специфики, имея преимущества в части пространственно-временных характеристик над другими способами передачи информации, современное информационное пространство оказывает влияние практически на все аспекты человеческой жизни: от образования и науки до культуры и политики. Один из ключевых вопросов, рассматриваемых в рамках данной статьи, заключается в анализе происходящих трансформаций на уровне мировоззрения представителей различных национальных государств в условиях интенсификации информационных потоков.

Любое сообщество, представляющее собой систему, заинтересовано в сохранении своей уникальности и идентичности, сохранении своей культуры [Стычинский 2020: 36]. Эта задача решается через воспроизводство членов общества посредством воспитания и формирования ценностно-мировоззренческого единства, включая использование такого инструмента, как коллективная память. Забвение отдельных страниц истории либо память о событиях минувших дней формирует самосознание индивида, позволяет идентифицировать себя с той или иной социальной группой, определяет картину мира. Развитие информационного общества и технологий приводит к серьезным трансформациям в вопросе формирования картины мира в сознании индивида, который, будучи представителем вполне конкретного национального государства, оказывается также вовлечен в глобальные информационные потоки.

Пребывание в условиях информационного общества вынуждает субъекта на постоянной основе осуществлять операции фильтрации, выбора из общего информационного шума актуальной для него информации. Одно из отличий человека от искусственного интеллекта, по крайней мере на сегодняшний день, заключается в подверженности психоэмоциональным состояниям под воздействием различных раздражителей и сред. Создатели контента, преследуя цель быть услышанными, постоянно находятся в поиске наиболее эффективных инструментов воздействия на реципиента. Поскольку эмоции противоположны логике, яркий, возбуждающий контент, как правило, лишен фильтра критического восприятия.

Современный человек привыкает к постоянно и стремительно происходящим вокруг него изменениям. Известная фраза древнегреческого философа «Все течет, все меняется» на сегодняшний день приобретает особое звучание. Постмодернизм с его релятивизмом и плюрализмом научил человечество скептически относиться к жестким мировоззренческим конструкциям. Ситуация усугубляется еще и тем, что человеческая память оказывается вынесенной вовне [Маклюэн 2023]. Через книги, аудио- и видеоматериалы, а в конечном итоге – интернет-пространство все накопленные человечеством знания оказались зафиксированы на различных внешних носителях. И если взаимодействие с физическими носителями информации требовало определенных временных затрат: найти источник, получить его, осуществить его анализ с целью поиска необходимых сведений, то с приходом цифровых носителей и обретением текстами свойства гипертекстуальности процесс значительно упростился.

На сегодняшний день практически любой субъект, обладая компетенциями по оперированию цифровыми устройствами, имеет техническую возможность в любой момент времени обратиться к «базе знаний», вынесенной вовне коллективной человеческой памяти, используя при этом минимальные временные затраты. Дан-

ное обстоятельство для современного человека-прагматика, отягощенного информационными потоками, озабоченного стремительно меняющимся окружающим его пространством, которое ввиду эффекта «глобальной деревни» расширяется до масштабов всего земного шара, создает ситуацию отсутствия необходимости траты ресурсов на изучение и запоминание информации, которая всегда под рукой, если потребуется.

В то же время при отсутствии ценностно-мировоззренческого базиса, мировоззренческой матрицы, субъект оказывается безоружен против внешнего информационного воздействия. Поэтому яркий и эмоционально окрашенный контент, о котором говорилось выше, некритично воспринимается и формирует представление субъекта по ряду вопросов, включая исторические интерпретации. Безусловно, это создает высокие риски для сохранения национальной идентичности, национальной целостности, а в конечном итоге – культуры. Одним из направлений решения данного вопроса является практика патриотического воспитания.

2. Патриотическое воспитание и глобальный мир

Патриотизм традиционно воспринимается как любовь к Родине, гордость за ее достижения, уважение к ее истории и культуре. Он самым непосредственным образом связан с формированием национальной идентичности, чувства общности и ответственности за будущее страны: «В исторической ретроспективе патриотизм изначально вплетен в совместную жизнь людей как способ сборки социальных общностей, разделяющий людей на “наших” и “не наших”» [Воеводин 2024: 40]. Патриотическое воспитание, в свою очередь, направлено на формирование у граждан чувства привязанности к своей Родине, ответственности и готовности приносить пользу своей стране. В условиях глобализации, создающей определенные риски размытия традиционных культурных и ценностных ориентиров, утраты национальной идентичности, патриотическое воспитание становится одним из ключевых инструментов для поддержания и укрепления целостности страны. Можно сказать, что патриотическое воспитание является одним из ключевых направлений деятельности национальных государств, создающих локальную направленность происходящих в мире процессов взаимодействия различных стран.

Глобальные процессы способствуют ослаблению национального патриотизма и формированию «иерархии патриотизмов» [Дюркгейм 1991: 262]. Под этим термином подразумевается упорядоченная система различных идентификаций граждан, связанных с их территорией происхождения, местом проживания, родной нацией, государством и другими аспектами, которая зависит от жизненных ценностей человека и его вовлеченности в мировые процессы. Основа этой иерархии заключается в массовых миграциях людей между регионами и странами, а также в усилении глобального разделения труда [Мохов 2019: 119]. Глобализация способствует ослаблению патриотизма в странах, занимающих активную позицию и участвующих в глобализационных процессах. При этом в странах, испытывающих сложности с адаптацией к происходящим мировым изменениям и тенденциям, наоборот, происходит усиление патриотических настроений: «У этой части человечества патриотизм приобретает особую актуальность, поскольку именно от национального государства по сию пору зависит создание условий благополучной жизни...» [Халий 2017: 67].

Современные интернет-технологии, новые медиа позволяют не только изучать культуру и историю других стран и народов, но и выстраивать различные модели коммуникации с их представителями. Открытость и доступность разнообразной информации, помимо положительного эффекта от межкультурного диалога, может иметь и негативные последствия в виде подверженности влиянию массовой культуры, снижения актуальности и значимости национальных ценностей. Поскольку физиологические (органические) потребности являются базовыми для человека и именно на них во многом делается акцент в продуктах, создаваемых в рамках массовой культуры для привлечения внимания молодежи к национальным ценностям, включая формирование патриотических чувств, представляется необходимым использование тех же технологий, форматов и каналов связи. Находясь в ситуации выбора между «посмотреть телевизор» – «почитать книгу» либо «пойти на концерт популярного исполнителя» – «посетить лекцию», большинство представителей молодежи выберет первые варианты, поскольку эмоционально они представляются более наполненными и не требуют глубокого погружения.

3. Проблемы патриотического воспитания

Все информационное общество через рекламу, фильмы транслирует образ красивой жизни, в которой субъект играет роль потребителя: он должен быть успешен, обеспечен, носить дорогой парфюм, обладать престижным автомобилем, смартфоном, красивым спутником жизни и т. п., «ведь вы этого достойны». Реальность же представляется менее красочной: в ней кожа на лице имеет проблемы, спутник жизни храпит, парфюм куплен на маркетплейсе по акции, а автомобиль взят в кредит, в связи с чем приходится жить, затянув пояс. Человек информационного общества ориентирован на иллюзорную жизнь, которая транслируется ему на ежедневной основе, он не стоит прочно ногами на земле, его сознание занято более важными насущными проблемами. Человек слаб, слаб перед искушениями: находясь перед выбором получения быстрого дофамина и работы вдолгую, он склонен выбирать первое, и отказаться от этой привычки становится тяжело.

Находясь в такой информационной среде, человек формирует в своей картине мира определенные стандарты, которым стремится следовать. Помимо этого, также следует отметить феномен формирования в условиях информационного общества массового сознания, которое представляется «своеобразным фокусом, в котором сходятся все существенные сечения общественного сознания, и потому наиболее емким, так сказать, суммарным выражением уровня или состояния общественного сознания той или иной эпохи в целом» [Грушин 1967: 61]. В процессе социализации и инкультурации человек усваивает большое количество стереотипов, транслируемых из различных информационных каналов. Следует отметить, что «без стереотипов человек не справился бы с тем объемом информации, который он получает из внешнего мира» [Малькова, Фролова 1992: 34]. Как результат – в мировоззрении индивида, в том числе на ценностном уровне, закрепляются определенные штампы того, как должны протекать различные жизненные сценарии: «Под влиянием не всегда правдивых ценностей люди способны изменить или пошатнуть моральные ценности, которые формировались не одно столетие» [Иоселиани, Бунина 2023: 132]. И, самое важное в контексте нашей работы,

он формирует отношение к странам, являющимся игроками на общей международной арене, по тому контенту, продуктам, товарам, с которыми соприкасается в своей жизни, через быт, который зачастую пронизан продуктами массовой культуры.

Что мы можем сказать, например, о Южной Корее? Это неплохие автомобили, хорошая косметика, узнаваемые продукты питания, молодежная субкультура «К-рор» и т. д. Что можно сказать о Китае? Это множество недорогих товаров сомнительного качества (да, этот стереотип плотно сидит в сознании русского человека), это Великая Китайская стена, социальная сеть Tik-Tok, мультфильм «Мulan», рисовые поля и т. п. О Японии мы скажем в разрезе суши и роллов, самураев и надежных автомобилей. О США – смартфоны, компьютеры, техника, Голливуд, «Макдональдс», кока-кола и т. п.

О России у многих граждан до недавнего времени, к сожалению, складывалось неоднозначное мнение: словно было модно скептически относиться к своей стране. Надпись «Сделано в России» на товарах, в отличие от «Сделано в СССР», ассоциировалась у многих с товаром не самого хорошего качества либо не самых высоких технических характеристик (возьмем хотя бы автомобили, попытки создания собственных компьютеров, смартфонов). Российский кинематограф также у многих вызывал сложные чувства: «Я вообще не смотрю российское кино», – гордо говорили многие.

При таком отношении к родной стране сложно заниматься патриотическим воспитанием. Когда в системе ценностей среднестатистического представителя информационного общества государство не создает признаваемого в этом обществе продукта, трудно воспринимать попытки искусственно зажечь или пробудить в сердцах граждан чувство любви к Родине. Мемориальные акции, введение специальных образовательных курсов, иные мероприятия, к сожалению, далеко не всегда находят отклик в сердцах сограждан, поскольку воспринимаются искусственно созданными, навязываемыми.

В каком-то смысле восприятие России в сознании ряда граждан можно сравнить с восприятием подростком своих родителей, которых он, конечно, любит, но любит по-своему, где-то глубоко внутри. А в повседневной жизни, когда родители пытаются через различные действия выйти на поле интересов своего чада (рассказать из благих намерений о том, какие фильмы нужно смотреть, какую музыку слушать, как одеваться на встречи, разговаривать с людьми), это воспринимается как навязывание, не соответствующее современным реалиям. Все это вызывает снисходительное отношение, ведь в системе ценностей, сформированной информационным обществом и массовой культурой, вся эта родительская активность ни к чему не ведет.

Другое дело, когда в сознании субъекта присутствует уважительное отношение к источнику воспитания. Здесь важную роль играет наличие внешнего уважительного отношения, авторитета, когда внешний мир с его интересами, ценностями и стремлениями воспринимает и принимает создаваемый источником воспитания продукт. Грубо говоря, если государству удастся создать нечто, что находит отклик и получает спрос на общей информационной площадке, это формирует уважительное отношение массы к такому государству и тем ценностям, которые оно транслирует.

Используем метод аналогии: информационное общество – это общее пространство, двор, где встречаются жители стоящих рядом многоэтажек. Когда кто-то выносит на улицу сделанный отцом лук со стрелами, это вызывает яркую эмоциональную реакцию, и владелец лука, а также его отец, получает признание и уважение. Однако в условиях наличия в магазинах более детализированных, эффективных, ярких луков, созданных, скорее всего, в Китае, такому самодельному луку сложно конкурировать.

Опросы на тему наличия или оценки уровня патриотизма у граждан показывают, что наиболее сильные чувства гордости за свою страну испытываются в моменты совершения страной ярких и знаковых событий: запуск ракеты в космос, победа в войне, международном конкурсе, соревновании, присоединение территорий, изобретения [Аналитический... 2023].

4. Пути решения проблем патриотического воспитания

Фактор существования в условиях глобального мира и информационного общества является результатом объективно-исторических процессов развития человечества. Это реалии, которые необходимо принять и искать решение существующих проблем сохранения национальной самобытности и уникальности с их учетом. Проблема патриотического воспитания выступает в качестве многогранного вызова, который требует комплексного подхода и учета как исторических, культурных и социальных факторов, так и особенностей современных технологий и мировых тенденций.

Попробуем перечислить некоторые возможные решения, которые по своему содержанию и характеру в значительной степени носят глокальный характер.

Многоуровневое патриотическое воспитание как подход, сочетающий в себе ориентацию не только на национальное государство, но также культуру и ценности, общие для человечества. Выведение процессов мировоззренческого воздействия со стороны массовой культуры в открытую осознанную плоскость, признание их наличия. Понимание существования такого воздействия в фоновом режиме без проговаривания и формирования отношения к этому процессу как реалиям существования в информационном обществе, без страха, без негативной коннотации может способствовать формированию чувства принадлежности к глобальному сообществу при сохранении своих уникальных национальных элементов [Овсянникова 2018: 159].

Использование глобальных коммуникаций путем создания площадок для открытого международного обмена идеями, взглядами, подходами [Чумаков, Оуян Кан 2024: 7]. Подобные практики могут способствовать актуализации национальных культурных и мировоззренческих ценностей, поскольку человек проявляет интерес к собственной культуре при знакомстве с чужими культурами и подходами. Правильно заданный вопрос заставляет искать внутри себя ответы, формировать личное отношение по различным вопросам, развивает осознанность, противостоящую пассивному фоновому потреблению информации.

Развитие критического мышления и цифровой грамотности также представляется одним из ключевых направлений, учитывая наличие множества угроз со стороны участников информационного пространства в разрезе возможных манипуляций и дезинформации [Жураковская, Кривых 2023: 19]. Начальное, среднее

и высшее образование в части формирования компетенций и навыков по распознаванию достоверных источников информации, использованию информационных технологий для распространения положительных идей о своей стране представляется одним из крайне важных и актуальных направлений.

Поддержка национального творчества, создание интерактивных цифровых платформ и проектов способствуют актуализации культурной повестки, в том числе в разрезе патриотического воспитания, поскольку искусство, кино, музыка и литература содержат в себе большой потенциал в вопросе формирования чувства гордости за страну, ее традиции и достижения [Куликова, Фоменко 2021: 17]. Представляется, что деятельность в этом направлении должна сочетать как практику поддержки национального творчества, культурных инициатив, создания условий для реализации творческих проектов, отражающих патриотические ценности, так и создание различных онлайн-ресурсов, на которых молодежь сможет ознакомиться с произведениями классиков и современников в понятном и удобном для восприятия формате.

Интеграция патриотического воспитания в современные цифровые технологии: социальные сети, мобильные приложения, виртуальная и дополненная реальность. Геймификация образовательного процесса, разработка образовательных и не только игр, приложений, способствующих изучению истории и культуры своей страны через увлекательные и интерактивные форматы, виртуальные туры по историческим местам, памятным событиям может способствовать формированию ценностно-мировоззренческих установок для молодежи, учитывая их специфику восприятия.

Семейные и общественные инициативы, дискуссии и диалог в обществе. Семья в вопросах патриотического воспитания по-прежнему играет ключевую роль, поэтому важным представляется реализация на государственном уровне программ, направленных на развитие общих ценностей в семье через участие в общественных мероприятиях, волонтерских акциях, создание платформ для открытого обсуждения патриотических ценностей, важности гражданского долга и социальной ответственности [Гузенина 2015: 54]. Подобные инициативы будут способствовать укреплению патриотизма и солидарности в обществе, выстраиванию диалога представителей разных поколений.

Помимо этого, по-разному может быть решен вопрос управления источниками информации в условиях глобального информационного мира. Одной из крайностей здесь может выступить практика ограничения внешних источников информационного влияния на территории страны и их замена собственными разработками [Чекменева и др. 2020: 80]. Менее радикальный путь – это частичное ограничение внешних источников и постепенная замена их собственными. Более ресурсоемким и сложным решением может выступить создание конкурентоспособных продуктов и сервисов, которые смогут потеснить лидеров рынка. Так или иначе, очевидным на сегодняшний день становится осознание важности проактивной национальной позиции в вопросах создания, регулирования, управления и наполнения информационных потоков.

Заключение

Сохранение национальной идентичности через патриотическое воспитание требует решения ряда ключевых задач, среди которых: формирование граждан-

ской ответственности, уважение к истории и культуре своей страны, укрепление национального самосознания, развитие критического мышления. Конкретными мероприятиями в этом направлении могут быть: программы поддержки культурных инициатив, адаптация образовательных программ всех уровней к современным реалиям, использование современных технологий и сервисов для взаимодействия с молодежью, привлечение общественных организаций и волонтерских движений. Решение данных задач невозможно без комплексного подхода и вовлеченности в этот процесс на всех уровнях общества от государственных органов до образовательных учреждений, СМИ и гражданского общества.

Важно, чтобы патриотизм не являлся самоцелью, а стал частью общей социокультурной политики сохранения национальной идентичности, которая включает в себя мероприятия, направленные как на актуализацию темы уникальности своей страны, так и на вопросы интеграции в мировое пространство. Патриотическое воспитание в условиях глобализации и информационного общества требует поиска новых подходов, которые совмещают уважение к собственной истории и культуре с открытостью к миру. Это возможно только при условии, что патриотизм будет восприниматься не как замкнутая, исключаящая форма идентичности, а как путь к интеграции в более широкое мировое сообщество, где важна не только любовь к своей стране, но и ответственность за развитие и благополучие всего человечества.

Литература

Аналитический обзор ВЦИОМ. Патриотизм: мониторинг [Электронный ресурс] : ВЦИОМ. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения: 01.11.2024).

Воеводин А. П. Нравственные смыслы патриотизма // Вестник МГУКИ. 2024. № 4(120). С. 39–46.

Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. М. : Политиздат, 1967.

Гузенина С. В. Роль семьи в патриотическом воспитании личности // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Общественные науки. 2015. № 1(1). С. 53–59.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М. : Наука. 1991.

Евстафьев Д. Г. Кризис современного информационного общества как отражение кризиса глобального мира // Свободная мысль. 2021. № 1(1685). С. 163–176.

Жураковская В. М., Кривых С. В. Развитие критического мышления обучающихся как фактор формирования их функциональной грамотности // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер.: Психолого-педагогические науки. 2023. № 3. С. 17–34.

Иоселиани А. Д., Бунина М. А. Фейк и фейк-ньюз как инструменты влияния на формирование общественного мнения // Век глобализации. 2023. № 2. С. 125–135.

Куликова С. В., Фоменко Е. А. Потенциал цифровых технологий в решении задач патриотического воспитания российской молодежи // Известия ВГПУ. 2021. № 2(155). С. 12–22.

Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М. : Кучково поле, 2023.

Малькова Т. П., Фролова М. А. Информационное общество: поиск детерминант формирования массового, группового и индивидуального сознания // Современные социально-политические процессы и динамика массового сознания. М. : Изд-во МГТУ, 1992. С. 23–76.

Мохов В. П. Патриотизм и политика памяти в условиях глобализации // Технологос. 2019. № 3. С. 115–128.

Овсянникова Т. А. Глобализация или глокализация: стратегия развития локальных культур // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2018. № 4. С. 155–160.

Стычинский М. С. Кризис идентичности: механизмы забвения и мемориализации в условиях глобализации // Вопросы философии. № 7. 2020. С. 36–39.

Халий И. А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 67–74.

Чекменева Т. Г., Ершов Б. А., Трубицын С. Д., Остапенко А. А. Стратегия Китая по обеспечению информационной безопасности: политический и технический аспекты // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2020. № 7(9). С. 78–97.

Чумаков А. Н. Основные тренды мирового развития: реалии и перспективы // Век глобализации. 2018. № 4. С. 4–15.

Чумаков А. А., Оуян Кан. Диалог о глобализации, культуре и цивилизации // Век глобализации. 2024. № 1. С. 3–21.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПРИМЕРЕ МЕДИАКОРПОРАЦИИ NEWS CORP*

Белоусова А. М.**

В статье рассматриваются процессы информационной глобализации и становление глобального информационного общества. Целью исследования служит выявление степени воздействия News Corp как одной из крупнейших международных медиакорпораций на формирование глобального информационного пространства. Представлены различия между понятиями «медиа-корпорация» и «медиахолдинг». Проанализированы информационные политики и информационное присутствие ведущих структурных элементов News Corp. Определена специфика взаимодействия между ними и ценностно-смысловые ориентиры, транслируемые данными элементами. Выявлен инструментарий, используемый в рамках деятельности News Corp.

Ключевые слова: глобальное информационное пространство, глобальные медиа, транснациональные корпорации, информационная глобализация, глобальная медиаповестка, информационное общество.

FEATURES OF THE FORMATION OF THE GLOBAL INFORMATION SPACE ON THE EXAMPLE OF THE NEWS CORP MEDIA CORPORATION

The article deals with the processes of information globalization and the formation of a global information society. The aim of the research is to identify the level of influence of News Corp as one of the largest international media corporations on the formation of the global information space. The differences between the concepts of media corporation and media holding are presented. The information policies and information presence of the leading structural elements of News Corp are analyzed. The features of the interaction between them and the value-semantic guidelines translated by these elements are determined. The tools used in the framework of the activities of News Corp have been identified.

* **Для цитирования:** Белоусова А. М. Особенности формирования глобального информационного пространства на примере медиакорпорации News Corp // Век глобализации. 2025. № 1. С. 104–112. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.09.

For citation: Belousova A. M. Features of the Formation of The Global Information Space on the Example of the News Corp Media Corporation // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 1. Pp. 104–112. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.09 (in Russian).

** Белоусова Алина Михайловна – аспирант, ученый секретарь кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: albelousova_fgs_unesco@mail.ru.

Alina M. Belousova – postgraduate student, scientific secretary of the UNESCO Department for the Study of Global Problems of the Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University. E-mail: albelousova_fgs_unesco@mail.ru.

Keywords: *global information space, global media, transnational corporations, information globalization, global media agenda, information society.*

Глобализация как объективно-исторический процесс затрагивает различные сферы жизни социума. По мере развития сети Интернет актуализируется проблема взаимовлияния глобализации и эволюции цифрового пространства. Имеет смысл говорить о процессе информационной глобализации и становлении информационного общества. Подобные трансформации не могут не сказаться на самоидентификации индивида в новой информационной действительности. Интеграция Интернета во все многообразие сфер общественной жизни привела к модификации деятельности человека, приобретению им новых качественных характеристик и, как следствие, формированию нового субъекта общения. Информация превратилась в одну из базовых категорий ценностей, синтезировалась с самовосприятием индивида [Иоселиани 2013: 3].

Информационному обществу свойственно усиление взаимосвязей и взаимовлияния, упрощение процесса коммуникации, улучшение информационно-коммуникационных технологий, возникновение глобального информационного пространства. Подобные явления сопровождаются фундаментальной трансформацией ценностно-ориентационных систем [Багаутдинов А. М., Багаутдинов Р. А. 2020: 123; Чумаков 2015]. Непосредственным актором данных процессов выступают международные медиахолдинги. В подобных условиях все большую значимость приобретает проблема определения их роли на глобальной арене.

Медиакорпорация представляет собой одну из новых форм организации СМИ, возникновение которых стало возможным по мере развития глобализации и формирования глобального информационного пространства. К новым формам организации средств массовой информации наряду с медиакорпорациями можно отнести медиахолдинги и медиаальянсы. Отметим, что можно встретить употребление терминов «медиакорпорация», «медиакомпания» и «медиахолдинг» в качестве синонимов. При более подробном изучении теоретических аспектов определения медиахолдинга удалось установить, что в нормативно-правовых документах четкое и фиксированное определение медиахолдинга отсутствует. В российской теории журналистики медиахолдинг характеризуют как совокупность материнских и дочерних компаний, представляющих собой единую систему и функционирующих в сфере медиабизнеса [Вартанова 2021: 359]. При этом в российской литературе по теории журналистики, в том числе в словарях журналистских терминов, отсутствует единое определение понятия «медиакорпорация». Медиакорпорация – это одна из составляющих корпоративного бизнеса, которая играет немаловажную роль в развитии и укреплении экономических связей [Хорольский 2017: 73]. Таким образом, транснациональная медиакорпорация представляет собой объединение компаний, расположенных в разных государствах, или же одну крупную компанию, располагающую капиталовложениями за рубежом, осуществляющую деятельность в сфере медиа, массовых коммуникаций и развлечений [Маркина 2015: 130].

Оба термина («медиакорпорация» и «медиахолдинг») имеют англоязычное происхождение. В англоязычном информационном пространстве более распространено использование термина «медиакорпорация» или «медиаконгломерат» (*media conglomerate*). Принимая во внимание отсутствие определения термина

«медиакорпорация» в русскоязычных справочных изданиях и словарях, однако наличие в них определения «медиахолдинга», можно сделать вывод, что «медиахолдинг» как термин более часто используется отечественными экспертами.

В чем состоит отличие медиакорпорации от медиахолдинга? Ответ на этот вопрос можно попытаться найти в теории делового предпринимательства, откуда пришли понятия «компания», «корпорация», «холдинг». Группа компаний представляет собой совокупность юридических лиц, которые либо принадлежат одному собственнику, либо имеют общих руководителей, учредителей, либо используют общую ресурсную базу. Холдинг является объединением дочерних компаний, деятельностью которых руководит материнская компания. Следовательно, принципиальное отличие холдинга состоит в том, что за принятие решений отвечает одна головная компания [Группа... 2024]. Согласно определению, представленному в «Большом коммерческом словаре», корпорация – это форма предпринимательской деятельности, характеризующаяся наличием официального юридического статуса, долевой собственностью, управляемая группой лиц, реализующих управленческие функции, и работающая на возмездной основе. Корпорация олицетворяет собой производителя товаров и услуг, юридическое лицо и имущественный комплекс в совокупности [Грузинов 2009: 5–8]. Медиакорпорации и медиахолдинги являются компаниями и холдингами, функционирующими на медиарынке. Таким образом, можно выделить следующие различия между ними:

1. Медиакорпорация – это самостоятельная юридическая единица, в то время как медиахолдинг – это объединение, подразделяющееся на материнские и дочерние компании.

2. Цель медиакорпорации может варьироваться от достижения прибыли до интеграции каких-либо идей в глобальное информационное пространство, а первоначальная цель создания медиахолдинга – это контроль над дочерними компаниями и управление ими.

3. Акционеры медиакорпорации могут владеть акциями нескольких различных компаний. В медиахолдинге контрольный пакет акций дочерних компаний принадлежит материнской компании.

4. Управленческие функции в медиакомпаниях могут принадлежать акционерам или совету директоров, однако в медиахолдинге ключевые решения относительно деятельности всех дочерних компаний принимает материнская компания.

В 2023 г. News Corp (ранее – News Corporation), согласно данным платформы Marketing91, вошла в десятку крупнейших медиакомпаний мира [Top... 2024]. В августе 2024 г. крупнейший финансово-инвестиционный портал Investopedia поместил ее на восьмую позицию среди корпораций – лидеров медиаотрасли [The World's... 2024]. Бизнес-платформа Statista по результату проведенной аналитики присвоила News Corp 15-е место в рейтинге ведущих медиакомпаний. News Corp – это единственная компания, специализирующаяся на публикационно-издательской деятельности, вошедшая в топ-15 медиакомпаний, выделенных Statista. Более того, по уровню рыночной капитализации News Corp находится на восьмом месте в мире среди всех медиакорпораций. 16 сентября 2024 г. стоимость одной акции компании составляла 26,09 доллара [News Corp. Profile 2024]. Целесообразно предположить, что News Corp – это ведущий игрок на глобальной информационной арене. Целью данной работы служит определение степени вли-

яния медиакорпорации на информационную структуру глобального медиаландшафта.

В структуре News Corp выделяется пять основных подразделений: Book Publishing, Digital Real Estate Services, Dow Jones, News Media, Subscription Video Services [News Corp 2024]. Первое подразделение занимается издательской деятельностью. В частности, именно ему принадлежит издательство HarperCollins, являющееся одним из пяти ведущих англоязычных издательств в мире. Digital Real Estate Services предоставляет услуги рекламы и пиара в сфере торговли недвижимостью. Dow Jones принадлежит лидерство среди новостных агентств, специализирующихся на финансово-инвестиционной тематике. Также агентство владеет такими авторитетными изданиями, как The Wall Street Journal, Dow Jones Newswires, The Dow Jones Industrial Average. News Media принадлежит серия крупнейших англоязычных британских, американских и австралийских изданий: The Sun, The Times, New York Post, The Australian Subscription Video Services – это платформа стриминговых сервисов и платных телевизионных каналов, специализирующихся на выпуске программ развлекательного, спортивного или новостного характера.

Примечательно, что на официальном сайте медиакорпорации представлен иной подход к структуризации подразделений. В качестве структурных единиц выделяются: Dow Jones, HarperCollins, Realtor.com, News Corp Australian, News Corp UK, Foxtel Group, REA Group, New York Post, Storyful. Realtor.com представляет собой цифровой сервис, предназначенный для размещения объявлений о продаже недвижимости. Foxtel Group – это дочерняя компания News Corp, предоставляющая услуги кабельного телевидения на коммерческой основе. Storyful – это агентство, специализирующееся на новостях в социальной сфере, занимающееся вопросами интеллектуальной разведки. К его основным функциям относятся сбор и проверка информации, анализ данных о цифровых медиа, позволяющий клиентам получить преимущество в их нише рынка.

Привлекает внимание различие в подходах к определению элементов структуры News Corp. Если аналитики Marketscreen выделяют пять единиц, то сама медиакорпорация – девять структурных подразделений. Различия обусловлены учетом News Corp не только функционала дочерних компаний, но и их географическим месторасположением. HarperCollins представляется отдельным элементом, несмотря на то что медиакорпорации принадлежат и другие книжные издательства. Наблюдается тематическое разграничение цифровых сервисов: кабельное телевидение, интеллектуальная разведка, платформа для размещения объявлений и т. д.

На портале Business Wire доступна информация о финансовых результатах деятельности News Corp и ее подразделений за второй квартал 2024 г. Согласно этим данным, доход за указанный период структурных элементов медиакорпорации варьируется следующим образом:

- прибыль Digital Real Estate Services, Dow Jones и Book Publishing составила 2,59 млрд долларов. Это на 3 % больше по сравнению с результатами за аналогичный период 2023 г. (2,52 млрд долларов);

- REA Group добилась рекордной квартальной выручки в размере 292 млн долларов, что на 22 % превышает результаты 2023 г.;

– доходы от книгоиздания выросли на 4 %, в то время как показатель EBITDA-сегмента увеличился на 67 % благодаря росту цифровых продаж, обусловленных популярностью аудиокниг, и повышению рентабельности.

В совокупности чистая прибыль медиакорпорации за квартал 2024 г. составила 183 млн долларов, что на 89 млн долларов превышает чистую прибыль за прошлый год (94 млн долларов). Рост доходов можно объяснить общей тенденцией повышения цен на цифровые услуги, а также услуги в сфере недвижимости и издательской деятельности. Немалый вклад в увеличение прибыли внес также сегмент по предоставлению узкопрофильной профессиональной информации и фактор возрастания жилищного строительства, в частности на территории Австралии.

Данные показатели свидетельствуют о финансовых успехах News Corp, которые позволяют медиакорпорации реализовывать информационные стратегии. Одной из крупнейших «дочек» News Corp является телевизионный канал Fox News, зона вещания которого распространяется на США, Канаду и другие англоговорящие страны. Fox News известен своей консервативной позицией, а также поддержкой деятельности Республиканской партии США. Ярким примером информационной политики телеканала является освещение процесса выборов президента США в 2024 г. Основным рекламным слоганом служит фраза: “Fair and balanced” («Справедливый и рациональный»). В 2020 г. в рамках оглашения результатов президентской гонки Fox News выпустил материалы, подтверждающие подтасовку избирательских голосов в пользу Джо Байдена. Впоследствии телеканал был вынужден признать, что это были фальшивые новости, и выплатить штраф. По данным аналитической исследовательской платформы YouGov.com, деятельность Fox News знакома 97 % американцев. 44 % оценивают ее как положительную, нейтральную оценку дают 19 %, а отрицательную – 34 % [Fox News... 2024]. По данным первого квартала 2024 г. Fox News занял первое место по популярности среди телевизионных каналов США [Fox Tops... 2024].

News Corp принадлежит информационное агентство Dow Jones, специализирующееся на новостях инвестиционно-финансового характера. Индекс Доу Джонса, известный также как промышленный индекс Доу Джонса, – один из наиболее известных и широко используемых на фондовых рынках индексов, который публикуется данным информационным агентством. Dow Jones Newswire в режиме реального времени занимается сбором, подготовкой, анализом и продажами финансовой информации аналитикам, брокерам, представителям различных финансовых учреждений. Подобным образом Dow Jones оказывает непосредственное воздействие на управленческие решения ведущих компаний и учреждений. От данных, передаваемых им, и их характера зависит деятельность акторов международных экономических отношений.

Одной из самых широко распространенных и уважаемых газет компании Dow Jones является The Wall Street Journal. Издание специализируется на финансовых, экономических новостях, новостях в сфере бизнеса и предпринимательства. По данным Statista, газета пользуется репутацией надежного источника информации. Согласно опросам, количество читателей, характеризующих газету как «заслуживающую доверия», в два раза выше, чем тех, кто считает издание ненадежным. По показателю «достоверность фактов» рейтинг The Wall Street Journal

очень высок: только 10 % читательской аудитории придерживаются точки зрения, что представленные на его страницах данные неточны. Положительные оценки The Wall Street Journal обусловлены также тем, что издание успешно представлено на различных платформах и использует разнообразные информационные ресурсы и форматы для публикации своих материалов. В марте 2023 г. The Wall Street Journal занял первое место в США по объему годового тиража с показателем 254,58 млн экземпляров. Пятое место в этом рейтинге было отведено другому изданию, принадлежащему News Corp, New York Post, годового тираж которого составил 53,53 млн экземпляров.

New York Post – это ежедневное американское издание, которое имеет богатую историю. Оно было основано первым министром финансов США Александром Гамильтоном. В сентябре 2023 г. New York Post вошел в тройку лидеров среди всех печатных изданий в США с показателем 131,2 тыс. среднего тиража. По состоянию на июнь 2024 г. средний тираж газеты New York Post в будний день превысил 518,84 экземпляров [Average... 2024]. Это был самый высокий показатель за всю историю существования новостного издания. New York Post характеризуется преимущественно консервативными и правоцентристскими политическими публикациями. Наиболее часто используемым инструментом являются сенсационные заголовки.

Рассмотрим журнал The Sun. Это британское издание специализируется на новостях из музыкальной, телевизионной и развлекательной индустрии. Особое внимание уделяется скандальным и провокационным новостям из жизни знаменитостей. Также большое количество публикаций традиционно отводится спортивной тематике. Одной из особенностей британской прессы является пристальное внимание к политическим событиям. По этой причине многие таблоиды также включают материалы о политической жизни в свои номера. The Sun не является исключением. Вторая страница печатного издания посвящена политике. На цифровой платформе издания среди тематических рубрикаторов первым идет раздел «Новости», в котором представлены публикации по политической тематике. До 2020 г. The Sun занимала первое место по популярности среди всех британских периодических изданий. По динамике охвата аудитории печатных изданий с 2018 по 2022 г. The Sun уступала только Daily Mail. Согласно статистике распределения читательской аудитории по платформам за 2022 г., The Sun принадлежало 18 % от общего внимания читателей [Мердок и др. 2024]. По данным на 2024 г. The Sun занимает 18-е место среди всех британских периодических изданий. Она известна среди 97 % населения. Пользуется популярностью у 24 %. 54 % британцев к ней относятся отрицательно, 19 % – нейтрально [The Sun].

News Corp принадлежит не менее известная британская газета The Times, получившая международное признание и пользующаяся авторитетом среди читающей публики. The Times представлена как в печатном, так и в цифровом формате. Доступ к полной версии информационных материалов предоставляется только при наличии подписки. Издание продвигает правоцентристские политические взгляды, консервативную политическую линию. Помимо новостей в рамках публикационной активности издания выходят независимые журналистские расследования, а также экспертные комментарии. В 2024 г. по рейтингу YouGov The Times заняла четвертое место среди всех британских газет. О деятельности The Times из-

вестно 96 % британцев. Она популярна среди 37 % читательской аудитории. Нейтрально к ее публикациям относится 36 % читателей, 23 % – отрицательно отзываются об издании [The Times]. С газетой связаны и культурные аспекты: один из наиболее популярных в мире печатных шрифтов Times New Roman был разработан для The Times.

The Australian – одна из известнейших австралийских газет, а также единственная ежедневная газета в Австралии, которая публикуется на национальном уровне. По данным на сентябрь 2024 г. 23 % от общего тиража австралийских печатных изданий приходится на The Australian. С такими данными газета занимает второе место, уступив только The Herald Sun, которая также принадлежит News Corp [Daily... 2025]. Исторически редакционная политика The Australian соответствует консервативным политическим взглядам. Деятельность газеты также характеризуется тем, что она синтезирует в своих публикационных материалах информацию, представляемую в зарубежных газетах, принадлежащих News Corp: The Wall Street Journal, The Times, в частности.

Проведенный анализ дочерних компаний News Corp позволяет констатировать глобальность влияния медиакорпорации. СМИ, входящие в ее состав, оказывают влияние на общественное мнение не только на территории США, но и в Северной, Южной Америке, Европейском, Азиатско-Тихоокеанском регионах. По данным портала FeedSpot три из 16 крупнейших новостных сайтов, то есть примерно 19 %, принадлежат News Corp. На платформе TechWorm представлены 15 самых популярных в мире новостных порталов. Примерно 14 % из них принадлежат News Corp. По показателям на ноябрь 2024 г. в десятку ведущих новостных ресурсов входят два издания, являющихся дочерними структурами News Corp (20 %). Рассмотрев наиболее известные структурные единицы медиакорпорации, делаем выводы, что все они придерживаются единой риторики, поддерживают консервативные политические взгляды, уделяют большое внимание политической проблематике (даже таблоиды). Также к особенностям стратегии News Corp можно отнести специализацию на финансовой и инвестиционной тематике, узкопрофильных и специализированных данных, которые пользуются спросом у высшего управленческого персонала и политических элит, что позволяет косвенно влиять на принятие решений в экономических, политических и других областях общественной жизни.

27 сентября 2024 г. в издательстве Routledge вышла книга в жанре нехудожественной литературы за авторством Г. Мердока, Б. Бревини и М. Варда «News Corp: Empire of Influence» [Мердок 2024: 164]. В ней описываются история успеха и становление медиакорпорации, экономические, политические и культурные аспекты ее функционирования с точки зрения информационного воздействия. Это еще один шаг, способствующий формированию имиджа News Corp как глобальной медиаимперии, простирающей свое влияние на глобальное информационное пространство.

В качестве цели данного исследования было заявлено определение степени воздействия News Corp на глобальную медиаповестку. Учитывая широкое географическое представительство, сосредоточение крупнейших новостных изданий мира (примерно 15–20 %), единую ценностно-смысловую линию, а также возможность непрямыми способами влиять на принятие решений не только в обла-

сти медиа, но и в других сферах, делаем вывод, что на данный момент News Corp является медиакорпорацией с глобальным влиянием, одним из основных акторов информационной глобализации. News Corp – это активный и авторитетный участник построения нового информационного общества.

Литература

Багаутдинов А. М., Багаутдинов Р. А. Глобализация и моральные противоречия информационного общества // Век глобализации. 2020. № 1(33). С. 120–125.

Вартанова Е. Л. Медиасистема России. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2021.

Грузинов А. С. О терминах «корпорация», «холдинг» и модели организационной структуры банковской корпорации // Транспортное дело. 2009. № 12. С. 5–8.

Группа компаний и холдинг: в чем разница с точки зрения налогов [Электронный ресурс] : Нескучные финансы. 2024. 15 февраля. URL: <https://noboring-finance.ru/gazeta/gruppa-kompanij-i-holding-v-chyom-raznicza-s-tochki-zreniya-nalogov> (дата обращения: 12.11.2024).

Иоселиани А. Д. Антропология глобального мира: человек в информационно-коммуникативной среде // Век глобализации. 2013. № 2(12). С. 143–154.

Маркина Ю. В. Социокультурные и медийные аспекты глобализации в России // Вестник Воронежского гос. ун-та. 2015. № 4. С. 128–133.

Мердок Г., Бревини Б., Вард М. News Corp: Empire of Influence. Мельбурн: Routledge, 2024. Подробный гид по британской прессе [Электронный ресурс] : Коммерсантъ. 2022. 12 октября. URL: <https://www.kommersant.uk/articles/britanskaya-pressa> (дата обращения: 20.10.2024).

Хорольский В. В. Медиакорпорации Запада и проблемы «глобализации в СМИ» // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 2017. № 1(16). С. 68–77.

Чумаков А. Н. Язык как средство коммуникации и решения проблем в глобальном мире // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 5–14.

Average Weekday Circulation of the New York Post from 2018 to 2024 [Электронный ресурс] : Statista. 2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/1450162/circulation-of-new-york-post/> (дата обращения: 20.10.2024).

Daily Newspaper Consumption by Brand in Australia [Электронный ресурс] : Statista. 2025. URL: <https://www.statista.com/forecasts/1187960/daily-newspaper-consumption-by-brand-in-australia> (дата обращения: 20.10.2024).

Fox News Channel [Электронный ресурс] : YouGov. 2024. October 18. URL: https://today.yougov.com/topics/entertainment/explore/tv_network_&_streaming_service/Fox_News_Channel (дата обращения: 18.10.2024).

Fox Tops Q1 [Электронный ресурс] : Deadline. 2024. Oktober 23. URL: <https://deadline.com/2024/04/cable-news-ratings-march-first-quarter-1235874337/> (дата обращения: 23.10.2024).

News Corp [Электронный ресурс] : Markerscreener. 2024. September 16. URL: <https://www.markerscreener.com/quote/stock/NEWS-CORPORATION-13439787/company/> (дата обращения: 16.09.2024).

News Corp. Profile [Электронный ресурс] : Forbes. 2024. September 16. URL: <https://www.forbes.com/companies/news-corp/> (дата обращения: 16.09.2024).

The Sun [Электронный ресурс] : YouGov. URL: https://today.yougov.com/topics/entertainment/explore/tv_network_&_streaming_service/Fox_News_Channel (дата обращения: 18.10.2024).

The Times [Электронный ресурс] : YouGov. URL: https://today.yougov.com/topics/entertainment/explore/tv_network_&_streaming_service/Fox_News_Channel (дата обращения: 18.10.2024).

The World's Top 10 News Media Companies [Электронный ресурс] : Investopedia. 2024. August 19. URL: <https://www.investopedia.com/stock-analysis/021815/worlds-top-ten-news-companies-nws-gci-trco-nyt.aspx> (дата обращения: 20.11.2024).

Top Media Companies 2024 [Электронный ресурс] : Marketing91. 2024. November 12. URL: <https://www.marketing91.com/top-10-media-companies-of-2017/> (дата обращения: 20.11.2024).

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРНАЯ ЭКОЛОГИЯ: УТОПИЯ, МЕТАФОРА, ТЕОРИЯ, ЕДИНСТВО?*

Кудинова Г. Э., Розенберг А. Г., Розенберг Г. С.**

В статье обсуждаются некоторые аспекты гармонизации отношений человека и природы через повышение общей и экологической культуры. Человек, человеческое общество и культура одновременно и противостоят природе, и включены в нее. Рассмотрены стратегии сохранения объектов природного наследия, прогнозы А. Д. Сахарова о соотношении «заповедных» и «рабочих» территорий, дана обобщенная картина «эколого-нравственного потенциала» территории Волжского бассейна. Сделан вывод о возрастающей роли экологии для современной культуры и ключевой роли культуры для решения экологических проблем. Отвечая на свой же вопрос, поставленный в заголовке статьи, мы предлагаем такую последовательность (от более важного к менее важному): метафора, утопия, единство, теория.

Ключевые слова: глобализация, гуманитарная сфера, социо-эколого-экономическая система, устойчивое развитие.

* Работа выполнена в рамках госзадания по теме «Структура, динамика и устойчивое развитие экосистем Волжского бассейна» № 10210601072.17-0-1.6.19.

Для цитирования: Кудинова Г. Э., Розенберг А. Г., Розенберг Г. С. Экология культуры и культурная экология: утопия, метафора, теория, единство? // Век глобализации. 2025. № 1. С. 113–128. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.10.

For citation: Kudinova G. E., Rozenberg A. G., Rozenberg G. S. Ecology of the Culture and Cultural Ecology: Utopia, Metaphor, Theory, Unity? // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 1. Pp. 113–128. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.10 (in Russian).

** Кудинова Галина Эдуардовна – к. э. н., доц., с. н. с. Института экологии Волжского бассейна РАН – филиала Самарского федерального исследовательского центра РАН (ИЭВБ РАН). E-mail: gkudinova@yandex.ru.

Galina E. Kudinova – Ph.D. in Economy, Senior Research Fellow at the Institute of Ecology of the Volga River Basin, RAS (IEVRB). E-mail: gkudinova@yandex.ru.

Розенберг Анастасия Геннадьевна – к. б. н., н. с. ИЭВБ РАН. E-mail: chicadivina@yandex.ru.

Anastasia G. Rozenberg – Ph.D. in Biology, Researcher at the IEVRB RAS. E-mail: chicadivina@yandex.ru.

Розенберг Геннадий Самуилович – д. б. н., чл.-корр. РАН, г. н. с. ИЭВБ РАН. E-mail: genarozenberg@yandex.ru.

Gennady S. Rozenberg – Dr. Biol., Corresponding Member of the RAS, Chief Researcher at the IEVRB RAS. E-mail: genarozenberg@yandex.ru.

ECOLOGY OF THE CULTURE AND CULTURAL ECOLOGY: UTOPIA, METAPHOR, THEORY, UNITY?

The article discusses some aspects of harmonization of human-nature relations through improving general and ecological culture. Man, human society and culture are simultaneously opposed to nature and included in it. The strategies for the conservation of natural heritage sites, A. D. Sakharov's forecasts on the relationship between "reservation" and "working" territories are considered, and a generalized picture of the "ecological and moral potential" of the territory of the Volga River basin is given. A conclusion is drawn about the increasing role of ecology for modern culture and the key role of culture in solving environmental problems. Answering the question posed in the title of the article, the following sequence is proposed (from more important to less important): metaphor, utopia, unity, theory.

Keywords: globalization, humanitarian sphere, socio-ecological-economic system, sustainable development.

Ключевые понятия культуры – красота и гармония – также сближают ее с экологией, за которой стоит понимание механизмов обеспечения гармонии в природе.

В. М. Захаров [2015: 6], эколог, чл.-корр. РАН

Введение

В зарубежной научной литературе многие исследователи называют американского антрополога Дж. Стюарда «отцом» современной *культурной экологии* (учение об адаптации человека к социальному и природному окружению [Steward 1955])¹, хотя еще в начале XX в. сходные представления пропагандировали и другие ученые.

Представления об «экологии культуры» у нас в стране ввел и активно развивал академик Д. С. Лихачев. «Человек – часть природы, и отсутствие в природе духовного человека, представляющего как бы “самосознание вселенной”, лишает смысла существования не только человека, но и все сущее, все мироздание. <...> Такую обезглавленную природу не будет смысла сохранять» [Лихачев 2000: 107]. С этим трудно не согласиться. Хотя можно поспорить с самим термином «экология культуры».

На одном из годовичных собраний Российской академии наук (примерно в 1996–1997 гг.) Геннадий Самуилович Розенберг набрался смелости (наглости), подошел к Дмитрию Сергеевичу, представился и высказал свои соображения о неудачности этого термина [Розенберг 2020: 6–7]: *эко* – дом, *логия* – наука; получается *наука о Доме культуры*... Лихачев улыбнулся и заметил, что это «удобно»; на что Геннадий Самуилович ответил, что в науке существуют представления о «занятом термине» (попытка описать какие-то новые понятия или явления всегда упираются в дилемму: придумывать для этого новое слово или использовать уже известный, но «занятый» термин, делать подмену). В этом смысле понятие «экология» стало использоваться уж слишком часто и не всегда к месту (см., например,

¹ В отличие от приверженцев экологической (экосистемной) антропологии, Стюард игнорирует биологическую природу человека и отрывает культуру от ее носителей (единица анализа – культура); в экологической антропологии единица анализа – человек.

более 80 определений «экология» [Розенберг 2010], среди которых есть и биологические определения, и определения экологии как «понятие-символ эпохального значения, болезненный нерв современной мировой цивилизации и культуры, ее новый животрепещущий философско-мировоззренческий ориентир и новое измерение», и «политическая экология», и «экология духа», и «экология секса» и пр.). С другой стороны, «экология культуры» – это действительно хорошая метафора, образ действий современного человека, который и по отношению к Природе, и по отношению к Культуре часто ведет себя *non est sapiens*.

1. Некоторые основные понятия

По нашему мнению, следует различать «экологию культуры», «культурную экологию» и «экологическую культуру».

«Итак, **экология культуры!** Есть большое различие между экологией природы и экологией культуры², к тому же весьма принципиальное. До известных пределов утраты в природе восстановимы. <...> Природа при этом сама помогает человеку, ибо она “живая”. Она обладает способностью к самоочищению, к восстановлению нарушенного человеком равновесия. Она залечивает раны, нанесенные ей извне – пожарами, вырубками, ядовитой пылью, сточными водами. Иначе обстоит дело с памятниками культуры. Их утраты невосстановимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой, с определенными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно. “Запас” памятников культуры, “запас” культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью. <...> Итак, в экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. И нет между ними пропасти, как нет четко обозначенной границы между природой и культурой» [Лихачев 2000: 92, 101]. «Экология культуры – это не просто “забота о сохранении памятников культуры”, как это в большинстве случаев сейчас воспринимается, – это сложнейшая и ответственнойнейшая дисциплина, призванная играть первенствующую роль в культурной политике государства» [Лихачев 2000: 94]. Д. С. Лихачев «заложил новую науку – экологию культуры. Она имеет, как всякая наука, *свой объект исследования* (мировая культура), *свою цель* – сохранение национальных культур как подсистем единой мегакультуросистемы, *свой метод обобщения*, родственный методу экологии (курсив наш. – *Авт.*). Экология культуры по названным признакам – само-

² «Термин “экология культуры” вводился мною впервые в иностранной прессе. На русской почве: “Экология культуры”. – “Москва”, 1979, No. 7, с. 173–179; “Памятники Отечества”, М., 1980, No. 2, с. 10–16; “Знание – сила”, 1982, No. 10, с. 6, с. 3–11; “Клуб и художественная самодеятельность”, 1984, No. 1, с. 18–21. Еще ранее термин “экология культуры” употреблялся мною в устных выступлениях и в отдельных статьях и интервью. Термин “гомосфера” (конкретизация “ноосферы” В. И. Вернадского. – *Авт.*) впервые введен мною в печатных выступлениях в 1984 г.: “Гомосфера – термин наших дней”. – “Огонек”, 1984, No. 34, с. 17–19» [Лихачев 2000: 423]. Опять «занятый» термин: гомосфера – это метеорологическое понятие, слой атмосферы, в котором основные газы однородно перемешиваются вследствие турбулентного перемешивания или вихревой диффузии. Д. С. Лихачев вкладывает в него представления об области материальной и интеллектуальной деятельности человека, человеческого общества.

стоятельная научная дисциплина. Она не входит в состав экологии, так как имеет отдельный предмет исследования. Ее можно считать частью учения о *ноосфере*, как частью его является экология» [Чернышев 2013: 124].

«Культурная экология – это и произведения архитектуры, различных искусств, литературы в том числе, это и язык, это и все культурное наследие человечества. Выбросите что-либо из сферы экологии культуры – и человек лишится части своего “дома”. Поэтому заботы экологов должны распространяться не только на условия, в которых живет человек в природе, но и на условия, в которых человек существует в создаваемой им культуре» [Лихачев 2000: 92]. Скорее всего, это раздел *экологии*.

«Экологическая культура (раздел культурологии. – *Авт.*) – неотъемлемая часть общечеловеческой культуры, включающая систему социальных отношений, моральных ценностей, норм и способов взаимодействия общества с окружающей природной средой, преемственно формируемая в общественном сознании и поведении людей на протяжении жизни и деятельности поколений непрерывным экологическим образованием и просвещением, способствующая здоровому образу жизни, духовному росту общества, устойчивому социально-экономическому развитию, экологической безопасности страны и каждого человека» [Проект... 2000: 1]. «Культура экологическая – 1) этап и основная часть развития общемировой культуры; характеризуется острым, глубоким и всеобщим осознанием насущной важности экологических проблем в жизни и будущем развитии человечества; 2) совокупность знаний, умений, социальных и инженерных норм, руководствуясь которыми человек осознает себя (и соответствующим образом действует) частью природной среды и субъектом, ответственным перед собой, живущими и последующими поколениями людей за ее сохранение» [Агаджанян и др. 1997: 91]. Понятие «экологическая культура» появилось в отечественной науке практически одновременно с понятием «экология культуры» и связано с работой уральского философа и культуролога Л. Н. Когана [1978]; несколько позже сходные представления развивали социолог В. В. Бахарев [1999] и философ Э. В. Гирусов [2009].

2. Вторая природа

Если под «природой» мы подразумеваем все во Вселенной, тогда наша защита природы не требуется. Так как мы не умеем (не можем) творить чудеса, наши действия столь же естественны и в такой же степени соответствуют «плану природы», как динамика (функционирование) любого объекта или организма. Противоположностью природы в этом смысле является сверхъестественное, определяемое как все, к чему не применимы законы природы. Однако если под «природой» мы подразумеваем противоположность культуры (то есть все, что не зависит от человеческой деятельности и на нее не влияет), то по определению каждое человеческое действие должно изменять природу; причем наш многовековой опыт свидетельствует о том, что эти преобразования чаще всего носят негативный для природы характер.

Немецкий философ Ф. В. Й. Шеллинг [1987: 446–447] еще в 1800 г. назвал мир, в котором мы живем, «второй природой»: «Хотя природа и не относится к действованию абсолютно пассивно, она тем не менее не может абсолютно противостоять достижению высшей цели. Природа не способна *действовать* в подлинном смысле этого слова. Но разумные существа могут действовать, и взаимодействие

между ними в объективном мире как необходимой для этого среде составляет даже условие свободы. <...> Над первой природой должна быть как бы воздвигнута вторая, и высшая, в которой господствует закон природы, но совсем иной, чем в зримой природе, а именно закон, необходимый для свободы. Неуклонно и со столь же железной необходимостью, с которой в чувственной природе за причинной следует действие, в этой второй природе за посягательством на свободу другого мгновенно должно возникать препятствие эгоистическому влечению».

Итак, явление «культуры» (многие авторы сравнивают его по своему общему научному значению с понятиями «гравитации» в физике, «болезни» в медицине, «эволюции» в биологии и т. д.; эти сравнения, несмотря на присущую им произвольность, показательны и свидетельствуют о том, какое значение придается понятию «культура» в современном общественном сознании) невозможно понять без его соотнесения с понятием «природа». Таким образом, общество – продукт природы, ее обособившаяся часть; культура – результат деятельности человека. *Человек, человеческое общество и культура одновременно и противостоят природе, и включены в нее.* Такие внутренне противоречивые взаимоотношения человека и природы являются источником различных позиций человека по отношению к природе, возникающих в истории культуры.

«Природа, говорю я, есть все, что ты видишь и что не является делом человеческих рук и мыслей» [Фейербах 1971: 482]. «Культура», «человек» и «природа» – эти понятия всегда находились в эпицентре познания Человеком окружающего мира. «При этом проблема соотношения природного и культурного состоит в том, что между ними невозможно провести четкой границы; Культура составляет сущностное единство Человека, а Человек включает в себя не только культурное, но и природное измерение. В Человеке природное и культурное слиты в единое целое, и сложившиеся между ними отношения настолько сложны, что они до сих пор не могут считаться до конца осознанными» [Лапина 2007: 166]. Таким образом, рационалистические методы (познание действительности через разум, здравомыслие) направлены на осмысление количественных характеристик феноменов культуры, а иррационалистические методы (познание через интуицию, чувства, веру, инстинкт, откровения и т. п.) – на качественные.

Таким образом, особое значение получают те виды деятельности, в которых человек выступает как творческая индивидуальность – в науке, в искусстве. Возрастает и значимость воспитательной деятельности как целенаправленного процесса формирования человеческой личности, которая включала бы в себя качества, необходимые обществу для его прогрессивного развития. Весьма эмоционально говорит об этом белорусский философ С. В. Лапина [2007: 170–171]: «Сегодня очень важно понять, что невежество затягивает культурный слой жизни, как зеленые водоросли, смешанные с железом и мазутом, затягивают наши реки и водоемы. Культура – иммунитет против невежества, дикости и варварства. <...> Человечество на глазах одного поколения как бы простилось с детством и, входя в XXI в., взрослеет, постепенно входит в стадию зрелости культуры. И в этом смысле культура – это способность к концептуальному мышлению, то есть к целостному видению мира сквозь призму самореализации, самосовершенствования – путь к самому себе. Ибо в каждом из нас лежат тайны выживания человеческого рода на нашей истерзанной его деятельностью планете (курсив наш. – Авт.)».

3. Охрана природы и природного наследия

Россия и ее новые территории. Рассмотрим только один прикладной аспект экологических исследований, связанный с охраной растительного и животного мира (в основном на примере Волжского бассейна – следует оправдывать название нашего института). Начнем с того, что определим соотношение понятий «охрана природы» и «охрана природного наследия».

«Охрана Природы» (именно с заглавной буквы как универсум планеты Земля) – это «мероприятия по сохранению глобальной системы жизнеобеспечения человечества на условно бесконечный срок» [Реймерс 1990: 335]. Еще одно достаточно утилитарное определение звучит следующим образом [Миркин, Наумова 2002: 210]: «Охрана природы – сохранение ресурсов биосферы. <...> Охрана природы – важнейший элемент построения общества устойчивого развития и государственной политики РФ, объект приложений усилий общественных экологических организаций».

Говоря о природном наследии, мы имеем в виду совокупность информации, содержащейся в природных объектах, необходимой для познания природных процессов и явлений, сохранения природного разнообразия и эстетики окружающих ландшафтов, поддержания экологического равновесия в конкретном регионе. Система объектов природного наследия в качестве охраняемых территорий – необходимый противовес измененной природе. Территориальное поддержание природного равновесия с помощью особо охраняемых природных территорий (ООПТ; объектов природного наследия) является неотъемлемой частью землеустройства, лесоустройства, районной планировки.

Государственные природные заповедники и национальные парки часто называют лучшими территориями Земли. Это оправданно, потому что мотивами их охраны являются уникальные или типичные ландшафты, разнообразие растительного и животного мира. На этих небольших островках почти естественной (мало тронутой) природы сосредотачивается главный природный ресурс планеты – биологическое разнообразие. Это непреходящая ценность, имеющая ключевое экологическое, социальное, экономическое и эстетическое значение [Состояние... 2004; Добровольский и др. 2006]: эко-экономисты не без основания считают, что сохранение биологического разнообразия и инвестирование в охрану живой природы – всегда экономически выгодное мероприятие. Распределение охраняемых территорий по федеральным округам показано в табл. 1.

В природных экосистемах России наблюдается более 9500 видов водорослей, 12 500 – сосудистых растений, 2200 – мохообразных, около 3000 – лишайников, 320 – млекопитающих, более 723 – птиц, 75 – рептилий, около 30 амфибий и почти 343 видов рыб пресноводных вод, 9 – круглоротых и около 1500 видов морских рыб, свыше 130 тыс. беспозвоночных (данные на начало двухтысячных годов [Состояние... 2004]). Объекты природного наследия являются генетическими банками биоразнообразия России. По предварительным подсчетам, от 50 до 75 % видового разнообразия растений и животных охраняется в государственных природных заповедниках и национальных парках.

Таблица 1

Распределение ООПТ в долях площади и численности населения региона

Регион	Площадь охраняемых территорий к общей площади региона (S, %)	Площадь охраняемых территорий к общей численности населения региона (P, га/чел.)
Дальневосточный федер. округ	2,3	1,96
Сибирский федер. округ	3,1	0,77
Уральский федер. округ	1,8	0,26
Северо-Западный федер. округ	2,8	0,33
Центральный федер. округ	1,2	0,02
Приволжский федер. округ	0,6	0,02
Южный федер. округ	2,2	0,06
Республика Крым	3,7	0,04
Донецкая Народная Республика	3,6	0,01
Луганская Народная Республика	2,5	0,05
Херсонская область	15,9	0,45
Запорожская область	5,5	0,09

Интерес представляет и «природоохранный потенциал» новых российских территорий (см. табл. 1). Они мало отличаются по объему ООПТ от показателей, представленных по «европейским» федеральным округам России. Правда, за некоторыми исключениями: площадь охраняемых территорий к общей площади региона (S) несколько выше, а Херсонская область вообще выделяется в лучшую сторону как по S, так и по P. Она имеет достаточно уникальные и важные природно-заповедные объекты и территории различных категорий [Немец и др. 2015]. Во-первых, Херсонская область омывается двумя морями, на ее территории находится крупнейший по площади остров Черного моря – Джарылгач. В 1920-е гг. остров входил в систему новообразованных заповедников СССР [Василюк, Коломийчук 2016], а в 2009 г. на его территории был создан Джарылгачский национальный природный парк. Во-вторых, здесь находится уникальная экосистема Нижнего Днепра. Наконец, главным является то, что в пределах Херсонской области находится ряд крупнейших по площади и ценных по физико-географическому и биологическому разнообразию природоохранных территорий всемирного и регионального значения – это биосферные заповедники «Аскания-Нова» и «Черноморский». Назовем еще природные парки «Азово-Сивашский» (создан в 1993 г. [Котляков 2003: 19]), «Олешковские пески» (2010 г.; второй по величине в Европе песчаный массив, состоящий из бескрайних барханов высотой около 5 м, древних песчаных аллювиальных отложений Днепра [Немец и др. 2015: 35]), шесть охраняемых водно-болотных угодий, многочисленные заказники, памятники природы и пр. Естественно, в ходе СВО этот заповедный фонд пострадал, и сейчас, после вхождения Херсонской области (и других территорий) в состав Российской Федерации, потребуются усилия для его инвентаризации и реставрации.

Волга и Самарская Лука. Волга – крупнейшая река Европы, национальная гордость России – протянулась на 3531 км. Бассейн Волги занимает на Русской равнине площадь порядка 1,36 млн км² (62 % европейской части России, 8 % всей России, или почти 13 % территории всей Европы) и включает 41 административ-

ную единицу (области, республики и столицу нашей Родины – Москву), две из них – в Казахстане, остальные – в России. На 1910 км он простирается с севера на юг и на 1805 км (в верхней части) – с запада на восток [Розенберг 2009]. Русло Волги и ее притоки расположены по низменностям, и лишь в некоторых местах река прорезает возвышенности (например, Самарская Лука в районе Жигулевских гор). Это определяет конфигурацию водохранилищ и бассейна в целом: при более чем 150 тыс. рек и речек длиной более 10 км, из которых 2,6 тыс. впадают непосредственно в Волгу, формирование боковой приточности практически заканчивается ниже слияния Волги с Камой. В Каспийское море Волга ежегодно приносит примерно 250 км³ воды.

С помощью разработанной в ИЭВБ РАН экспертной информационной системы ЭИС REGION [Костина 2005; Розенберг 2009; Костина и др. 2012] и официальной статистики [Россия... 2020, 2021] было оценено распределение административных единиц Волжского бассейна в «пространстве» факторов, которые с той или иной степенью условности можно отнести к характеристикам «экологии культуры» (число учреждений здравоохранения, образования, культуры и спорта; причем эти показатели даны в двух вариантах – отнесенных к численности населения и площади региона); эти результаты уже обсуждались [Добровольский и др. 2006].

При построении обобщенного «индекса “культурности”» (Y_k ; очень смелое название, но все иные слишком длинны...) выбранные показатели нормировались методом линейного масштабирования по отношению к заданным минимальным и максимальным значениям шкалы (определялось их положение на отрезке [0, 1]) и суммировались. Результат распределения этого индекса представлен на рис. 1.

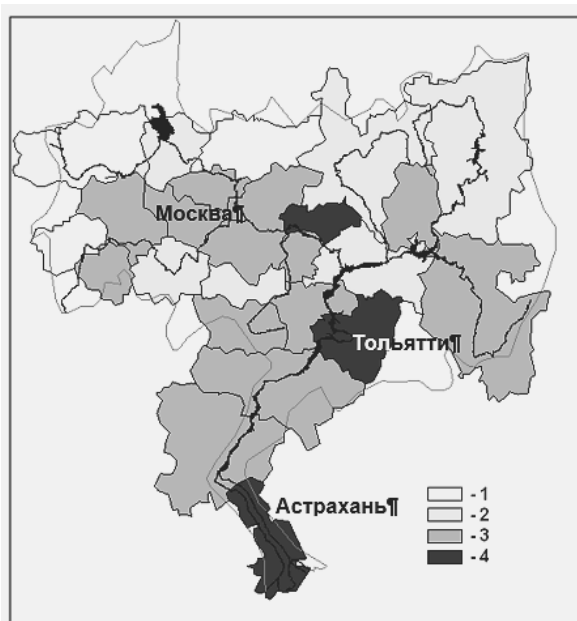

Рис. 1. Распределение «индекса “культурности”» по территории Волжского бассейна (по числу учреждений на 1000 человек населения, в баллах: 1 – хорошо, 4 – плохо)

Комментируя последний рисунок, отметим плохую (по данному показателю) ситуацию в Самарской (max), Астраханской областях и в Республике Марий Эл; лучше обстановка складывается в Костромской (min), Тверской, Ярославской областях и в Республике Мордовия.

На рис. 2 дано распределение еще одного обобщенного «индекса “плотности культуры”» (Y_{pk} ; тоже далеко не самый удачный термин, но он все-таки ближе по смыслу к оцениваемому параметру; при этом мы исключили из рассмотрения г. Москву, так как отношение огромного числа учреждений культуры, спорта, образования и здравоохранения к очень маленькой площади этого субъекта Федерации делает данный показатель «артефактом», а на взгляд обывателя – «из другой жизни»; но и в этом случае Московская область резко выделяется в лучшую сторону [Костина и др. 2012]).

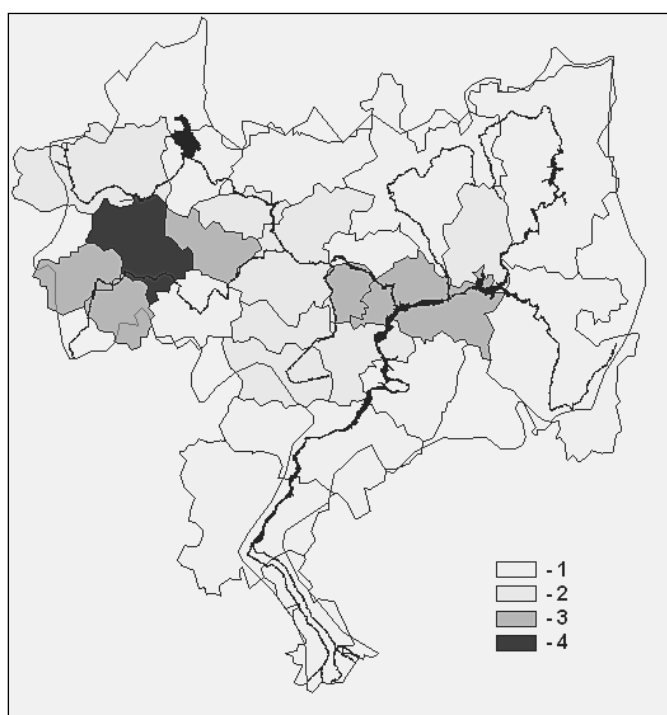

Рис. 2. Распределение «индекса “плотности культуры”» по территории Волжского бассейна (в баллах; 1 – плохо, 4 – хорошо)

Здесь также можно видеть «лидеров» (естественно, это Московская область) и «аутсайдеров» (Кировская, Астраханская, Волгоградская, Саратовская области, Республика Башкортостан), что позволяет установить приоритеты в управлении достижения устойчивого развития территориями Волжского бассейна по данным параметрам.

Наконец, с помощью ЭИС REGION можно определить зависимость обобщенных показателей (индексов «культурности» и «плотности культуры») от некоторых факторов, характеризующих устойчивое развитие территорий Волжского бассейна. В качестве таковых были выбраны [Розенберг 2009]:

- 1) биотическая продуктивность экосистем Волжского бассейна, т/га/год;
- 2) лесистость территории, %;
- 3) доля горожан, живущих в условиях высокого и очень высокого загрязнения атмосферного воздуха, %;
- 4) объем выбросов в атмосферу на одного жителя, т/чел.;
- 5) сброс загрязненных вод на одного жителя, м³/чел.;
- 6) коэффициент экологической преступности (на население от 14 лет);
- 7) протяженность автодорог с твердым покрытием, км/1000 км²;
- 8) инвестиции в объекты охраны окружающей среды, % к ВРП;
- 9) индекс развития человеческого потенциала [Доклад... 2010].

Удельный вес влияния факторов (x_i ; $i = 1 \div 11$) в уравнениях линейной множественной регрессии для Y_k и Y_{pk} (индексы «культурности» и «плотности культуры» соответственно) оказался следующим:

Y_k	x_1	x_2	x_3	x_5	x_7	x_9
%	8,42	10,41	38,06	3,84	2,59	6,27

Накопленная сумма удельного влияния факторов – 69,6 %.

Коэффициент множественной регрессии – 0,838.

Y_{pk}	x_4	x_7	x_8	x_9
%	2,64	78,41	4,07	2,91

Накопленная сумма удельного влияния факторов – 89,8 %.

Коэффициент множественной регрессии – 0,973.

Самыми значимыми для «индекса “культурности”» (Y_k) оказались чисто экологические параметры (биопродуктивность экосистем и лесистость территории – почти 19 %, прямая зависимость) и фактор антропогенного загрязнения (доля горожан, живущих в условиях высокого и очень высокого загрязнения атмосферного воздуха, – чуть более 38 %, обратная зависимость). Интерпретация этого результата затруднена – скорее всего, мы имеем дело с комплексным влиянием факторов. Для «индекса “плотности культуры”» (Y_{pk}) основными факторами стали доступность объектов культуры, спорта и пр. (прямой вклад этого фактора в общее влияние – более 78 %) и инвестиции в объекты охраны окружающей среды (более 4 %, также прямая зависимость); здесь результат более «понятен».

В качестве еще одного примера вполне уместно ставить вопрос в целом об охране реки Волги. Валдайская возвышенность («Валдай – Великий водораздел») и дельта Волги (возможно, последняя самоочищающаяся речная пойма подобной величины; биосферный заповедник ЮНЕСКО) уже давно обсуждаются как объекты природного наследия (с 2016 г.). Но этого явно недостаточно: без Самарской Луки – жемчужины природы Средней Волги – охрана только верховьев и устья будет явно неполной. На сегодня часть территории Самарской Луки имеет статус Средне-Волжского комплексного биосферного резервата ЮНЕСКО. Самарская Лука – это не только уникальное образование природы (около 70 видов растений и животных занесено в Красные книги СССР и России), но и археологический заповедник с большой плотностью памятников каменного века, эпохи бронзы, раннего железа, а также средневековых памятников Волжской Булгарии X–XIII вв. (с городом в раскопках, известным под названием «Муромский городок»), это множество памятных мест, связанных с формированием Волжского торгового пути и историей становления государства Российского. Все это заставляет считать Самарскую Луку объектом, который вполне соответствует критериям Меж-

дународной конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия (вступила в силу в 1972 г., ратифицирована Верховным Советом СССР 9 марта 1988 г.). Думается, что наиболее приемлемым было бы объединение усилий и подготовка документации на включение в систему Всемирного природного наследия комплексного объекта: Валдай – Самарская Лука – дельта Волги.

4. Природно-культурная футурология А. Д. Сахарова

Совсем недавно можно было отметить 50-летие футурологической статьи академика А. Д. Сахарова «Мир через полвека» (статья датирована 17 мая 1974 г. и подготовлена по заказу американского журнала “Saturday Review”). Можно не только отмечать, но и подводить некоторые итоги (см. табл. 2).

Таблица 2

Сбывшиеся и неосуществившиеся прогнозы А. Д. Сахарова

Прогноз А. Д. Сахарова	Наш комментарий
В перспективе, быть может, позднее, чем через 50 лет, я предполагаю создание всемирной информационной системы. Я уверен, что в течение 50 лет сохранится и даже возрастет значение энергетики, основанной на сжигании угля на гигантских электростанциях с полным поглощением вредных отходов. В то же время, несомненно, огромное развитие получит атомная энергетика и к концу этого периода – термоядерная энергетика.	Всемирная паутина была создана почти на 40 лет раньше.
На смену автомобилю, по моим предположениям, придет аккумуляторная повозка на шагающих «ногах», не нарушающих травяного покрова и не требующих асфальтовых дорог.	Прийти к полностью безотходной энергетике не удалось, а вот международный экспериментальный термоядерный реактор ИТЭР (International Thermonuclear Experimental Reactor) планируют запустить в 2025 г. [«Это...» 2023]. Хотя...
В научных исследованиях еще большее значение получит теоретическое вычислительное «моделирование» многих сложных процессов.	Машины не «шагают», но аккумуляторные двигатели на смену бензиновым и газовым действительно приходят. Правда, для СВО разработаны шагающие робот-собака Корпуса морской пехоты США и отечественный робопес с гранатометом или ракетной противотанковой установкой. Таким образом, и «шагаем», и «летаем» – про «войну беспилотников» не говорит только ленивый...
Самое главное неизвестное в наших прогнозах – это возможность гибели цивилизации и самого человечества в огне большой термоядерной войны. Избегнув большой войны, человечество все же может погибнуть, истощив свои силы в «малых» войнах, в межнациональных и межгосударственных конфликтах...	В точку. Цифровизация технологий и искусственный интеллект во всех сферах жизни [Розенберг и др. 2023]. Все еще идем по лезвию бритвы... Сегодня все человечество – немного поэты: Поэты ходят пятками по лезвию ножа И режут в кровь свои босые души. <i>В. Высоцкий, 1973</i> А в остальном – все хорошо, все хорошо!..

Многие прогнозы сбылись, а вот с «экологической составляющей» прогнозов у А. Д. Сахарова дела обстоят хуже. В этой статье он выделяет два типа территорий, которые условно называет «Рабочая территория» (РТ) и «Заповедная территория» (ЗТ). При этом [Сахаров 1990: 41] «бóльшая по площади “Заповедная территория” предназначена для поддержания природного равновесия на Земле, для отдыха людей и активного восстановления равновесия в самом человеке. <...> На “Рабочей территории” (меньшей по площади и с гораздо большей средней плотностью населения) люди проводят бóльшую часть своего времени, ведется интенсивное сельское хозяйство, природа полностью преобразована для практических нужд, сосредоточена вся промышленность с гигантскими автоматическими и полуавтоматическими заводами, почти все люди живут в “сверхгородах”, в центральной части которых многоэтажные дома-горы с обстановкой искусственного комфорта – искусственного климата, освещения, автоматизированных кухонь, топографических стен-пейзажей и т. п.». Сахаров предлагает «условный числовой пример», из которого следует, что площадь ЗТ в среднем для каждой страны должна быть около 73 % ее территории. Естественно, сегодня это выше всяких самых смелых прогнозов.

Более 35 % ООПТ от площади государства имеют следующие страны [Голубятникова и др. 2021]: Люксембург (51,1 %), Болгария (41 %), Словения (40,5 %), Польша, Хорватия, Германия, Кипр, Словакия, Греция (35 %); по данным WWF, площадь ООПТ в Китае – 18 % (почти 12 тыс. природных заповедников), в России этот показатель – 14 % от всей площади страны (255,6 млн га); менее 13,5 % (средняя для мира) – Швейцария (12,2 %), Канада, США, Беларусь, Южная Африка, Аргентина, Саудовская Аравия, Уругвай (3,5 %), Индия (0,9 %). Возможно, что для мира в целом 13,5 % ЗТ – неплохо, но это в 5,5 раз меньше, чем прогнозировалось А. Д. Сахаровым... Думается, что это – утопия.

Что же касается «естественного» расширения РТ за счет «летающих городов» (искусственные спутники Земли, выполняющие важные производственные функции, – гелиоэнергетика, вакуумная металлургия, парниковые хозяйства, космические научные лаборатории, промежуточные станции для дальних полетов и пр.) и «подземных городов» (для сна, развлечений, для обслуживания подземного транспорта и добычи полезных ископаемых), – все это область научной фантастики; назовем лишь, например, Облачный город из вселенной «Звездных войн» Дж. Лукаса или роман «Город наверху» К. Булычева. С этой точки зрения экологический прогноз А. Д. Сахарова можно рассматривать как развитие концепции экологических и культурных ценностей именно в фантастике и футурологии.

«Перевод» с языка науки на язык культуры (и обратно) – процесс непростой и в чем-то даже субъективный (это демонстрирует футурологическая статья А. Д. Сахарова); он должен не противостоять природе, а вписываться, по мнению философа и культуролога М. С. Кагана, в сложную категориальную систему «природа – общество – человек – деятельность – культура». При этом «трехчленная структурная декомпозиция бытия “природа – общество – человек” при необходимости приводит нас к выявлению культуры как преобразования человеком природы по законам общества» [Каган 1996: 45]. Такие же представления развивает и фи-

лософ А. Н. Чумаков [2011: 178, 180]: «Однако, как раз теперь, когда мы гордимся нашими достижениями в создании развитых цивилизаций на Земле, мы не можем закрывать глаза на колоссальное опустошение, которым человеческие цивилизации грозят природе, не можем не обращать внимания на негативные последствия, которые они оставляют на своем пути, равно как и не замечать того, что все это драматично опрокинуло равновесие и нарушило гармонию естественного порядка вещей. <...> Иными словами, перед вызовами глобализации в более выгодной ситуации окажутся те страны, где первостепенное внимание уделяют культуре». Все эти умные слова не должны превращаться в академический «междусобойчик», когда мы убеждаем сами себя в их справедливости. Об этом следует напрямую говорить с людьми, «идти в массы». Без повышения общего уровня культуры (и, в частности, экологической) все наши пожелания останутся словами на бумаге. Ибо аксиоматически звучат слова писателя Ф. Искандера [1991: 105]: «Культура – это не количество прочитанных книг, а количество понятых»...

Заключение

Отвечая на свой же вопрос, поставленный в заголовке статьи, предложим такую последовательность (от более важного к менее важному): метафора – утопия – единство – теория; близкую точку зрения имеют и другие авторы [Глазачев, Глазачева 2008; Петров 2018]. Таким образом, человек, человеческое общество и культура одновременно и противостоят природе, и включены в нее. В. И. Вернадский отмечал, что «природа познается человеком» и выделение культуры из сферы природы обусловило превращение биосферы в сферу разума, то есть ноосферу [Вернадский 2013].

Общество не может осуществлять преобразовательную деятельность, не расширяя сферу взаимодействия с природой. Но дальнейшее развитие человечества невозможно без осознания людьми опасности создавшейся экологической ситуации, без изменения установок их деятельности. Выступая на проходившем в Москве Глобальном форуме по защите окружающей среды и развитию в целях выживания (январь 1990 г.), канадский эколог и природозащитник Д. Сузуки [1990: 154] отметил: «Экологическая опасность и ядерная угроза в равной степени смертоносны для человечества. Разница лишь в том, что угроза ядерной войны – это все еще угроза, а экологический кризис – реальность». Согласимся с мнением редакции газеты «Комсомольская правда» от 13 марта 2023 г. по поводу статьи «Человек и природа: нерушимая взаимосвязь, постоянное взаимодействие»: «Людей губит непомерный антропоцентризм – эгоизм в масштабах всего человечества. В рамках нашей культуры это отражается даже на уровне языка: “человек брал у природы то, что хотел” вместо “природа давала человеку все, что он хотел”. Собственный вид ставится в центр мироздания, выделяется на фоне миллионов других видов животного мира. Но если с антропоцентризмом уже поделаться ничего нельзя, то мы можем согласиться хотя бы с ответственностью, которая возникает у человека в связи с его ролью. Обязанность каждого – сохранять природу. Это должно быть продиктовано осознанием собственной значимости в окружающем мире и полномочиями, которыми люди наделили себя в процессе эволюции. “Человек – это звучит гордо”, но есть ли чем гордиться?» [Человек... 2023].

Завершить это эссе хочется словами академика Д. С. Лихачева [2000: 105]: «Экология – проблема нравственная... Без высокой нравственности и культуры не может существовать современное общество, подчеркиваю, – современное особенно. Ибо благодаря существованию сложнейшей техники и ответственной науки наш мир стал более подвержен возможному воздействию со стороны человека».

Литература

Агаджанян Н. А., Ушаков И. Б., Торшин В. И., Турзин П. С., Северин А. Е., Дубовой Л. И., Ермакова Н. В. Экология человека. Словарь-справочник. М. : КРУК, 1997.

Бахарев В. В. Экологическая культура как фактор устойчивого развития социума. Ульяновск : УлГУ, 1999.

Василюк О. В., Коломійчук В. П. Вони були першими (до 90-річчя створення Надморських заповідників) // Мелитопольський краєведческий журнал. 2016. № 8. С. 74–81.

Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Айрис-пресс, 2013.

Гирусов Э. В. Экологическая культура как высшая форма гуманизма // Философия и общество. 2009. № 4. С. 74–92.

Глазачев С. Н., Глазачева А. О. Экологическая культура – метафора эпохи перемен // Вестник международной академии наук (Русская секция). 2008. № 2. С. 24–32.

Голубятникова Е. В., Нагалецкий Ю. Э., Куралесин С. Ю., Николаенко А. А. Классификация международной сети ООПТ // Актуальные проблемы геоэкологии и природопользования: II Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы геоэкологии и природопользования». Краснодар : Кубанский ун-т, 2021. С. 69–73.

Добровольский Г. В., Розенберг Г. С., Чибилев А. А., Рысин Л. П., Саксонов С. В., Тишков А. А. Состояние и проблемы изучения природного наследия России // Успехи современной биологии. 2006. Т. 126. Вып. 2. С. 115–131.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2010. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. М. : UNDP, 2010.

Захаров В. М. Постановка проблемы. Экология и культура: человек и природа // Экология и культура. Человек и природа / под ред. В. М. Захарова. М. : Департамент природопользования и охраны окружающей среды города Москвы / Центр устойчивого развития и здоровья среды ИБР РАН / Центр экологической политики России, 2015. С. 4–23.

Искандер Ф. Стоянка человека. Повести и рассказы. М. : Правда, 1991.

Каган М. С. Философия культуры. СПб. : Петрополис, 1996.

Коган Л. Н. Экологическая культура развитого социализма // Идеино-теоретические проблемы научно-технического прогресса: Материалы Всесоюзной научной конференции (Свердловск, 19–21 июня 1978 г.). Свердловск : СГПИ, 1978. С. 106–111.

Костина Н. В. REGION: экспертная система управления биоресурсами. Тольятти : СамНЦ РАН, 2005.

Костина Н. В., Кудинова Г. Э., Розенберг А. Г., Юрина В. С., Розенберг Г. С. «Экология культуры» и устойчивое развитие (с примерами по Волжскому бассейну) // *Экология и жизнь*. 2012. № 7(128). С. 64–70.

Котляков В. М. Азово-Сивашское заповедно-охотничье хозяйство // *Географический энциклопедический словарь: географические названия* / гл. ред. В. М. Котляков. 3-е изд. М. : Большая российская энциклопедия, 2003.

Лапина С. В. Культурология: курс лекций. 3-е изд., доп. Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2007.

Лихачев Д. С. Экология культуры // *Русская культура*. М. : Искусство, 2000. С. 91–101.

Миркин Б. М., Наумова Л. Г. Популярный экологический словарь. 2-е изд. М. : Тайдекс Ко, 2002.

Немец Л. Н., Василевская Я. В., Сегида К. Ю. Заповедные территории Херсонской области Украины: структура, территориальные различия, проблемы и перспективы // *Псковский регионологический журнал*. 2015. № 22. С. 31–42.

Петров С. О. Экология культуры: между метафорой и теорией // *Культура и цивилизация*. 2018. Т. 8. № 1А. С. 196–205.

Проект федерального закона «Об экологической культуре» № 90060840-3. 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/3118527/> (дата обращения: 17.02.2025).

Реймерс Н. Ф. Природопользование: Словарь-справочник. М. : Мысль, 1990.

Розенберг Г. С. Волжский бассейн: на пути к устойчивому развитию. Тольятти : ИЭВБ РАН; Кассандра, 2009.

Розенберг Г. С. Еще раз к вопросу о том, что такое «экология» // *Биосфера*. 2010. Т. 2. № 3. С. 324–335.

Розенберг Г. С. Вектор экологической культуры (культурология природы). Тольятти : Анна, 2020.

Розенберг Г. С., Костина Н. В., Кудинова Г. Э., Розенберг А. Г. Экологическая цифровизация как задача инженерной экологии (обзор проблемы) // *Успехи биологических наук*. 2023. Т. 143. № 3. С. 300–312.

Россия в цифрах. 2020: Краткий статистический сборник. М. : Росстат, 2020.

Россия в цифрах. 2021: Краткий статистический сборник. М. : Росстат, 2021.

Сахаров А. Д. Мир через полвека / А. Д. Сахаров // *Мир, прогресс, права человека*. Статьи и выступления. Л. : Сов. писатель, 1990. С. 37–49.

Состояние биоразнообразия природных экосистем России / под ред. В. А. Орлова, А. А. Тишкова. М. : НИИ-Природа, 2004.

Сузуки Д. Мы находимся в состоянии войны // *Ученые, государственные, религиозные и общественные деятели мира о проблемах экологии*. 1990. № 2. С. 154–167.

Фейербах Л. Философский материализм // *Антология мировой философии: в 4 т.* Т. 3. М. : Мысль, 1971. С. 467–483.

Человек и природа: нерушимая взаимосвязь, постоянное взаимодействие [Электронный ресурс] : Комсомольская правда. 2023. 13 марта. URL: <https://www.kp>.

ru/guide/chelovek-i-priroda.html?ysclid=lwdtl57cxm926248986 (дата обращения: 25.02.2025).

Чернышев С. Н. Экология культуры – часть учения о ноосфере, идейное основание воссоздания зданий и сооружений // Вестник Моск. гос. строительного ун-та. 2013. № 12. С. 123–130.

Чумаков А. Н. Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации. 2011. № 2(8). С. 174–180.

Шеллинг Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма / Ф. В. Й. Шеллинг // Соч.: в 2 т. М. : Мысль, 1987. Т. 1. С. 227–489.

«Это нереалистично»: запуск главного термоядерного проекта откладывается [Электронный ресурс] : РИА Новости. 2023. 11 января. URL: <https://ria.ru/20230111/termoyad-1843928755.html> (дата обращения: 25.02.2025).

Steward J. Theory of Culture Change: The Method of Multilinear Evolution. Urbana : University of Illinois Press, 1955.

БУДДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА И ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ*

Уланов М. С., Андреева А. А.**

Статья посвящена экологическим аспектам традиционной буддийской культуры. В современную эпоху, связанную с изменением отношения к окружающей среде, весьма актуальным и важным становится опыт взаимоотношения с природой народов незападных культурных традиций. Опыт буддийской культуры, отличающейся высокой экофильной императивностью, требует особого внимания как инновационный инструмент влияния на общественное сознание в пользу уменьшения глобальных экологических рисков. В статье с позиции экологии рассматриваются буддийские учения о ненасилии, карме, взаимозависимости, Четырех Благородных Истинах и т. д. Экофильность буддизма позволила на протяжении длительного времени регулировать гармоничные взаимоотношения между хозяйственно-экономическим развитием и сохранением окружающей среды на огромной территории буддийского Востока. По мнению авторов, буддийский подход к решению экологических проблем полностью логичен и созвучен современности. Буддийские морально-этические принципы сострадания, ненасилия и удовлетворенности малым могут послужить средством для отказа от общества потребления и идеи господства над природой, которые привели к глобальным изменениям окружающего нас мира.

Ключевые слова: буддийская культура, традиционная культура, экологические проблемы, экологическое сознание, природа, взаимозависимость.

BUDDHIST CULTURE AND ECOLOGICAL PROBLEMS

The article is devoted to the ecological aspects of traditional Buddhist culture. In the modern era, associated with changing attitudes towards the environment, the

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-03-2024-113 «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»).

Для цитирования: Уланов М. С., Андреева А. А. Буддийская культура и проблемы экологии // Век глобализации. 2025. № 1. С. 129–138. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.11.

For citation: Ulanov M. S., Andreeva A. A. Buddhist Culture and Ecological Problems // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2023. No. 4. Pp. 129–138. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.11 (in Russian).

** Уланов Мерген Санджиевич – д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета. E-mail: ulanov1974@mail.ru.

Mergen S. Ulanov – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Kalmyk State University. E-mail: ulanov1974@mail.ru.

Андреева Арья Александровна – научный сотрудник лаборатории «Комплексные буддологические исследования» Калмыцкого государственного университета. E-mail: a.a.arya2535@gmail.com.

Arya A. Andreeva – Researcher at the Laboratory of Complex Buddhist Studies, Kalmyk State University. E-mail: a.a.arya2535@gmail.com.

experience of interaction with nature of peoples of non-Western cultural traditions becomes very relevant and important. The experience of Buddhist culture, characterized by high ecophilic imperative, requires special attention as an innovative tool for influencing public consciousness in favor of reducing global environmental risks. The article examines Buddhist teachings on non-violence, karma, interdependence, the Four Noble Truths, etc. from an environmental perspective. The ecophilic nature of Buddhism has allowed for a long time to regulate harmonious relationships between economic development and environmental conservation in the vast territory of the Buddhist East. According to the authors, the Buddhist approach to solving environmental problems is completely logical and consonant with modern times. Buddhist moral and ethical principles of compassion, non-violence and contentment with little can serve as a means of abandoning the consumer society and the idea of domination over nature, which have led to global changes in the world around us.

Keywords: *Buddhist culture, traditional culture, environmental issues, environmental awareness, nature, interdependence.*

Введение

Новейшее время обусловлено быстрыми темпами развития. Процессы и результаты совершенствования техники и технологий, увеличение количества новых источников энергии и развитие глобальной экономики влияют на окружающий мир и общемировую цивилизацию. И новым вызовом современности становится не только сохранение природы, но и выживание человечества в целом. Стремительное развитие общества привело к стиранию границ экологичного потребления, а гедонистические убеждения укоренились в сознании индивида. И сегодня мы наблюдаем, что вопрос решения застарелых проблем, сохранение и восстановление окружающей среды как никогда остро стоит перед человечеством. Общественный резонанс, привлечение внимания к проблеме в последнее время активно муссируются из всевозможных источников. Их цель – это формирование у людей экологически ориентированного сознания. «Переосмысление доминирующей ныне основы общественного развития становится все более настоятельной задачей. Необходимы такие изменения, которые позволили бы минимизировать существующие риски и угрозы. Это предполагает соответствующие изменения в сознании, поведении, образе жизни людей, в международных отношениях» [Вебер 2022: 70].

Научная деятельность по сохранению экосистемы в последнее время продвинулась в своих исследованиях. Экологически безопасные технологии и природосберегающие действия демонстрируют свою эффективность. Но их недостаточно для кардинального изменения ситуации. Они лишь на время замедляют процессы разрушения окружающей среды. При этом рост экономического производства и потребления неуклонно растет. По мнению А. Н. Чумакова, экологический кризис, так же как и другие глобальные проблемы современного мира, «явились результатом многовековых количественных и качественных трансформаций как в общественном развитии, так и в системе “общество-природа”». Причины их появления своими корнями уходят в историю становления современной цивилизации, породившей обширный кризис индустриального общества, технократически ориентированной культуры в целом [Чумаков 2012: 9].

В XX столетии человеческая цивилизация вступила в новую эпоху с высоким уровнем человеческой активности, в том числе в сфере природы. При этом многие изменения имеют негативные последствия и ускоряют процессы разрушения среды обитания. И сейчас человечество стоит перед выбором, результатом которого будет решение вопроса о его будущем развитии. Во второй половине прошлого века был создан Римский клуб – международная общественная организация, которая стала изучать и осмысливать глобальные проблемы современности. Одной из наиболее известных деклараций Римского клуба стал доклад «Пределы роста» [Meadows *et al.* 1972], в котором было объявлено, что если человеческая цивилизация не уменьшит вмешательство в окружающую природную среду, сократив потребление природных ресурсов, в последующие десятилетия она может столкнуться с серьезной угрозой экологического кризиса.

В XX в. мировое сообщество обратило внимание на ситуацию стремительно наступающих негативных последствий человеческой деятельности. Научные деятели из разных стран задалась вопросом разработки путей решения экологической проблемы. Но предложенные варианты не приводят к кардинальным изменениям, так как по своей сути не могут повлиять на антропогенный фактор. Проблема преобладания потребительского отношения к окружающей среде в обществе продолжает разрушать биосферу Земли. Культ потребления, который зародился в западных странах, становится все более доминирующим в сознании современных обществ разных государств. В связи с этим встает вопрос поиска концептуально отличного подхода к анализу специфики проблемы «человек и природа».

Научная деятельность по сохранению экосистемы в последнее время продвинулась в своих исследованиях. Экологически безопасные технологии и природосберегающие действия демонстрируют свою эффективность. Но ее недостаточно для кардинального изменения ситуации. Они лишь на время замедляют процессы разрушения окружающей среды. При этом рост экономического производства и потребления неуклонно растет.

Традиционная культура и экологическое сознание

Сегодня все более актуальной становится проблема экологического сознания и экологического воспитания. В процессе осознания повышающейся актуальности экологических проблем общество, помимо использования научных изысканий, обращает внимание на поиск нового инструментария культивации ценностно-мировоззренческих основ общества. В этом случае стоит обратить внимание на опыт традиционных культур Востока, которые отличались большей экологичностью, чем индустриальные и постиндустриальные общества.

В традиционной культуре каждой этнической группы присутствуют свои устои, которые регламентируют взаимоотношения человека и природы. Как правило, все они имеют природосберегающий характер. Сакральность и приобретенный опыт поколений отражается в глубинных паттернах уклада быта. Помимо внедрения природоохранных технологий в постановку и решении экологической проблемы может способствовать и возрождение этнонациональных и этнокультурных традиций. Сейчас мы можем наблюдать, как в отдельных регионах России вектор внимания общества переходит к восстановлению утраченных форм природопользования.

В решении экологических проблем следует по-иному взглянуть на так называемые «народные технологии», которые в процессе эволюции форм хозяйствования имели постоянные гармоничные взаимоотношения с объективной природой. В свою очередь современные научные разработки в синергии с традиционным этническим опытом человечества смогут усилить эффект последнего. Поэтому актуализируется задача сохранения и популяризации культурного генофонда в целях экологичного решения поставленной задачи.

В современную эпоху, связанную с изменением отношения к окружающей среде, весьма актуальным и важным становится опыт взаимоотношения с природой народов незападных культурных традиций. Как справедливо отмечает А. Б. Вебер, «восточные религии породили иной тип культуры – почитание природы, ощущение единства всего живого, взаимосвязь человека и природы» [Вебер 2022: 73].

Многие глобальные проблемы, с которыми столкнулся современный мир, свидетельствуют о необходимости переоценки базовых ценностей не только и не столько в политической, экономической или технологической сфере, сколько в духовно-культурной. Экологические проблемы современности заключаются не только в глобальном их влиянии, но и носят глубокий ошибочный мировоззренческий характер.

Экологические аспекты буддизма

Сегодня многие исследователи отмечают, что религия как форма мировоззрения может стать одним из важных источников современной экологической этики. Примеры из прошлого и настоящего ясно показывают, что религии имеют как консервативные, так и прогрессивные аспекты: они могут как ограничивать свободу, так и освящать ее. Религиозные традиции в разные времена могут быть догматичными, нетерпимыми и консервативными. Одновременно они же могут провозглашать идеи терпимости, прогресса и справедливости.

Почти все религии имеют экологическое измерение, так как в их вероучении содержатся ценностные установки, связанные с отношением к миру природы. Это то, что мы называем *религиозной экологией*. Понимание важности роли религиозной экологии становится очевидным в современную эпоху, когда после периода усиления секуляризации вновь стали говорить о росте религиозности, или «реванше Бога».

В последние десятилетия в рамках традиционных религий появились движения в защиту окружающей среды, которые, опираясь на религиозные представления, стремятся показать важность экологической проблематики в их религиозных доктринах. Это иллюстрирует, что религии гибки, способны меняться и отвечать на новые глобальные вызовы. Сегодня почти каждая крупная религиозная традиция разработала свою экологическую концепцию, а духовенство и миряне стали более активно участвовать в экологическом движении. В современном мире религии начинают играть важную роль в решении экологических проблем. Становится очевидным, что в традиционных религиях содержится значительный экологический потенциал, который может способствовать решению сложных экологических проблем.

Опыт буддийской культуры, отличающейся высокой экофильной императивностью, требует особого внимания как инновационный инструмент влияния на общественное сознание в пользу уменьшения глобальных экологических рисков.

Под экофильностью обычно подразумевают отношение людей к экосоциальным связям, которое затрагивает аспекты культуры, сохраняющую среду обитания. В их числе мы можем выделить знания, традиции, опыт жизнеобеспечения и религиозные воззрения. Неизменным остается одно: все они в своей основе ориентированы в первую очередь на сохранение хрупкой экосистемы. Согласно нашему пониманию ситуации, именно поиск паттернов экофильности в общественном сознании позволит избежать эсхатологических последствий антропоцентрического вектора развития цивилизации. Преодоление негативных тенденций во взаимоотношениях человека и природы возможно лишь тогда, когда удастся вернуть к жизни закодированные экофильные императивы и изменить характер взаимодействия с природой посредством переосмысления своего биологического статуса как субъекта экосферы.

В буддийской философии и практике важное место занимает идея ахимсы, которую можно рассматривать с позиции экологической этики. Ахимса представляет собой сознательное воздерживание от причинения вреда живым существам. Согласно буддийскому учению, практика ахимсы коренным образом улучшает карму. И наоборот, причинение вреда другим живым существам портит карму и препятствует продвижению к просветлению. Поэтому, чтобы предотвратить накопление плохой кармы, буддистам предписано избегать действий, связанных с насилием по отношению не только к человеку, но к животным.

Учение о карме, которое является одной из основ буддизма, гласит, что рождение человека в неблагоприятных условиях является результатом негативной кармы, накопленной в прошлых воплощениях. В монографии Т. В. Ермаковой и Е. П. Островской «Индия. Классический буддизм» подробно продемонстрирована модель действия буддистской причинно-следственной концепции, где любое негативное деяние приводит к равноценному ответу со стороны окружающей среды. К примеру, убийство живых существ значительно обедняет флору и фауну; воровство имеет своим результатом сильные дожди и пыльные бури, неправильное сексуальное поведение связано с процессом опустынивания; жадность имеет своим следствием неурожаи и т. д. [Ермакова, Островская 2004: 64]. Конечно, буддийское учение о карме не рассматривается сегодня как «панацея от всех бед», но присущая ей аналогичность обнаруживает те глубинные смыслы единения с природой, которые формируют духовные столпы личности и аккумулируют в ней уважительное отношение к природе. Помимо этого, принятие и соблюдение моральных принципов сохранности окружающей среды в союзе с новейшими технологиями и прошлым опытом ведения хозяйственной деятельности может способствовать ускоренному решению глобальных проблем экологии.

Определенные экологические аспекты можно обнаружить и в учении о Четырех Благородных Истинах. Первая Благородная Истина была основана на идее обусловленной и страдательной природы бытия. Экологический посыл здесь можно увидеть в том, что Первая Благородная Истина отмечает универсальность страданий для всех живых существ. Таким образом, человек понимает, что животные страдают так же, как и люди, причем их страдания еще более сильные. Такое понимание не может не вызвать чувства жалости и сострадания к ним. Вторая Благородная Истина – это истина о причине страданий. Источниками страданий, согласно буддизму, являются негативные факторы сознания или омрачения.

К этим факторам буддисты относят неведение, страстную привязанность, гнев, зависть и т. д. Таким образом, путь к освобождению от страданий лежит через борьбу с собственными заблуждениями и страстями. Современные экологи также подчеркивают, что корни экологических проблем лежат в непонимании важности сохранения окружающей среды, безграничных желаниях людей, постоянном росте их материальных потребностей, алчном отношении к природе, что ведет к разрушению экосистем и отрицательно сказывается на состоянии окружающей природы, а также угрожает здоровью и благополучию людей и животных.

Учение Будды не противопоставляет человека природе, не назначает его венцом божественного творения. Наоборот, подчеркивается, что в своем физическом теле он является, как и все другие живые существа, субъектом экосистемы, не «особенным» или «иным», а таким же, как и другие живые существа. Единственным важным отличием человека от животных с точки зрения буддизма является его способность достичь состояния освобождения от сансары, поскольку животные в силу ограниченности их умственных способностей не способны заниматься духовной практикой. При этом в следующей жизни человек может переродиться животным, а животное – обрести человеческое рождение.

Человек в контексте буддистского учения неотделим от природы. Более того, отношение к окружающей среде как к обезличенному предметному пространству, изменяющемуся исключительно под давлением физических законов, не присуще исповедующему буддизм. Напротив, мир воспринимался им как единый живой организм, где все участники имеют влияние друг на друга. С точки зрения буддизма все в этом мире существует взаимозависимо. Все живые существа зависят друг от друга, и ничто на самом деле не существует отдельно от всего остального. Поэтому нет постоянного и автономного «я» или сущности, независимой от других.

Закон взаимозависимости получил наглядное выражение в «Аватамсак-сутре», где для демонстрации бесконечной сложности взаимозависимой вселенной приводится образ драгоценной сети бога Индры [подробнее см.: Cook 1977]. Эта величайшая космическая сеть охватывает собой всю вселенную. Она также содержит многогранный драгоценный камень (символ живого существа) в каждом из своих узлов, причем каждый драгоценный камень отражает все остальные. Если какой-либо из драгоценных камней становится мутным (загрязненным), это находит отражение в других камнях. Если расширить данную метафору, то можно предположить, что утрата любого камня или разрывы любой части сети, например из-за потери вида или среды обитания, отрицательно влияют на все другие камни и части сети. Поскольку сеть взаимозависимости включает в себя не только действия всех существ, но и их мысли, ответственное и сострадательное отношение людей ко всему живому становится важнейшим фактором сохранения мировой гармонии.

Таким образом, алмазная сеть Индры – это описание вселенной, в которой все вещи имеют взаимозависимую природу. Все в этой сети взаимосвязано – то, что происходит с одним существом, находит отражение во всей вселенной. Фактически вселенная здесь предстает как самопорождающийся, самоорганизующийся и самоподдерживающийся организм, в котором все его части в совокупности являются единым целым. Данная позиция перекликается с положениями современной экологической этики, которая также подчеркивает принцип взаимозависимости людей и природы.

В этом ключе предполагается и развитие хозяйственно-экономической деятельности человека, которая регулируется нравственными постулатами. В основе своей любое деяние должно исходить из принципа ненасилия, и узурпаторский подход с выраженным доминированием и подчинением исключен. Следует отметить, что буддизм оказал значительное воздействие на хозяйственную культуру многих народов Азии, позволяя в течение веков регулировать использование природных ресурсов на экологически устойчивой основе.

По мнению австрийского экономиста Э. Ф. Шумахера, особенностью буддийской экономики является минимизация воздействия производства на природу. Именно в отношении к природным ресурсам, по его мнению, заключается главное отличие буддистской экономики от западной экономической модели развития [Шумахер 2012: 73]. В качестве современного примера можно привести опыт буддийского гималайского государства Бутана, где «прогресс осуществляется без спешки и по возможности без разрушения традиционных ценностей – семьи, культуры, природы, буддийской религии. В 1998 г. был принят новый план правительства Бутана, получивший название “Четыре столпа счастья”. Такими “столпами” стали устойчивое экономическое развитие, охрана окружающей среды, пропаганда национальной культуры и эффективное правление» [Розенберг и др. 2024: 134].

В буддизме прослеживается уважительное отношение не только к животному миру, но и к флоре биосферы Земли. В традиционном буддизме отмечается, что монахи и миряне культивировали бережное отношение к лесам и все важные этапы жизни Будды непосредственно были связаны с деревьями. Жизнь традиционных буддийских общин Южной и Юго-Восточной Азии вращалась вокруг лесных монастырей. Эти монастыри были центрами социально-политической, экономической и культурной жизни общества. Жизнь людей в гармонии с лесом была реальностью, здесь не было жесткого разделения «лес – город», которое существовало в западных обществах. Однако, как только начался процесс индустриализации в Юго-Восточной Азии, леса стали источниками топлива, а не источниками жизни. Сегодня буддийские монахи, заботясь об окружающей среде, пытаются защитить находящиеся под угрозой исчезновения леса, «посвящая» деревья в священный сан. На церемонии посвящения деревьев они освящаются монашескими одеяниями и становятся священными, что защищает их от вырубки.

В буддийской эсхатологической литературе отмечается, что деградация окружающей среды происходит в силу духовной деградации людей, из-за их омрачений и негативной кармы. В известном тексте Васубандху «Абхидхармакоша» достаточно подробно описано разрушение мира и уничтожение живых существ в силу негативной коллективной кармы. «Последние времена характеризуются резким сокращением человеческой жизни и катастрофическим падением морального состояния людей» [Доржигушаева 2013].

Каноническая буддийская версия происхождения и упадка нашего мира также описывает негативное влияние людей на землю, которое является результатом их эгоизма и жадности. В буддийском мифологическом Эдеме земля процветает естественным образом, но жадность и привязанность приводят к разделению и пра-

ву собственности на землю, что, в свою очередь, способствует жестоким конфликтам, разрушениям и хаосу. Именно человеческая деятельность в буддийском мифе о первоначале разрушает естественный порядок вещей. Хотя изменения присущи природе, буддисты считают, что на естественные процессы напрямую влияет человеческая мораль. С буддийской точки зрения наши отношения с окружающей средой подразумевают внутреннее моральное совершенствование, духовную экологию.

Вопрос контроля популяционной динамики опосредованно рассматривается в буддийском учении. Большинство буддийских традиций рассматривают монашество как один из наиболее эффективных путей к совершенствованию сознания. И поэтому демографические установки буддизма перекликаются с современной экологической этикой. Перенаселение планеты требует еще большего поглощения природных ресурсов, что, в свою очередь, приводит к усугублению и так имеющихся экологических проблем. В то же время идея продолжения рода в буддизме не связана напрямую с достижением высшей цели – освобождением от бытия.

Важным аспектом деятельности современных буддистов является борьба за сохранение природы. Вопреки традиционным стереотипам о социальной индифферентности буддизма, буддисты достаточно активно реагируют на глобальный экологический кризис. Сегодня в разных регионах Азии существует несколько буддийских сообществ, представители которых вовлечены в деятельность по защите окружающей среды.

Современные буддийские учителя и лидеры, самым известным из которых является Его Святейшество Далай-лама XIV, уделяют экологическим проблемам самое пристальное внимание. Так, Далай-лама XIV призывает к восстановлению и защите природной среды Тибета, а также к отказу от использования Тибета для захоронения ядерных отходов [Уланов 2017: 161]. По мнению Его Святейшества Далай-ламы XIV, человек и окружающая его среда тесно взаимосвязаны. Непонимание взаимозависимости человека и природы, отмечает духовный лидер буддистов, наносит огромный вред не только окружающей среде, но и всему человечеству [Далай-лама XIV 2021: 50].

В этом плане можно согласиться с известными исследователями буддизма Д. Р. Лоем и Д. Стэнли, что современный экологический кризис представляет собой глобальный вызов и для буддизма, поскольку последний стремится к избавлению живых существ от всех страданий. «Иными словами, буддизм способен внести свою уникальную лепту в этот ключевой момент, когда человечество должно проявить лучшие качества, которым оно научилось в ходе своей истории» [Лой, Стэнли 2021: 34–35].

Многовековой буддийский опыт, по мнению Э. Ле Дук, может быть востребован в современную эпоху цифровых технологий, когда люди становятся все более оторванными от природы. Цифровая среда, или киберпространство, отмечает ученый, может отвлекать или даже уводить людей от естественной среды, вызывая дальнейшее отчуждение человека от природы. Столкнувшись с этой перспективой, буддизм может сыграть жизненно важную роль в напоминании своим последователям о значимой роли природы в духовном развитии человека. Буд-

дизм как религия, которая умеет использовать новейшие технологии для распространения своих учений, может продвигать идеи, способствующие здоровым отношениям между человеком и природой, чтобы противостоять негативным тенденциям, вызванным растущей увлеченностью цифровой средой. Активно выдвигая экологические проблемы на передний план и подчеркивая фундаментальную необходимость здоровых взаимоотношений человека и природы, буддизм может служить силой, предотвращающей равнодушие по отношению к деградации окружающей среды, и катализатором для содействия экологическому благополучию, считает Э. Ле Дук [Le Duc 2017].

Заключение

Экофильность буддизма позволила на протяжении длительного времени регулировать гармоничные взаимоотношения между хозяйственно-экономическим развитием и сохранением окружающей среды на огромной территории, где основным религиозным учением общества было следование «дхарме». В то время как современные экологи подчеркивают, что природные ресурсы ограничены, буддизм с самого начала своего существования как религии поощряет людей ограничивать потребление природных ресурсов до оптимального удовлетворения своих основных потребностей (в пище, одежде, крове и лекарствах).

Следуя буддийскому срединному пути, человек живет и прогрессирует в соответствии с принципами непривязанности и умеренности. Срединный путь подразумевает также умеренность в воспроизводстве населения, в экономическом производстве и потреблении. Данная позиция буддизма показывает, что он всегда был экологоориентированной религией. Таким образом, буддизм может способствовать экологической устойчивости, а также экономической и социальной справедливости.

В целом буддийский подход к решению экологических проблем полностью логичен и созвучен современности. Буддийские морально-этические принципы сострадания, ненасилия и удовлетворенности малым могут послужить средством для отказа от общества потребления и идеи господства над природой, которые привели к глобальным изменениям окружающего нас мира.

Литература

Вебер А. Б. Общество и природа: трансформации взаимодействия и эволюция интерпретаций // Век глобализации. 2022. № 2(42). С. 70–85.

Далай-лама XIV. Глобальная ответственность и климатический кризис // Буддийский ответ на климатический кризис / науч. ред. Е. Сауткина. М. : Ганга, 2021. С. 49–54.

Доржигушаева О. В. Экологическая этика буддизма // Биосфера. 2013. Т. 5. № 2. С. 254–272.

Ермакова Т. В., Островская Е. П. Индия. Классический буддизм. СПб. : Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2004.

Лой Д. Р., Стэнли Д. Введение // Буддийский ответ на климатический кризис / науч. ред. Е. Сауткина. М. : Ганга, 2021. С. 34–35.

Розенберг А. Г., Кудинова Г. Э., Розенберг Г. С. Экотопия, соляртопия и другие футуристические сценарии: куда идем? // Век глобализации. 2024. № 1. С. 127–139.

Уланов М. С. Буддийская культура и экологическое сознание // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 2(34). С. 157–162.

Чумаков А. Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 3–16.

Шумахер Э. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. М. : Изд-во ВШЭ, 2012.

Cook F. H. Hua-yen Buddhism: The Jewel Net of Indra. University Park; London : The Pennsylvania State University Press, 1977.

Le Duc A. Buddhist and the Ecology in the Digital Age // Journal of the International Association of Buddhist Universities. 2017. No. 2. Pp. 40–53.

Meadows D. H., Randers J., Meadows D. L., Behrens W. W. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York : Universe Books, 1972.

НЕОКОЛОНИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЗЕЛЕНОЙ ЭКОНОМИКИ*

Вершинина И. А., Лядова А. В., Мартыненко Т. С.,
Григорьева Е. А.**

Статья посвящена критической рефлексии зеленой экономики в контексте современного дискурса о неокOLONIALИЗМЕ. Основной тезис данной работы заключается в том, что современная «зеленая» повестка превращается в новую идеологию, реализация которой ведет к усилению социального неравенства, а именно глобального и инвайронментального. Авторы обращают внимание на формирующийся парадокс сближения движений за чистую окружающую среду и национальных интересов, что порождает особый феномен – экологический национализм. С одной стороны, данная тенденция имеет позитивный характер, так как позволяет отказаться от использования универсальных показателей и принимать во внимание природно-климатические и социокультурные контексты. Однако, с другой стороны, данный тренд выступает удобной ширмой для лоббирования интересов тех, кому экономически выгодно «спасать планету», что ведет к усилению экологического неокOLONIALИЗМА.

Ключевые слова: неокOLONIALИЗМ, экология, экологический неокOLONIALИЗМ, экологический национализм, зеленая экономика, глобальное неравенство.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-28-00258 «Экологический неокOLONIALИЗМ XXI века и экологическая безопасность современной России»), <https://rscf.ru/project/24-28-00258/>).

Для цитирования: Вершинина И. А., Лядова А. В., Мартыненко Т. С., Григорьева Е. А. НеокOLONIALное измерение зеленой экономики // Век глобализации. 2025. № 1. С. 139–150. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.12.

For citation: Vershinina I. A., Lyadova A. V., Martynenko T. S., Grigoryeva E. A. The Neo-Colonial Dimension of the Green Economy // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 1. Pp. 139–150. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.12 (in Russian).

** Вершинина Инна Альфредовна – д. соц. н., доцент МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: urbansociology@yandex.ru.

Inna A. Vershinina – Dr. Soc., Associate Professor of Lomonosov Moscow State University. E-mail: urbansociology@yandex.ru.

Лядова Анна Васильевна – к. и. н., к. с. н., доцент МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: annaslm@mail.ru.

Anna V. Lyadova – Ph.D. in History, Ph.D. in Sociology, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University. E-mail: annaslm@mail.ru.

Мартыненко Татьяна Сергеевна – к. с. н., доцент МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: ts.martynenko@gmail.com.

Tatyana S. Martynenko – Ph.D. in Sociology, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University. E-mail: ts.martynenko@gmail.com.

Григорьева Екатерина Александровна – м. н. с. Института социологии ФНИСЦ РАН; старший методист МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: yreewda@gmail.com.

Ekaterina A. Grigoryeva – Junior Researcher of the Institute of Sociology, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Senior Methodologist of Lomonosov Moscow State University. E-mail: yreewda@gmail.com.

THE NEO-COLONIAL DIMENSION OF THE GREEN ECONOMY

The article presents the critical reflection of the green economy in the context of contemporary discourse on neo-colonialism. The main thesis of the study is that the modern 'green' agenda is turning into a new ideology, which leads to increasing social inequality, especially, global and environmental ones. The authors emphasize the emerging paradox of the convergence of movements for a clean environment and national interests, which gives rise to a special phenomenon – environmental nationalism. On the one hand, it may be considered positively as it allows us to abandon the use of universal indicators and take into account natural and socio-cultural contexts. However, on the other hand, this trend serves as a convenient 'screen' for lobbying the interests of those who have economic benefits to 'save the planet', which leads to strengthening of environmental neocolonialism.

Keywords: neocolonialism, ecology, environmental neocolonialism, environmental nationalism, green economy, global inequality.

Введение

По словам И. Иогансона, одна из важнейших онтологических проблем современности заключается в поиске ответа на вопрос: как разместить общество в природе? [Johansson 1989: 314.] Индустриализация, ставшая главной угрозой для окружающей среды, является результатом развития прежде всего западной цивилизации, для которой характерно потребительское отношение к природе. Это результат «диалектики Просвещения», согласно которой «единственно чему хотят научиться люди у природы, так это тому, как ее использовать для того, чтобы полностью поработить и ее, и человека» [Адорно, Хоркхаймер 1997: 17].

Природные ресурсы следует рассматривать как элементы экономики и двигатели культуры, которые «объясняют поведение и опыт исторических обществ» [Эткинд 2024: 11]. Если изменения окружающей среды в доиндустриальный период носили локальный характер, то после промышленной революции они стали глобальными, а практики в отношении окружающей среды приобрели характер геноцида [Колин 2024: 7]. Как результат, во второй половине XX столетия приходит осознание того, что многие ресурсы являются исчерпаемыми, а природа способна «мстить» за потребительское отношение к себе, создавая новые риски и угрозы для человечества. Появляются экологические движения и международные организации, призывающие к защите окружающей среды.

Идея гармонизации экономики и экологии стала основой для Целей устойчивого развития (ЦУР), предложенных ООН, и концепции зеленой экономики. ЦУР предполагают возможность баланса между тремя своими составляющими – экономической, социальной и экологической, однако являются внутренне противоречивыми, поскольку основой экономического роста часто становится эксплуатация природных ресурсов. Именно устойчивое развитие и зеленая экономика сегодня рассматриваются многими политиками и общественными деятелями как главные цели на пути спасения планеты от антропогенного воздействия.

Растет интерес к данной теме и среди социологов [Beck 1995; Does Capitalism... 2013; Sassen 2014], многие из которых указывают на то, что экономические интересы по-прежнему остаются главной доминантой для принятия многих решений, в том числе и в сфере экологии. Американский политик и обладатель Но-

белевской премии мира за исследования в области экологии А. Гор полагает, что «частичная слепота нынешней экономической системы и есть могущественная сила, стоящая за иррациональными решениями, касающимися экологии нашей планеты» [Гор 1999: 560]. Сегодня становится все более очевидным, что зеленая экономика, активно продвигаемая рядом международных организаций и отдельными странами, приобретает неоколониальный характер. На «колониальные повадки» Запада указал в своем Послании Федеральному Собранию 2024 г. Президент РФ В. В. Путин [Послание... 2024]. В данной статье речь идет об экологическом неоколониализме, хотя его современные формы представляются весьма разнообразными.

Неоколониализм – термин, возникший во второй половине XX в., чье появление связывают с именем президента Ганы К. Нкрумы, который определил его как «империализм на его последней и, возможно, самой опасной стадии», когда страна лишь номинально обладает атрибутами суверенного государства, но фактически «ее экономическая система и, следовательно, ее политическая система управляются извне» [Nkrumah 1965]. Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить неоколониальный характер ряда экологических инициатив, поскольку за ними зачастую стоят экономические интересы развитых стран и компаний, базирующихся в них. Фактически зеленая повестка превращается в новую идеологию [De-laу 2024], реализация которой ведет к усилению разных форм социального неравенства, среди которых следует выделить прежде всего глобальное и инвайронментальное.

Зеленая экономика

Словосочетание «зеленая экономика» активно используется в публичном и научном дискурсах на протяжении последних 30 лет в контексте обсуждения глобальных проблем современности. Особенно широкое распространение термин «зеленая экономика» получает после 2008 г. в связи с необходимостью разработки действенных мер по преодолению глобального экономического кризиса, когда стало очевидно, что функционирующие на протяжении длительного периода модели традиционной «коричневой» экономики исчерпали свои возможности в обеспечении эффективного развития. Более того, оказалось, что применяемые в их рамках механизмы, направленные на достижение экономического роста, провоцируют новые угрозы и вызовы, прежде всего экологические. На основе ЦУР ООН предложила «зеленую экономическую инициативу», в рамках которой была обоснована взаимосвязь устойчивого потребления и производства, призванная обеспечить экологизацию экономики [United...].

Под зеленой экономикой ООН понимает определенный тип экономической системы, которая ориентирована на повышение общественного благосостояния, обеспечение социальной справедливости при одновременном достижении снижения уровня экологических рисков и обеднения окружающей среды, что предусматривает ответственное потребление и производство, когда «рост доходов и занятости обеспечивается государственными и частными инвестициями, уменьшающими выбросы углерода и загрязнение, повышающими эффективность использования энергии и ресурсов и предотвращающими утрату биоразнообразия и экосистемных услуг» [UNEP... 2024]. Очевидна обусловленность эффективности функцио-

нирования зеленой экономики уровнем удовлетворенности общества качеством жизни и ее устойчивой безопасностью.

Это созвучно тезисам Коалиции группы неправительственных организаций, выступающих за продвижение концепции зеленой экономики, где под последней подразумевается экономика, способная обеспечить лучшее качество жизни для всех в условиях возможных экологических ограничений [Green...]. Ее основой предлагается сделать следующие принципы:

- благополучия (зеленая экономика должна быть ориентирована на людей);
- справедливости (зеленая экономика призвана способствовать равенству внутри поколений и между поколениями, быть инклюзивной и недискриминационной);
- планетарных границ (зеленая экономика защищает, восстанавливает природу и инвестирует в нее, признает ограниченную взаимозаменяемость природного капитала другими капиталами, используя принцип предосторожности, чтобы избежать потери важнейшего природного капитала и нарушения экологических ограничений);
- эффективности и достаточности (зеленая экономика направлена на поддержку устойчивого потребления и производства, это низкоуглеродная, ресурсосберегающая, разнообразная и циклическая экономика);
- надлежащего управления (зеленой экономикой управляют интегрированные, подотчетные и устойчивые институты, что требует участия общественности, предварительного обоснованного согласия, прозрачности, социального диалога, демократической подотчетности и свободы от корыстных интересов во всех институтах – государственных, частных и гражданского общества, – чтобы просвещенное руководство дополнялось общественным спросом) [Principles...].

Всемирным банком модель зеленой экономики определяется как совокупность трех взаимосвязанных стратегий: энергоэффективность, чистое производство и улучшение управления природными ресурсами [Toward...]. Так, существует несколько трактовок зеленой экономики, причем последняя, предложенная Всемирным банком, уделяет значительно меньше внимания социальным последствиям ее реализации, нежели рассмотренные выше.

Концепция зеленой экономики приобрела популярность в международных, региональных и национальных политических кругах, что позволяет сделать вывод об общем глобальном тренде на «озеленение». Однако в современных исследованиях наблюдается рост критической рефлексии как зарубежного, так и отечественного опыта перехода к зеленой экономике в связи с возникновением новых вызовов и угроз вследствие реализации «зеленой повестки» [Porfiriev 2013; Georgeson *et al.* 2017; Söderholm 2020; Chaaben *et al.* 2024]. Обсуждаются проблемы «зеленого» капитализма, когда компании, внедряющие экологически безопасные технологии, сталкиваются с ситуацией недобросовестной конкуренции с теми, кто имеет определенное преимущество на рынке благодаря длительности своего функционирования и привлекает потенциальных потребителей, декларируя чистоту своей продукции. По факту зачастую речь идет о гринвошинге, то есть попытке замаскировать экономические интересы под заботу об окружающей среде [Söderholm 2020]. Кроме того, компании зачастую ждут налоговых льгот и субси-

дий за «озеленение» своей деятельности, что подтверждает тезис о том, что для них первостепенное значение имеет их собственная выгода.

Исследователи отмечают, что актуальность и эффективность экологической политики зависят от отношения к «зеленым» ресурсам и наличия гражданских инициатив, предполагающих как соответствующую систему информирования населения об их значимости [Adamowicz 2022], так и место данной повестки в общественном дискурсе каждой из стран. Реализация мер, направленных на достижение «зеленого курса», требует учета природной, политической, культурной и социально-экономической специфики конкретного государства [Пакина, Горбанёв 2019]. Без принятия во внимание этих особенностей может возникнуть дисбаланс в мировом сообществе, когда «декарбонизированное» экологически эффективное развитие одних поддерживается «коричневой» экономикой других стран, которые, не имея ресурсной автономии для полноценного функционирования, но будучи включенными в мировую систему, оказываются заложниками зеленой политики международных организаций, лоббирующих интересы стран «золотого миллиарда».

Зеленая экономика в том виде, в котором она представлена в основных документах и проектах, пока выступает скорее как красивая декларация, нежели как обоснованная стратегия достижения устойчивого развития, что требует ее дальнейшей корректировки. Проект зеленой экономики должен как соответствовать существующим приоритетам и вызовам, стоящим перед государствами, так и учитывать социокультурные особенности отдельных регионов планеты.

Внедрение экологических инициатив в экономику: барьеры и ограничения

Несмотря на то что концепция устойчивого развития и идея «озеленения» экономики возникли еще в конце XX в., нельзя говорить о том, что сегодня переход к этим стратегиям экономического развития осуществлен в полной мере. Наряду с экономическими (например, недостаточное финансирование и стоимость инноваций) и техническими (например, несовершенство производственной базы и экологической инфраструктуры) необходимо выделить социокультурные преграды на пути внедрения новых экологических стандартов и практик. Эти препятствия характеризуются часто латентным характером и большей устойчивостью в отличие от экономических и технических. Поэтому для более эффективной экологизации экономики необходимо выявление подобных факторов и их нивелирование. Важно подчеркнуть, что они часто имеют национальную специфику. Влияние этих факторов таково, что даже при достаточной технической оснащенности предприятий и создании на государственном уровне экологической инфраструктуры, фактически незагруженными остаются, например, построенные заводы по переработке мусора, хотя размеры инвестиций бизнеса в зеленую сферу растут [Расходы... 2023].

Существующие сегодня барьеры на пути внедрения зеленой экономики касаются не только государства, но и других субъектов, участвующих в процессе экологизации общества и отдельных его сфер. К ним относятся бизнес-структуры, а также индивиды и социальные группы, включая группы интересов и социальные общности. На наш взгляд, можно выделить несколько групп факторов.

Первая группа факторов связана с **отсутствием четких критериев и стандартов** внедрения экологических инициатив в отдельные сферы жизнедеятельности общества. Отечественный экономист М. Е. Кузнецов подчеркивает, что без подобных стандартов «могут возникнуть разнообразные подходы и интерпретации, что способно привести к неоднозначности и недостаточной ясности в разработке политик и стратегий» [Кузнецов 2023: 13]. Этот фактор имеет значение для всех субъектов, участвующих в реализации экологических программ. Для государства затруднением часто становится межведомственное взаимодействие, поскольку все большее количество министерств и ведомств участвует в реализации экологических инициатив. Бизнес-структуры также в свою очередь сталкиваются с неоднозначностью практик внедрения экологических практик и критериев их оценки, поскольку, с одной стороны, должны не попадать под санкции надзорных органов, с другой – учитывать особенности «зеленых» инвестиций [Васильев 2024: 200].

Вторым фактором, тормозящим экологизацию экономики, становится **доминирование традиционных видов производства**, а также устоявшихся социальных практик и действий. Традиционные отрасли в новом «зеленом» бизнесе видят угрозу для своих интересов и прибыли. Частично эти опасения оправданы, а потому необходимо создание систем поддержки подобных организаций, в частности речь идет о добывающей и перерабатывающей промышленности. Действия этих отраслей носят амбивалентный характер; так, по мнению некоторых СМИ, перфомансы экоактивистов в музеях вполне могли спонсироваться нефтяными компаниями с целью дискредитации глобального экологического движения [Охотники... 2022]. Необходимо отметить, что традиционные действия становятся препятствием для экологической модернизации даже на уровне повседневного опыта, например в отношении переработки бытового мусора.

Третьим важным фактором является **неопределенность результата** внедрения экологических инноваций. Особенностью экологических рисков зачастую является их отложенный и латентный характер, что заставляет государство и организации обращать внимание и направлять ресурсы на другие проблемы, носящие более неотложный и явный характер. Вопреки расхожему представлению основным барьером становится не столько стоимость экологизации отдельных предприятий и отраслей, сколько невозможность просчитать окупаемость и прибыльность этих изменений, а также их социальные последствия. Кроме того, всегда велик риск выбора некачественных эко-инноваций, и может произойти так называемый парадокс Сиптера, когда «внедрение эко-инноваций неизбежно синтезирует организационный хаос», поскольку эти изменения могут быть не подходящими или не проверенными для конкретной отрасли [Клековская 2018: 26]. Причины подобного положения дел, по мнению социального географа Б. Кристофера, заключаются в том, что капиталистическая система в целом плохо приспособлена к решению экологических проблем, поскольку ориентируется прежде всего на прибыль. Если бы зеленая экономика была более прибыльной, то уже была бы реализована в полной мере [Christophers 2024].

Описывая четвертую группу факторов, отдельно следует сказать о **негативных социальных эффектах**. Экологическая модернизация предприятий не ограничивается обычно лишь снижением давления на окружающую среду, но приво-

дит к трансформации технической базы и автоматизации отдельных операций, а это, в свою очередь, может приводить к сокращению рабочих мест. Закрытие грязных производств, особенно носящих градообразующий характер, в еще большей степени затрагивает социальную сферу и становится потенциальным барьером для экологизации. Создание новых рабочих мест по мере экологизации бизнеса также происходит, но в масштабе, не сравнимом с их сокращением.

Пятая группа факторов возникает в связи с тем, что, несмотря на научные доказательства деградации окружающей среды, а также рисков, которым может подвергнуться человечество, по-прежнему широкое распространение имеют **стереотипы об экологии**, включая зеленую экономику. В ряду стереотипов, например, сугубо региональный характер всех экологических проблем, что не является истиной по причине общности ресурсов на планете, а также широко распространенное, в том числе и в бизнесе, представление о том, что действия по защите окружающей среды не имеют смысла, пока совершенно все человечество не включено в этот процесс [Как радикализм... 2023]. В силу недостаточного распространения информации о реальных экологических проблемах и способах их решения стереотипы активно заполняют информационное поле.

Шестой группой факторов, становящихся преградой для развития реальной зеленой экономики, является **специфика российской экологической культуры**. Размеры страны в совокупности с невысокой плотностью населения на большей части территории привели к формированию пассивного отношения к экологическим проблемам. В связи с этим некоторые практики и вовсе становятся чуждыми для российского менталитета, другие же – были забыты на фоне государственных изменений конца XX в. (например, массовый сбор и переработка бытовых отходов). В последние годы на государственном уровне все большее внимание уделяется попыткам минимизировать эту группу эффектов.

Это далеко не полный перечень факторов, которые затрудняют экологизацию государства и бизнеса в контексте перехода к зеленой экономике. Кроме того, в этом отношении важно учитывать, что не все экологические инициативы действительно направлены на защиту экологии. Так, международное сотрудничество в области охраны окружающей среды часто описывается авторами подобных инициатив как то, что будет способствовать экологизации отдельных государств и регионов планеты. Зачастую это приводит к росту социальных проблем и инвайронментальному неравенству [Мартыненко 2020]. Тем не менее представляется, что по мере все большей деградации окружающей среды и истощения ресурсов, а также с осознанием каждым отдельным государством своих реальных экологических проблем и потенциальных рисков наиболее вероятным становится оформление так называемого экологического национализма.

Экологический национализм

В то время как международное сообщество обсуждает возможности решения глобальных экологических проблем, наблюдается сближение экологизма и национализма, что не является новым. Напротив, истоки экологического национализма можно найти в самом процессе оформления национальных государств [Margulies 2021: 22–23]. В частности, возникновение Голландского государства в XVI в.

во многом было обусловлено усилиями зарождающейся государственной элиты по мобилизации ресурсов для борьбы с наводнениями. Сплочение элиты перед лицом экологической угрозы обеспечило организационную основу для дальнейшей борьбы за независимость от испанского владычества и в конечном счете для формирования проекта экономического развития, который на определенное время сделал Нидерланды гегемоном [Lachmann 2011: 280]. Более того, исследователи обнаруживают сходство в самой философии этих двух направлений мысли: обе доктрины в конечном счете противостоят унификации и борются за разнообразие. Можно сказать, что как националисты стремятся защищать и развивать языки коренных народов Каталонии или Уэльса, не имея при этом намерений вытеснить другие языки, так и экологическая повестка отстаивает сохранение биоразнообразия [Hamilton 2002: 36].

Исторические примеры экологических катастроф и реакции на них со стороны государств служат хорошим ориентиром для понимания того, как государства будут реагировать на них в будущем. В этой связи, по мнению американского социолога Р. Лахмана, экологические угрозы и неспособность отдельных государств справиться с нынешней нехваткой земли, воды, продовольствия и энергии способствуют росту национализма в XXI столетии [Lachmann 2011: 280]. Так, красочной иллюстрацией к данному тезису может послужить многолетняя борьба фермеров из Южной Индии против американской корпорации Cargill Seeds, стремящейся установить монополию на семена, которые индийские фермеры использовали, модифицировали и передавали из поколения в поколение на протяжении столетий. В конечном счете активисты направили письмо в офис Всемирного банка в Нью-Дели, в котором говорилось: «Мы боролись против британцев и будем бороться против новой формы колониализма, которую вы представляете, всеми силами» [Philip 2001: 14–15]. Действительно, в свете усиления неоколониализма в разных его формах экологический национализм, под которым в общем смысле подразумевают форму национализма, направленную на защиту и сбережение природных ресурсов в границах национального государства, становится формой сопротивления неоколониальным вызовам.

В то время как усиливающие друг друга процессы геополитического господства, технологических изменений и систематизации добычи природных ресурсов продолжают становиться все более неразрывно связанными, неоколониальные исследования, хотя и стремятся к междисциплинарности, еще не пришли к одновременной проблематизации экологического движения, зеленого капитализма и экологического национализма. По мнению исследователей, эта нерешительность теоретиков неоколониального дискурса в том, что касается не только изучения этой запутанной паутины неоколониальных событий, но и теоретизирования новых форм сопротивления неоколониализму, может быть вызвана, во-первых, чувством беспомощности перед устрашающей мощью корпоративного капитала; и, во-вторых, из-за ощущения, что по-прежнему бесполезно и, возможно, наивно полагать, что «подчиненный может говорить» [Ibid.: 45–46].

Тем не менее в научном дискурсе осознается острая необходимость адаптации международных программ и стандартов под национальный и региональный контекст, а именно климатические, территориальные, социальные особенности государств. В контексте реалий российского государства широкая критика «зеле-

ной повестки» обнажает ряд серьезных угроз, ключевой из которых является тот факт, что зеленый проект может быть экономической ловушкой для экспортеров углеводородов [Перов, Симонов 2023], в том числе и для России. В данной связи возрастает необходимость грамотной аналитики различных зеленых инициатив.

Заключение

Сегодня «пределы экономического роста и антропогенного влияния на окружающую среду подошли к своим предельным значениям» [Чумаков 2024: 33], а экологические проблемы стали одним из главных вызовов современности. Однако предложения по их решению, в частности модель зеленой экономики, далеко не всегда способствуют реализации заявленных принципов: благополучия, справедливости, надлежащего управления и др. Напротив, зеленая экономика может способствовать воспроизводству и усилению как глобального экономического неравенства, так и инвайронментального. Природные ресурсы – важнейший фактор экономического развития, поэтому «история природных ресурсов всегда была историей колониальных захватов, присвоения и эксплуатации» [Эткинд 2024: 18]. Современный мир не исключение, поскольку в основе зеленой экономики лежат интересы конкретных стран и корпораций. Как утверждают Б. Латур и Н. Шульц, в основе большинства современных экологических конфликтов (о методах ведения сельского хозяйства, допустимых ограничениях на выбросы в атмосферу, зеленой энергетике и др.) лежит стремление к ресурсам для производства [Latour, Schultz 2022], то есть экономические интересы.

Современный капитализм продолжает хищническую эксплуатацию окружающей среды, в основе которой находится в первую очередь стремление к прибыли. Однако «экономический рост во многом может оказаться иллюзией из-за неспособности учитывать сокращение природных богатств» [Гор 1999: 566]. Капитализм по своей сути антиэкологичен, поскольку он систематически подчиняет природу в своем стремлении к производству и бесконечному накоплению. Более того, концепция зеленой экономики во многом является результатом кризиса, заставившего искать новые стимулы экономического роста, способного еще больше усилить социальное неравенство в современном мире. «Зеленый капитализм» гораздо больше ориентирован на получение прибыли, нежели на решение глобальных экологических проблем [Christophers 2024], следовательно, национальные интересы каждой из стран требуют понимания того, кому экономически выгодно «спасать планету» в условиях распространяющегося экологического неоколониализма.

Критический анализ «зеленой повестки» позволяет указать на необходимость включения экологической безопасности в общую стратегию национальной безопасности каждой страны с учетом ее интересов. Природные ресурсы, особенно энергетические, – важнейший фактор национальной безопасности в современном мире [Вебер 2021: 12], где ресурсы стремительно истощаются, а конкуренция за них нарастает. Зеленая экономика несет благополучие лишь избранным, поскольку предполагает не столько решение экологических проблем, сколько либо их экспорт в развивающиеся страны, либо перекладывание на Глобальный Юг экономических издержек по реализации перехода к зеленой экономике. Отказ отдельных стран от использования углеводородов на своей территории, а также

введение пошлин на товары, произведенные неэкологичным образом, не снижает их экологический след. В частности, «основную ответственность за производство продукции для Исландии несут такие страны, как Эквадор, Доминиканская Республика, Центральноафриканская Республика, Южный Судан и Китай: на их долю приходится более 50 % косвенной эмиссии парниковых газов» [Пакина, Горбанёв 2019: 144], что вряд ли позволяет говорить об успешном переходе Исландии к зеленой экономике, несмотря на успехи, достигнутые на ее территории.

Движение по пути решения экологических проблем должно осуществляться с опорой на принципы социальной справедливости, включающей в себя и справедливость инвайронментальную. Изменение климата во многом является результатом экономического развития Глобального Севера, вступившего на путь промышленной революции значительно раньше, чем страны Юга. Однако именно последние сегодня чаще сталкиваются с последствиями изменения климата, в том числе и в контексте угроз общественному здоровью [Mosquitoes... 2019: 71–83]. На них же пытаются переложить и экономические издержки, связанные с переходом к зеленой экономике, что можно охарактеризовать как политику экологического неокOLONIALИЗМА. Усилия, направленные на решение экологических проблем, не должны основываться на чьих-то экономических интересах, иначе они неизбежно принимают неокOLONIALИЗМальный характер, поскольку способствуют не устойчивому развитию, а увеличению неравенства и числа конфликтов.

Литература

Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. СПб. : Медиум, 1997.

Васильев В. П. Устойчивое развитие: модификация принципов и институтов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2024. № 30(1). С. 193–204.

Вебер А. Б. Экологические императивы и притязания гегемонизма // Век глобализации. 2021. № 1(37). С. 3–18.

Гор А. Земля на чаше весов. В поисках новой общей цели // Новая постиндустриальная волна на Западе / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 559–571.

Как радикализм «зеленых» и стереотипы не дают людям обзаводиться важными экологическими привычками [Электронный ресурс] : Российская газета. 2023. 27 февраля. URL: <https://rg.ru/2023/02/27/otbrosoy-obshchestvu.html> (дата обращения: 15.05.2024).

Клековская С. Р. Проблемы внедрения экологических инноваций на предприятиях Франции // Инновации и инвестиции. 2018. № 9. С. 26–29.

Колин Э. Иррациональность капитализма и изменение климата. Перспектива альтернативного будущего. СПб. : Библиороссика, 2024.

Кузнецов М. Е. Возможности и риски развития зеленой экономики // Мир новой экономики. 2023. № 3. С. 6–17.

Мартыненко Т. С. Инвайронментальное неравенство: современные подходы к концептуализации понятия // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 200–214.

Охотники за шедеврами: чего добиваются эоактивисты в музеях, и кто их финансирует [Электронный ресурс] : Forbes. 2022. 9 ноября. URL: <https://www.forbes.ru/>

forbeslife/480690-ohotniki-za-sedevrami-cego-dobivautsa-ekoaktivisty-v-muzeah-i-kto-ih-finansiruet (дата обращения: 18.05.2024).

Пакина А. А., Горбанёв В. А. Перспективы зеленой экономики как новой парадигмы развития // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. № 5. С. 134–155.

Перов А. В., Симонов К. В. Увлечение ESG-тематикой как лакмусовая бумага российской системы госуправления // Власть. 2023. Т. 31. № 1. С. 9–17.

Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] : Президент России. 2024. 29 февраля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 21.06.2024).

Расходы бизнеса на экологию впервые превысили P1 трлн [Электронный ресурс] : РБК. 2023. 7 августа. URL: <https://www.rbc.ru/business/07/08/2023/64cce2bc9a79477caa9a8c5b> (дата обращения: 15.05.2024).

Чумаков А. Н. Концепция ноосферы: испытание временем // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2024. № 2. С. 33–38.

Эткинд А. Природа зла: культурная история природных ресурсов. М. : НЛЮ, 2024.

Adamowicz M. Green Deal, Green Growth and Green Economy as a Means of Support for Attaining the Sustainable Development Goals // Sustainability. 2022. Vol. 14. No. 10. P. 5901. DOI: 10.3390/su14105901 (дата обращения: 14.07.2024).

Beck U. Ecological Politics in an Age of Risk. Cambridge : Polity Press, 1995.

Chaaben N., Elleuch Z., Hamdi B., Kahouli B. Green economy performance and sustainable development achievement: empirical evidence from Saudi Arabia // Environment, Development and Sustainability. 2024. Vol. 26. No. 1. Pp. 549–564.

Christophers B. The Price is Wrong: Why Capitalism won't Save the Planet. London, New York : Verso, 2024.

Delay T. Future of Denial: The Ideologies of Climate Change. London : Verso, 2024.

Does Capitalism Have a Future? / ed. by I. Wallerstein, R. Collins, M. Mann, G. Derluigian, C. Calhoun. New York : Oxford University Press, 2013.

Georgeson L., Maslin M., Poessinouw M. The Global Green Economy: A Review of Concepts, Definitions, Measurement Methodologies and Their Interactions [Электронный ресурс] : Geo: Geography and Environment. 2017. Vol. 4. No. 1. P. e00036. URL: <https://rgs-ibg.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/geo2.36> (дата обращения: 18.07. 2024).

Green Economy Pocketbook. The Case for Action [Электронный ресурс]. URL: https://www.greeneconomycoalition.org/assets/reports/GEC-Reports/Green-Economy-Pocketbook-the-case-for-action_0.pdf (дата обращения: 25.06.2024).

Hamilton P. The Greening of Nationalism: Nationalising Nature in Europe // Environmental Politics. 2002. Vol. 11. No. 2. Pp. 27–48.

Johansson I. Ontological Investigations: An Inquiry into the Categories of Nature, Man, and Society. London, New York : Routledge, 1989.

Lachmann R. Nationalism in a Post-Hegemonic Era // Review (Fernand Braudel Center). 2011. Vol. 34. No. 3. Pp. 259–283.

Latour B., Schultz N. On the Emergence of an Ecological Class: A Memo. Cambridge : Polity, 2022.

Margulies M. Eco-Nationalism: A Historical Evaluation of Nationalist Praxes in Environmentalist and Ecologist Movements // *Consilience: The Journal of Sustainable Development*. 2021. No. 23. Pp. 22–29.

Mosquitoes Management: Environmental Issues and Health Concerns / ed. by C. Claeys. Brussels : Peter Lang, 2019.

Nkrumah K. Neo-Colonialism, the Last Stage of Imperialism [Электронный ресурс] : Marxists Internet Archive. 1965. URL: <https://www.marxists.org/subject/africa/nkrumah/neo-colonialism/introduction.htm> (дата обращения: 20.05.2024).

Philip K. Seeds of Neo-Colonialism? Reflections on Ecological Politics in the New World Order // *Capitalism Nature Socialism*. 2001. Vol. 12. No. 2. Pp. 3–47.

Porfiriev B. Green Economy: Realities, Prospects, and Limits to Growth. Moscow : Carnegie Endowment for International Peace, 2013.

Principles, Priorities and Pathways for Inclusive Green Economies: Economic Transformation to Deliver the SDGs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.greenecconomy-coalition.org/assets/reports/GEC-Reports/Principles-priorities-pathways-inclusive-green-economies-web.pdf> (дата обращения: 24.05.2024).

Sassen S. Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. Cambridge : Harvard University Press, Belknap, 2014.

Söderholm P. The Green Economy Transition: The Challenges of Technological Change for Sustainability [Электронный ресурс] : *Sustainable Earth*. 2020. Vol. 3. No. 1. URL: <https://sustainableearthreviews.biomedcentral.com/articles/10.1186/s42055-020-00029-y> (дата обращения: 20.05.2024).

Toward a Clean, Green, Resilient World for All [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/environment/publication/environment-strategy-toward-clean-green-resilient-world> (дата обращения: 24.05.2024).

UNEP. Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unep.org/greenecconomy> (дата обращения: 25.05.2024).

United Nations Environment Programme [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unepcom.ru/unep/gei.html> (дата обращения: 22.06.2024).

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

РОССИЯ И ЗАПАД: В ЕДИНСТВЕ – СИЛА*

Ильин В. В.**

Исходя из трактовки «цивилизации» как агрегата жизнеопределяющих технологий – воспроизводства способов жизневоспроизводства, – а «культуры» – как многофазного механизма генерации, трансляции, ассимиляции, регенерации благ, специфицируется планетарная миссия России и Запада как самодостаточных фактур ойкумены.

Непреходящее завоевание Запада – развертывание оптимальных, эффективных, достижительных приемов организации обмена деятельностью, жизнеподдержания в индустриальном и социальном отсеках. Аналогично общемировое завоевание России – отработка культурного фундамента существования. Как показывает опыт вершения истории, противопоставлять западную технологическую российской культурной стратегии более невозможно.

Перед лицом вселенского кризиса (в том числе острейшие события на Украине, Ближнем Востоке) актуализируется судьбоносная задача согласования пусть чувствительных, но частных национальных, региональных интересов с генеральными родовыми ценностями.

В любом случае ставшую притчей во языцех конфронтацию «Запад – Россия» недопустимо толковать в терминах столкновения «цивилизация – культура». Побеждает мужжающее человечество, ставящее ресурс успешной «цивилизации» на службу высокой «культуре» в инновационном социуме «глобального гуманизма» и «гуманистического глобализма».

Ключевые слова: Россия, Запад, цивилизация, культура, общепланетарная судьба человечества.

RUSSIA AND THE WEST: JUNCTA JUVANT

Based on the interpretation of ‘civilization’ as an aggregate of life-defining technologies – reproduction of life-reproduction methods, and ‘culture’ as a multi-

* **Для цитирования:** Ильин В. В. Россия и Запад: в единстве – сила // Век глобализации. 2025. № 1. С. 151–166. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.13.

For citation: Ilyin V. V. Russia and the West: Juncta Juvant // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 4. Pp. 151–166. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.13 (in Russian).

** Ильин Виктор Васильевич – д. ф. н., профессор Калужского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», профессор ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения». E-mail: vvilin@yandex.ru.

Viktor V. Ilyin – Dr. Phil., Professor of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University); Professor of the State University of Education. E-mail: vvilin@yandex.ru.

phase mechanism of generation, translation, assimilation, regeneration of benefits, the planetary mission of Russia and the West as self-sufficient textures of the ecumene is specified.

The enduring conquest of the West is the deployment of optimal, effective, achievable methods of organizing the exchange of activities, life support in the industrial and social fields. Similarly, the global conquest of Russia is the working out of the cultural foundation of existence. As the experience of history shows, it is no longer possible to oppose the Western technological cultural strategy to the Russian one.

In the face of the universal crisis (including the most acute events in Ukraine and the Middle East), the crucial task of reconciling sensitive, but private national and regional interests with general ancestral values is being actualized.

In any case, the “West – Russia” confrontation, which has become a byword, cannot be interpreted in terms of the “civilization – culture” clash. The maturing humanity is winning, putting the resource of successful “civilization” at the service of high “culture” in an innovative society of “global humanism” and “humanistic globalism”.

Keywords: *Russia, the West, civilization, culture, the global fate of mankind.*

Тысячи видов беды – будет тысяча видов спасенья, – ободрял Овидий. Однако же угрожающие симптомы цивилизационного недуга лишают оптимизма столь радужные надежды. Тяжелейшие испытания, какие принесла человечеству первая четверть XXI в., склоняют к более осторожным, пруденциальным направлениям чувств и ума.

В переживаемый момент мировой истории нельзя быть в отношении себя лицемером; как назидает Евангелие от Матфея, требуется понимать знамение времени [Мф. 16; 3]. А оно таково, что мир, идя путем несправедным, перестает быть богоспасаемым.

Великое неустроение обременяет бытие наше: идет брат на брата, народ на народ; многие труды обращаются в прах. Люди теряют себя, захлестываются амбициями, пренебрегая наставлениями Гелиоса Фаэтона, налегают на стрекала, отпускают поводья, погоняют крепче... Колесница мчит не туда. Для всякого пагуба страсти становятся святой; ничто не стреножит отвязную власть, безмерную волю; кошмар отбирает созданное...

Век нынешний, не считаясь с Писанием, вовсе забыл, что мудрость предпочтительней силы [Еккл. 9; 16]. Почему так? Здесь *punctum saliens*.

Как излагал Гораций, первое мудрости дело – глупость отбросить. Глупость состоит в допущении того, что спорные вопросы общежития решаются нажимом, подавлением, захватом, уничтожением. Всегда, во все времена, стратегия истребления влекла самоупражнение. Последнее, к прискорбию, недопонимали ястребы великих держав, еще во второй половине прошлого века полагавшие: если в результате конфликта останутся два американца и один русский – мы победили (Т. С. Пауэр). Под копирку – линия экстремистов китайской «культурной революции»: если в итоге ядерного армагеддона выживет хоть один китаец, война выиграна. Между тем в чем победа, где выигрыш?!

Второе мудрости дело – сторониться порока. Порок заключается в том, что М. Вебер называл расколдовыванием, разволшебствованием человеческой жиз-

ни – переводом ее на рельсы выводящего за скобки ценностного окормления голого практицистского расчета. Такой ход ущербен гуманитарной недооценкой символической стати человека как *homo aestimator* [Ильин 2005], живущего аксиологическим, а не логистическим предопределением, на основании чего допускается эмоциональное априори (М. Шелер), альтруистическое онтогенетическое обеспечение (В. П. Эфроимсон) человечности, проявляющееся в устойчивом неприятии того же убийства.

Третье мудрости дело – развенчание сдерживающих ток мысли предвзятых штампов, некритических стереотипов, нелепых предположений, дезориентирующих искания. Ф. Бэкон писал о четырех видах идолов: рода – общие концепционные искажения реалий; пещеры – индивидуальная неадекватность фона личности; рынка – лексические контаминации; театра – плодящие адептов ложные учения.

Применительно к нашим сюжетам выскажемся прямо о недопустимых призраках – мнимых догмах, препятствующих нестесненному развитию мирсистемной цивилизационистики.

Призраки рода. Органицистский натурализм, проводимый в методологии Г. Спенсером, А. Шеффле, Р. Вормсом и др. [Ильин 2018: 182]; в макросоциологии – О. Контом, П. Ф. Лилиенфельдом, А. Эспинасом и др. [Там же: 183]; в цивилизационистике – Н. Я. Данилевским, О. Шпенглером, А. Д. Тойнби. Слабость эвристической базы органицизма-натурализма в социально-политических исследованиях обусловлена:

– редукционизмом: народы мира самоопределяются не по органу-натуралистическим, а по цивилизационным зависимостям. Если не отказываться от идеи уподобления «природный – социальный организм», для релевантных традукций продуктивней использовать более конформные образы: математические – точки, процессы ветвления, предельные соотношения (обогащающие понятием возникновения новых элементов, зависимостей); случайные процессы (с вероятностью протекания – марковские, мартингалы); конструктивных функций; контактных схем; коалиционных действий, интересов и т. д.; естественно-научные – целесобразность, эквифинальность, целостность, саморегуляция, обратная связь и т. д.;

– финализмом: принципиальная дефектность элементарного циклического канона «рождение – расцвет – упадок – надлом – гибель». В истории народов наблюдаются спады, подъемы, но отсутствует фатальная линеаризация по априорной трагической схеме. Доподлинно: никакого фатализма, трагизма автономной динамики человечество не знает. Верно: цивилизационистика комбинирует «циклизмом» (геополитика, экономика, управление), но в семантике структурно-функциональной, а не темпорально-эсхатологической.

Призраки пещеры. Вкусовой подход к выделению «культур», «цивилизаций» по крайне расплывчатым, рассредоточенным резонам. В общечеловеческом социально-историческом целом обособливалось:

– Н. Я. Данилевским: 13 анклавов, именуемых культурно-историческими типами (КИТ), представляющими симбиоз органической (?) материи и идеальной (самобытные начала народности) формы;

– О. Шпенглером: 8 культур, являющихся абсорберами духовного жизне-строя;

– А. Тойнби: то 21, то 13, то неопределенное число цивилизационных фрагментов, группируемых в замкнутые ассоциации по духовным особенностям (религия, искусство, обычаи, нравы).

Не расширяя ставший классическим список эскизов культурно-цивилизационной определенности человечества, равно как не воспроизводя стандартную критику по его адресу, кратким образом систематизируем контрдоводы. Озаботимся: что не устраивает специалистов в сделанном маститыми предшественниками?

1. Принципы обособления единиц человечности, позволяющие более или менее строго идентифицировать КИТы, культуры, цивилизации. В упомянутых трех эпизодах акцентируется унитарный духовный фактор вершения истории, конечной своей реализацией влекущий полифакторность, оказываясь порождающей причиной то культур, то цивилизаций.

С позиций метатеоретических оценок мы сталкиваемся либо с эпистемологически недопустимым кризисом детерминистской организации знания (одна причина в качестве *causa activa* выступает источником разных явлений), либо с логически недопустимым умножением сущностей в бессмысленном различении «цивилизации – культуры». Поверх же лингвистических разноречий в словоупотреблении с предпочтением в немецком «культура», в английском, французском «цивилизация» – субстанциальное несовпадение одного с другим бесспорно (о чем – ниже).

2. Квантование континуальной плоти «культуры», «цивилизации», провоцируемое сомнительными базисными презумпциями «органицизма-натурализма». Надуманная дискретизация общеисторического целого на организмическо-натуралистические локалы с отводимым им схемой «рождение – старение – исчезновение» автономным коротким веком рассогласуется с фактически протекающим процессом универсализации жизнедеятельности человечества, завязанным на диалог культур, взаимообмен, рецепцию цивилизационных завоеваний, трансляцию, имплантацию прогрессивного модернизационного опыта.

3. Модель циклизма (кругооборота). Как известно, различают обстоятельную и событийную циклику. Одна реальна; другая, исключая хроногеометрический реставрационизм (наличие «щелей» в пространственно-временном контуре; допущение причинно не связанных, взаимодействующих во флуктуациях параллельно существующих миров [Ильин 2018]), с точностью до современного состояния знания, ирреальна.

Предвзятая «организменная» идеология в социально-политической философии навевает-таки образ событийных чередований – последовательной смены состояний себе подобными с отягощением «великого возвращения» (очередное проявление общественного пессимизма) – к чему? Исходному? Но эффект обновления существования, паушального жизненного прогрессизма такой вид развития процесса исключает.

Призраки рынка. Многие доктринальные проблемы снимались бы выверенным использованием концептуального аппарата. Исходя из конституируемой логикой относительной свободы (вне умаления лексических традиций, формальных предписаний к осуществлению интеллектуальных действий) дефинирования понятий, семантически дистанцируем содержание концептов «цивилизация» и «культура».

С позиции высказанных нами ранее соображений [Ильин, Ахиезер 2000] будем толковать «цивилизацию» как набор действенных жизнеподдерживающих технологий, более или менее общих всем народам. Подчеркиваем: с известным допуском (вынося за скобки «экзотические» жизневоспроизводственные уклады отдельных малочисленных этносов Дальнего Севера, Юга) в социально-политической философии правомерно комбинировать идеей универсальных приемов жизнеобеспечения, инспирированных достижениями научно-технического и социального прогресса.

Принятие диспозиции позволяет выделять в общеисторическом процессе:

- I – по промышленным технологиям – фазисы:
 - доиндустриальность: спорадическое использование оптимизирующих деятельность элементарных устройств (рычаг, ворот, блок, наклонная плоскость, полиспаст);
 - индустриальность: массовое внедрение эффективных разработок – механизация, конвейеризация, частичная автоматизация;
 - постиндустриальность: комплексная автоматизация, роботизация, цифровизация;
- II – по социальным технологиям – фазисы: потестарность – политарность – абсолютизм – октроированный конституционализм – конституционализм – республиканизм – парламентаризм – демократизм. На больших временных интервалах прослеживается векторизация социальной динамики, свидетельствующая о макросоциальных трансформациях от «зависимости» (деспотизм, диктатура, авторитаризм, тоталитаризм, хунтизм) к «свободе», фиксируемая полезным понятием фундаментальных социальных констант (ФСК) [Ильин 2003].

Обобщенным образом пакета авангардных прорывных технологий современного уровня выступает NBICS-комплекс нано-, био-, инфо-, когно-, социотехнологических ресурсов [Его же 2019], рельефно оттеняющий универсальность, космополитичность, надэтничность орудийной базы пролонгации жизни, вершения истории.

В отличие от «цивилизации» как «технологии» «культура» есть деликатный механизм порождения человеческих (локальный момент) и общечеловеческих (тотальный момент) ценностей со своими фазисами:

- генерация: создание благ;
- трансляция: передача благ;
- ассимиляция: усвоение благ;
- мультипликация: преумножение благ [Его же 2005].

Акцентируем: «культура» аттестует порождение исключительно человеческих ценностей – благ, способствующих культивации, рекультивации человечности, что дает основание противопоставлять культуру – экстракт человеческого в человеке – контркультуре, псевдокультуре, антикультуре – повреждениям человечности.

Локальный момент культуры, завязанный на язык (гипотеза лингвистической относительности), этническую, национальную историю, традицию, специфицирует миропонимание, мироотношение, детерминирует патриотичность, ареальность. Тотальный момент культуры, завязанный на гуманитарную статью сапиента, типизирует миропонимание, мироотношение, обуславливает всемирность.

Сказанного достаточно для содержательной дистинкции: цивилизация характеризует воспроизводительный остов поддержания жизнедеятельности человека-человечества; культура – ресурс складывания гуманитарности. Одно мостит путь овладения веществом, энергией для налаживания *vita vitalis*; другое – путь огранки человечности для приращения *vita humanus*.

В генеалогии цивилизации – эффективные, оптимальные, достижительные акты переработки внешней природы; в генеалогии культуры – культ – символические акты по переработке внутренней природы.

Призраки театра. Одиозный и безосновный жупел западного менталитета, согласно которому все зло – из России; от пресловутого «рука Москвы» до анекдотичного «Россия – ужасная страна: там до сих пор женщины с мужчинами спят». (В последнее время, правда, перепадает американцам: почему в США нет госпереворотов? Потому что в Вашингтоне нет американского посольства.) Развенчание соленых интриг-происков – исторические свидетельства. Из безбрежного достопамятного национального опыта коллизионного взаимодействия России со своим исконным геостратегическим оппонентом – Западом (римская панидея, атлантизм [Ильин 2022; 2023]) выберем нужное и почерпнем некую мораль.

1. Ведя (всегда освободительные!) войны, Россия боролась с захватчиками, но никогда – с народами. Выпуклый пример – Россия традиционно не препятствовала сохранению государственности Германии, Франции, Швеции, Японии, хотя могла бы радикальнейшим образом решить их будущее (недавний подтверждающий факт – воссоединение Германии, не одобряемое ни Великобританией, ни США).

2. В отличие от Запада (эпопея с открытием второго фронта в период Второй мировой войны; нынешнее расширение НАТО) Россия всегда выполняла взятые на себя обязательства (по решению Крымской конференции вступила в войну с Японией), ответственно реагировала на чувствительные обращения, просьбы (часто трудновыполнимые – переносы дат наступлений во время Первой и Второй мировых войн). В противовес сказанному исключительно Запад руководствуется *idée fixe* уничтожить и Россию, и русских (интервенция 1918–1920 гг.; текущий конфликт на Украине), в чем законно усматривается невуалируемый и неприемлемый атлантистский шовинизм.

Долга́ была и обида, и долги козни, – восклицает Вергилий. Между тем поверх подозрений, претензий, избавляясь от наносного, надо что-то решать. Мы подошли к распутью, где скрещиваются и расходятся дороги. По какой, как, куда идти? Вместе или врозь? Одно – притязательное соперничество, другое – ободряющее сотрудничество.

Учитывая, что, как уверял Публий Сир, алчный не насытится никакой наживой, предпочтительней кооперативная форма длительных, устойчивых, гарантийных взаимосвязей, нацеленная на совместное решение общих злободневных проблем, какие ставит перед человечеством глобальное развитие.

Мир наш (не по Т. Кампанелле) перестает быть живым подобием Бога: и солнце (не по Петронию) всем не светит, и оружие (не по Цицерону) не уступает место тоге; антропные проблемы (не по Еврипиду) не решаются *deus ex machina*.

В чем надежда? В силе, мощи, выкованной веками человеческой:

– дальновидности, ничего не ставящей выше мира (в любой герменевтике);

- доброй воли, для которой нет ничего невозможного;
- пытливого ума, своими усилиями все побеждающего;
- пламенного сердца, благодаря которому цветы расцветают;
- твердой решимости, укрощающей Дискордию (Эриду) – богиню раздора.

Настает *discrimen rerum*, когда решить – значит сделать. Не выгодное – благодатное.

В духе последнего – искомое исцеление теоретической и практической политической философии, стремящейся к прочности власти *Bonum commune*, на что уповали:

- Будда: восьмеричный путь освоения благородных истин;
- Августин: амитологическая платформа мироустройства без хищных национально-государственных «разбойничьих шаяк»;
- О. Конт: «позитивная» миродейственная «религия» (неожиданная антипозитивистская линия правоверного позитивизма), –
развертывавшие светлую, многообещающую, всенаправляющую утопию ранга увещательной притчи: в необходимом единство, в не необходимом – свобода, во всем – любовь.

Станет ли человечество лучше? Когда именно?

Проблема упирается в уяснение глубинного предмета: может ли личность (часть) жить интересами рода (целого)? И не по принуждению (ригоризм), мимикрии, симуляции, имитации (корпоративизм), а свободному ответственному действию (аксиологизм)? Откуда доктринальные и утилитарные задачи: постичь и воплотить.

Разобраться в сказанном позволяет сравнительная оценка потенциалов двух конкурирующих культурных вселенных, цивилизационных суперсистем – России и Запада, заявляющих свою правду, извечно решающих, какая судьба правит миром, что несет ему спасенье.

Нет блага в тотальной вражде; благоденствие даруется миром. Отчего же согласия нет? Оттого, что человечество расчленено по национально-государственному основанию, в обслуживании интересов которого политика ищет свое меркантильное благо.

Фундамент политического вектора восприятия реалий заложил шведский монарх Адольф Фредрик, сформулировавший менторское *Salus publica salus mea*. Фундамент же философского вектора руководства политики заключается в прямо противоположном (редактируя кодекс Феодосия): *Vestra salus – nostra salus*.

Согласно разнонаправленным углам зрения дело политики и дело философского наставления политики не совпадают, становятся двумя разными делами, принадлежащими разным составам реальности: политика оккупирует *modus operandi*; тогда как философия – *modus cogitandi*; способ действия рассогласуется со способом одухотворения действия; сила лишается руля, ветрил мудрости.

Несть числа подтверждению сказанного из наличного опыта взаимодействия Запада и России. В духе драматургии дель арте тяжеловесы мировой организации жизни выступают в неуступчивых масках, разыгрывая партии (едва не лацци):

- Запад: однополярного мира; *the west against the rest*; цивилизационного финализма – «конца истории» с поглощением незападной фракции, как говорил Гораций, *misera plebs*;

– Россия: многополярного мира; *the rest against the west*; цивилизационного миссионизма, мессианизма.

Вопрос: сколь долго и сколь остро будет длиться непримиримая борьба под фирмой, применяя библейский образ, рыкающего льва, ищущего, кого поглотить [1 Пет. 5; 8].

Благоденствие, выводил Лукан, дериват согласия.

Не превознося старину, но к недавнему прошлому (не по Тациту) относясь трепетно, вдохновимся бывшим: у России и Запада – прекрасные традиции взаимовыгодного союзничества: во Второй мировой войне; советско-американской разрядке; освоении космического пространства, программе мирного атома и др. Дальновидный опыт должен быть учтен, углублен, расширен. Тем более перед лицом вызовов, поиск ответов на которые объективно спланирует: общие опасности рождают согласие.

Перед лицом общепланетарных опасностей основанием оправдания пусть и наивысших национальных интересов оказывается согласование любых частных целей с первостепенными родовыми ценностями [Ильин и др. 2024]. Однако же данной выстраданной диспозиции сугубо противоречит блоковая организация мира, досадная конфронтация Запад – Россия, препятствующая, прибегая к слогу АБС (Аркадия и Бориса Стругацких), вытаскиванию из заготовок (работающих на самоистребление, а значит, недоразвитых) людей настоящих, гордо-свободных сапиентов. Борьба, вражда, козни иссушают и без того не бездонные колодцы гуманизма.

На фоне изложенного предельно ясно: современному представителю высшей сферы мироздания не потребно существовать, тем более функционировать в прежней атмосфере низкого корыстолюбия, мелочных (сопоставительно с масштабом подлежащих решению проблем) интриг, тупого самодовольства, всеподавляющих эгоистических запросов [Стругацкий А., Стругацкий Б. 2017: 377].

Востребуется новая атмосфера – всеобщей и всеобъемлющей терпимости, взаимоподдержки, жидущейся на приоритете общей судьбы, без обеспечения которой все лишены будущего.

Преображение жизни, следовательно, воспроизводя душещипательные мотивы философских прозрений, усматривается на пути универсального скачка из предчеловеческой доистории в подлинную человеческую историю.

Огоньки неимоверно далекого, но неизбежного будущего загораются в перспективе фронтальной ценностной революции, придающей всегуманитарный смысл общечеловеческому прогрессу.

Речь о разворачивании известной научной фантастике и утопической метафизике гуманистической историософии,

– отменяющей старую конфронтационную структурную организацию человечества (А);

– учреждающей новую парадигму всечеловеческого общения (В);

– конституирующей справедливый миролюбивый тип международного взаимодействия (С).

(А). Давно пора принять и признать несостоятельность изжившей себя агрессивной альтернативистики, идейно фундируемой диалектической эвристикой. Как мы неоднократно указывали [Ильин 2022: 80], условия глобального взаимозави-

симого, взаимоответственного мира, агенты которого располагают оружием массового истребления или обладают возможностями разрушать объекты критической инфраструктуры, способные наносить непоправимый ущерб человеческому существованию (обстрелы ядерных объектов украинскими экстремистами), полновесно исключают диалектические версификации источника, механизма развития в языке утрирования антагонизмов.

Методологически диалектика, как говорил Плавт, *tetigisti acu* уступает место аналектике – учению о развитии в аппарате блокирования противоречий достижением гармонизирующего консенсуса; и каталектике – теории универсальной ценностной санации человеческой деятельности замыканием видовых целей отдельных (групп) людей на родовые императивные ценности, – по принципу Амвросия Медиоланского, *non sibi, sed omnibus*.

Равнообразно онтологически бессмысленно противопоставлять столь крупные единицы социальности, как Запад и Россия. Опять же, как мы демонстрируем [Его же 2023], общемировое завоевание Запада – отработка цивилизационного остова жизневоспроизводства – эффективных общезначимых технологий ранга фундаментальных социальных констант.

Общемировое завоевание России – отработка культурного остова жизневоспроизводства под фирмой:

- соборности (не имеющей семантических коррелятов в иных лингвистических традициях) (К. С. Аксаков, А. С. Хомяков, В. С. Соловьев, Е. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев и др.), выражающей сверхперсональное «хоровое начало», круговую «ответственность... людей за всех, каждого за... мир» [Бердяев 1989: 190];

- всеединства (А. С. Хомяков, В. С. Соловьев, С. Н. Трубецкой и Е. Н. Трубецкой, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Л. П. Карсавин и др.): единство человечества в Боге; «благодать взаимной любви» [Хомяков 1907: 101]; «единство всех в одном» [Трубецкой 1994: 592];

- богочеловечества: единство, солидарность, сообщественность людей [Булгаков 1993: 212].

По всему видно: Запад преуспевает в акцентуации «технологий», Россия – в «живом многоединстве человеческого рода», «божественной благодати взаимной любви». В одном – голая прагматика, в другом – отрешенная утопия. Между тем, как выясняется ныне, жить по западной стратегии «человекобожества» – не окормленному высокими ценностями целевому расчету – невозможно. Последнее понимал уже Ф. М. Достоевский, не бывший свидетелем обострения глобальных (экологических, геополитических) проблем, но отдававший ясный отчет: не укрощенная духовностью безбрежная свобода корыстного действия влечет перерождение человечности в бесчеловечность. Именно это представляет стержень его заочной полемики с Ф. Ницше, страстно пропагандировавшего идеал безбожной «белокурой бестии», аморально утверждающегося без всяческих оглядок на «логарифмы» «сверхчеловека».

На чем крепить единство, солидарность, кафоличность человечества? Ответ безусловен и единствен – на святынях.

Теистически настроенные мыслители манифестируют Дух Святой [Бердяев 1990; Франк 1990: 508–509]; секулярно настроенные мыслители – отнесение к ценностям [Ильин 2005].

Как бы там ни было, однако пикировку Запад – Россия недопустимо позиционировать как столкновение «цивилизация – культура». Вопрос располагается в совершенно иной плоскости: не культура перерождается в цивилизацию (как предвзято полагал О. Шпенглер), но цивилизация *ad amussim* должна превращаться в культуру. Жить и выживать в нашем мире возможно исключительно по одухотворенным, ценностно обогащенным технологиям.

В языке деонтологии: технология обретает аксиологически вменяемую окраску; одновременно аксиология обретает технологически вменяемый колорит. Футурологический кредит – человекоразмерным, гуманитарноподобным технологиям, управляемым культуроемкими, просветленными сапиентами. Откуда в высокой антропологии – лейтмотив духовного преображения человека как культурного пестования его души: от поэмы Пруденция «Психомехия» до Ф. М. Достоевского, настаивавшего: образование (в семантике: формирование) человека начинается не с техники, но культуры: «Там, где образование начиналось с техники... никогда не появлялось Аристотелей... замечалось необычное суживание и скудость мысли (общее неприятие российской культурой западного технологичного мироотношения. – В. И.). Там же, где начиналось с Аристотеля... дело сопровождалось великими техническими открытиями...» [Неизданный... 1971: 312]; и русских интеллектуалов Серебряного века, ставящих не на социальное, но на духовное преображение.

Поскольку, как говорил П. Тейяр де Шарден, центр перспективы – человек, и, добавим от себя, человек культуро-(ценностно) обремененный, становится достоянием прошлого ненужное противопоставление «цивилизация» – «культура»; меняют доктринальный облик европеистика, цивилизационистика, отказывающиеся от навязчивой дихотомии Запад – Россия.

(В). Благодатный сюжет духовной реформации человечества на базе отечественной культурной платформы гуманитарного просветления получает логичное развитие в моделировании видов на будущее. Сращение цивилизации с культурой, западного и российского мирозерцания сулит утверждение нестандартных принципов межчеловеческого обмена деятельностью.

В прикладном разрезе стержень нетрадиционной интеракции составляет общение не на материальном интересе, но на духовном (идеально-символическом) запросе, аттестующее строй жизни в социуме «гуманистического глобализма». Пользуясь случаем, солидаризируемся с линией Ю. В. Яковца, высказавшего сильные и близкие нам идеи профессионального толка [Яковец 1995]. Ни много ни мало анонсируется особое историко-социальное состояние человечности, где доселе ведомые нам люди утрачивают исконную самоограниченность – вовлеченность в вещизм; перестают служить мамоне, освобождаются от материального рабства. Исчезает все то, что разделяет человека внутри его, – именно: государственная, правовая, собственническая, принудительная общественная конституция; учреждается свободная безгосударственная, бессобственническая моральная ассоциация, участники которой живут не по частным целям, но по общим ценностям; не по хрематике, но по экономике; не по труду, но по творчеству. Прямо по классике утопического жанра (от Т. Мора через Ф. Бэкона, Т. Кампанеллу к Д. Гарлингтону и далее), люди больше всего любят свободу, творчество, знание, оказывающиеся преимущественным смыслом их жизни.

Если в утопическом провозвестии ответ найден, что мешает его фактическому претворению? Препятствует несовершенная персональная и групповая природа, вкладывающая в смысл исторического (индивидуального, национального, регионального) процесса подрывающий характер сотоварищеской коммунальности пафос конъюнктурной преференциальности (на обыденном уровне – в расхожем «Доходном месте» А. Н. Островского: «Как это так... что за мода пошла – жить на одну зарплату?»). Все упирается в человека – его гуманитарные кондиции, которые никаким краткосрочным социальным переворотом ни извести, ни подправить (опыт контингентирования существования в суровых общественных починах на магистрали, как выводил Саммазий, «от звезд – к лагерям»; большевистский проект выведения (так проще!) новой человеческой породы в гигантской фабрике советизма; совет Б. Брехта охваченным зудом модернизационного пионерства правителям: «Распустить народ и выбрать себе другой»; паушальное дидактическое жизнеубеждение В. П. Астафьева: «От властей только тлен и уничтожень»).

В практическом разрезе, настаиваем, не может быть никакого подхлестывания событий (ср. полемику В. И. Ленина с «веховцами», упрекавшего оппонентов в интеллигентской постепеновщине, политическом квиетизме и на этом резоне торопившего ввязаться в «последний и решительный бой»; спор рассудил опыт, восстановивший ламинарные приемы социального обихожения): реновация, тем более планетарного охвата, не может быть ни форсированной, ни «особнянской»; на данном основании отпадает горячечный почвенный миссионизм, мессианизм; не Россия несет счастье миру, несет его ему и ей обновляемый человек.

Все дело – в человеке: он должен созреть для бескорыстного самоподдерживаемого существования, зачатки которого обнаруживаются в общинно-соборных формах организации общения, находимых в российской крестьянской общине, трудовой артели; старообрядческих, добролюбовских, толстовских коммунах; ауровиллях; мусульманской умме, социальном опыте махалли, тоухидном хозяйствовании; малых трудовых коллективах (в том числе западной коллегиальности, что выявил хоторнский эксперимент).

В концептуальном разрезе востребуется интегральный тип социальной теории, тематизирующей самоинициацию творческой личности, захваченной самоиндуктивным проектом самоутвердительного роста.

Звучит необычно. Но, в обход доктринально неосмысленной массовой гипнотизации, доктринально осмыслена позитивная реморализация. Верно, в стандарте обыденный, повседневный, среднестатистический «массовый» человек с улицы так не жизнедействует. Но в любые и всякие времена так жили и живут творческие люди – творцы, поглощенные выделкой не шаблонного, но оригинального продукта – художники, мастера – созидатели шедевров. Теории их самоутверждения (пока?!) не существует, но закона запрета на ее формулировку нет.

Содержательный абрис подобной теории (над разработкой которой размышлял К. Маркс) составляет идея самовосстановления человечности в единстве материальных и духовных слагаемых, где духовному началу – по части человека как существа символического – отводится решающая роль.

Проведем аналогию. Фундаментальная теория располагает отработанной доктриной тела (физиология, медицина, биология, эмбриология, генетика), но не располагает доктриной духа. Мы знаем, как тело влияет на дух (психиатрия), но не

знаем противоположного влияния (внесциентистские эзотерические восточные практики). Иными словами, отсутствует полноценная, полновесная идейная картина психофизического человека. Подобно этому – полный дефицит представлений по предмету воспроизводства человечности. Мы знаем, *что* такое материальный интерес, материальное производство, но до сих пор не знаем, *что* такое духовный интерес, духовное производство. И как поддерживается их симбиотическое единство.

Мы знаем, *что* такое физическое восстановление, но не знаем, *что* такое игра человеческих сил поверх некомпенсируемых соматических трат (участлива здесь диетология?), самоиндуктивная мобилизация, творческий порыв.

Мы не знаем причин самореализации вне надежды извлечения прибыли по самоотверженной тяге свершения – идеально-символической инъекции. Человек – существо идеалонесущее, идеалодетерминируемое, но подноготная идеалотипического существа человечности не выявлена. Потому неведомо, *как, чем* живут созидатели, занятые не массовой трудовой, но эксклюзивной, креативной деятельностью. Традиционная теория (модели базовых потребностей, структуры личности, поведенческих девиаций) проводит их усилия по части «чужачества». Между тем можно ли удовлетвориться столь сумасбродным исполнением символического интеракционизма?

Человек существует в мире «значимых объектов», по расхожей теории, навязываемых социально. Однако много важнее то, что человек пребывает в мире персонально значимых объектов, вопреки Г. Блумеру, не полностью надындивидуальных [Blumer 1966]; генеалогия их (такого рода объектов) идиографична. Ф. Гельдерлин вводил фигуру «мое достояние» – набор значимостей, составляющих интимную безраздельную принадлежность «Я» (ср.: мидовское различие *I* и *me*), – самососредоточенное освоение которого (достояния) предобуславливает трансформацию объектных значений. Человек «линяет» (Ж.-П. Сартр) с личностным творческим мужанием; «линяет» и его «достояние» с линькой семантики смыслозначимого (и без всякого «социального» участия!).

Подчеркиваем: теории символической идеальной инспирации креативно действующего человека не существует, что вовсе не освобождает от необходимости ее создания. Как бы там ни было, но удовлетвориться наличной доктриной частичной материальной детерминации жизнеутверждения неоднородного *homo quadratus* никак невозможно.

Вопрос скачка из дочеловеческой предыстории в человеческую историю – не вопрос лишения человечества его истории; не то же самое, что стереть род людской с «лица земли и создать на его месте новое» [Стругацкий А., Стругацкий Б. 2017: 432] (жалкие прошлые и нынешние потуги выпуска *socio-tech* [социократы] и *bio-tech* [технократы] аватаров). Поставленный вопрос суть вопрос реновации человека – его гуманитарной, ценностно-духовной сути; вопрос прогрессирования истории по вектору родовых перспектив, устремлений.

Без каких бы то ни было поводырей, путеводителей человечество идет аутентичной дорогой. Какой? Перед лицом эсхатологических испытаний – дорогой сплачивающего всеединства, вдохновляющего доверия, вразумляющей взаимности. Дорогой общественной альтруистической эмпатии, о которой в терминах каруны, майтри рассуждала восточная (индийская) философия («Законы Ману»,

Йога-сутры, Махабхарата); в терминах человеколюбия, радушия – западная философия (буквально все антропологически ориентированные системы).

Декларируемое традиционными правилами привычной жизни «святое» право убивать убийцу, пытать палачей, предавать предателей вытесняется наисвятейшим правом избавлять от подобных забот человеческое существование. Помешать этому нельзя, что и должно показать в практическом разрезе – свободно развивающееся гуманитарно мужающее человечество; в концептуальном разрезе – свободно развивающаяся доктрина гуманитарно мужающей человечности.

Будущее – в упрочении великого начала «глобального гуманизма».

(С). Воюют люди – провоцируют войны государства. С незапамятных времен социальная и политическая философия решает задачу предотвращения столкновений, достижения прочного – «вечного» – мира. Принципы учреждения потребного чаемого состояния стали общим местом, едва ли не расхожим плеоназмом. Это:

- взаимное уважение территориальной целостности;
- соблюдение суверенитета;
- невмешательство во внутренние дела;
- отказ от силового решения спорных проблем;
- приверженность равенству в сотрудничестве;
- проведение линии взаимовыгодного сосуществования;
- обеспечение обоюдного доверия.

Знание «что делать», к несчастью, натывается на неумение «как сделать». По своей патовости ситуация напоминает субстанциальный провал утопии: социальное проектирование генерирует, но не объективирует живописания. В чем же дело? Дело, отмечалось выше, в рассогласовании оснастки капитальных жизнеоформляющих ниш – топосов, локусов, модусов существования: образа мышления и способа вершения сущего. Одно – идеальная модель – отрешенный умозрительный меон («иное», «относительное небытие» – «вечная женственность», «недостижимая святость» и т. п.); другое – реальная явленность, где не достигается совпадения сущего с «несущим». В своей несомненной дуальной оппозиционности вместе им не сойтись (оттого – трагедия теоретизма в казусе того же Н. М. Минского, вырождающего «религию будущего» в невнятные (в духе «Эн-соф» каббалистов [Соловьев 1917: 267]) околофилософские разговоры [Минский 1905] об экстатическом откровении).

Требуется медиатор. Им, пользуясь абстрактным языком теории моделей, выступают семантика возможных миров (СВМ) и интерпретация реализуемости (ИР), варьирующие онтологические параметры социально-политического сущего по вектору гибкой представимости (выполнимости, достижимости).

Известные истории международных отношений программы «справедливого» миропорядка (МП) (в случайной выборке) Александра I; Брандта – Брежнева (перепи́санная для генерального секретаря ЦК КПСС платформа «Воля к миру» немецкого канцлера); общечеловеческих ценностей (заимствованная у American Humanist Association. Humanist Manifesto горбачевская платформа «нового мышления») страдают частичностью.

Нетривиальная проблема, решение которой вменяется СВМ и ИР, – преодоление частичности в реализации универсальности: всеобщий «вечный» мир не может не быть *pax orbis terrarum*. В противном случае каждое его проективное

исполнение будет дезавуироваться уничтожающим «паллиативность», «сингулярность».

С соизволения Минервы, поскольку, по настоянию Августина, мир есть неизблемость порядка, добиваться мира следует в обход конъюнктурных комбинаций типа *Pax Romana, Sovietica, Teutonica, Americana, Britannica* и т. п.

Диспозиция «мира Божьего», «превыше всякого ума» [Фил. 4; 7] прокламирована посланием апостола Павла филиппийцам и принята руководством к действию французским Синодом в Шарро (1989 г.). Угроза церковного отлучения как кара по недопущению, прекращению войн серьезна, но не обязательна вследствие релятивизации образных сцепок «война – зло», «мир – добро». Дело в невозможности соблюдения категоричности санкций по причине семантической эрозии содержания базовых когний: в одних категориальных системах отсчета мир – «победа», в других – «поражение».

Продумывая атрибуцию «универсальности», в трактате «К вечному миру. Философский проект» И. Кант использовал коронную лексему «априорность». При всей неуклюжести схемы выискивать твердые основания опытных явлений в сверхопытных факторах в чем-то Кант прав. Во-первых, в том, что измерение потенциальных взаимопетензий по части организации любого МП заинтересованными агентами международной жизни недопустимо произвольно (эмпирически) вводимыми мерами: каждый не может быть сам себе судьей. Во-вторых, в том, что непрременность, безусловность исполнения принятых на себя обременений не может покоиться на факультативно (эмпирически) вводимых ручательствах. От любых и официально даваемых в письменной форме обещаний, хорошо известно, отказываются (выход США из договора по ПРО; нарушение ФРГ, Францией взятых на себя обязательств по выполнению Минских соглашений).

Суть в гарантиях, не позволяющих поднимать градус напряженности в случае эскалации конфликтности.

Из сказанного правильно удержать во внимании идею идеальной (виртуальной) онтологии (возможного абстрактного мира), в отношении которой разворачивается потенциал СВМ, ИР. Применяя пакет сильнейших абстрагирующе-экстраполирующих приемов, получаем стереоскопию искомого МП.

Всеобщий «вечный» мир характеризует «всечеловечество» в его:

- негосударственной, сверхнациональной форме, передаваемой конструкцией сообщества – не государств, федераций! – ассоциации («семьи» в отечественной традиции), союза народов (ошибался И. Кант, использовавший в данном контексте понятие «государство» [Кант 1994: 22]);

- всегражданской форме, передаваемой (космополитичной – без привкуса одиоза) конструкцией всемирного гражданства;

- сверхправовой форме, передаваемой конструкцией примата морализма над политизмом с избавлением последнего от интриганского *divide et impera* с макиавеллиевско-талейранским двурушием («будьте хитроумны, как змеи», притворяясь «чистыми, как голуби») под личиной благообразия преследовать неблагоприятные цели;

- полновластной форме, передаваемой конструкцией самоорганизуемого ансамбля.

Являющееся достоянием будущего – состояния глобального гуманизма снимает многие по сию пору не решенные чувствительные проблемы общечеловече-

ского развития: несправедливости, неравенства, принуждения, насилия; немаловажно, что оно продвигает в ответе на извечный вопрос человеческого призвания. Для чего человек является в свет божий? Полноты счастья. В настоящем социально-политическая философия, футурология комбинируют количественными мерами счастья в виде комплексных показателей:

– валовое национальное счастье – на основе государственной идеологии Бутана, центрирующей устойчивое хозяйственное развитие, охрану окружающей среды, причастность национальной культуре, эффективность управления [Розенберг и др. 2024: 134];

– международный индекс счастья (Happy Planet Index HPI), представляющий агрегацию:

а) благополучия (*wellbeing* – W) – самочувствие респондентов по удовлетворенности жизнью по 10-балльной шкале: «худшее – лучшее состояние»;

б) ожидаемая продолжительность жизни (*life expectancy* – LE) в каждом государстве по программе развития ООН;

с) «экологический след» (*ecology footprint* – EF) – обеспечивающие пропитание глобальные гектары земли в расчете на человека;

д) неравенство результатов (*inequality of outcomes* – IO) между людьми в пределах каждого государства (благополучие, продолжительность жизни в регионах одной страны).

Искомая формула: $HPI = W \cdot LE \cdot IO / EF$ [Там же: 134–135].

Частичность данных подходов, определяемая учетом несопоставимых по фактическим условиям проживания возможностей разных народов и отдельных людей внутри них, не позволяет положительно решать проблему счастья, плодя сумбурные пикировки «сад – джунгли», «золотой – черный миллиард», усугубляя взаимопетензии (вплоть до причудливого, впрочем, кратковременного испрашивания прощения за некогда допущенные прегрешения белых у черных), без задней мысли, но сея гроздь гнева с намерением нанести подчеркнутый *coup de grace*; недооценивает роль духовно-ценностных атрибуций в качестве устремлений на совершенное сущее. (Опуская и то, что объективный прогресс мирового сообщества вынужден как-то сглаживать диспропорции, фиксируемые параметрами EF, IO, – например, введением налогов на компенсацию отсталости – сбор со стран гудленд в пользу стран бедленд.)

Счастье человеческое – в полноте самореализации, достигаемой всесторонним саморазвитием, твердую почву обеспечения которого уготовливает гуманистическая глобальная самоорганизация, версифицируемая полномерной доктриной продуктивного жизнедействия, где целевые индивидуальные сосредоточения корреспондируют ценностным родовым требованиям.

Литература

Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990.

Булгаков С. Н. Соч.: в 2 т. Т. 2. М. : Наука, 1993.

Ильин В. В. Философия истории. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003.

Ильин В. В. Аксиология. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2005.

Ильин В. В. Философия. М. : Проспект, 2018.

Ильин В. В. Теория познания: Критика инструментального разума. *Speciosa miracula*: тотальный мировейник. М. : Проспект, 2019.

Ильин В. В. Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен. М. : Проспект, 2022.

Ильин В. В. Российская империя. Отжившее и живое. М. : Проспект, 2023.

Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000.

Ильин В. В., Кокоева И. А., Родин П. Н., Шафигуллина Т. В., Яловенко Я. В. Философия глобализма: сценография *Homo aestimator* // Век глобализации. 2024. № 1. С. 22–34.

Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М. : Чоро, 1994.

Минский Н. М. Религия будущего (Философские разговоры). СПб. : М. В. Пирожков, 1905.

Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. // Литературное наследство. Т. 83. М. : Наука, 1971.

Розенберг А. Г., Кудинова Г. Э., Розенберг Г. С. Экотопия, соляртопия и другие футуристические сценарии: куда идем? // Век глобализации. 2024. № 1. С. 127–139.

Соловьев Вл. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. СПб. : Изд-во А. П. Сойкина, 1917.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом. М. : АСТ, 2017.

Трубецкой С. Н. Соч. М. : Мысль, 1994.

Франк С. Л. Соч. М. : Правда, 1990.

Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М. : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1907.

Яковец Ю. В. История цивилизаций. М. : ВлаДар, 1995.

Blumer H. Sociological Implications of the Thought of George Herbert Mead // *American Journal of Sociology*. 1966. Vol. 71(5). Pp. 535–544.

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ*

Мамедова Н. М.**

В статье раскрываются структура и механизмы формирования российской идентичности в условиях трансформирующего воздействия современных социально-политических реалий. Осмыслен концепт «российская идентичность» как отражение смысловой преемственности российской истории, этнополитических процессов, интеллектуальных, этических, эстетических интенций, образующих его семантическое пространство. Выявлены основные противоречия в структуре национального самосознания. Российская идентичность представлена как форма социальной организации общества, как мощный мобилизационный политический и социальный ресурс. Проблема идентичности как механизм коллективного и индивидуального самоопределения и политической мобилизации приобретает особое значение в условиях противостояния глобализации как средство сохранения национальной самобытности, как личностные императивы должного поведения. Определены наиболее эффективные социоорганизующие стратегии, которые способны обеспечить национальную идентичность в условиях современного геополитического разлома мира. Показано, что одной из возможных концептуальных моделей реконструкции российской идентичности является евразийский проект.

Ключевые слова: идентичность, спонтанные и сознательные порядки, территория, политическая дифференциация, евразийство, «невидимые практики власти».

RUSSIAN IDENTITY: SOCIO-CULTURAL CONTEXT

The article reveals the structure and mechanisms of formation of Russian identity in the conditions of transformative impact of modern socio-political realities. The concept of 'Russian identity' is comprehended as a reflection of semantic continuity of Russian history, ethno-political processes, intellectual, ethical, aesthetic intentions that form its semantic space. The main contradictions in the structure of

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки (проект № FSSW-2023-0053, соглашение № 075-03-2024-140 от 17.01.2024 (в редакции дополнительного соглашения № 075-03-2024-140/6 от 15.07.2024).

Для цитирования: Мамедова Н. М. Российская идентичность: социокультурный контекст // Век глобализации. 2025. № 1. С. 167–177. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.14.

For citation: Mamedova N. M. Russian Identity: Socio-Cultural Context // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 1. Pp. 167–177. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.14 (in Russian).

** Мамедова Наталия Михайловна – д. филос. н., профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. E-mail: natmam_5@mail.ru.

Natalia M. Mamedova – Dr. Phil., Professor of the Department of History and Philosophy of the Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: natmam_5@mail.ru.

national self-consciousness are revealed. Russian identity is presented as a form of social organization of society, as a powerful mobilization political and social resource. The problem of identity as a mechanism of collective and individual self-determination and political mobilization acquires special significance in the conditions of confrontation with globalization as a means of preserving national identity, as personal imperatives of proper behavior. The most effective socio-organizing strategies that can ensure national identity in the conditions of modern geopolitical rift of the world are determined. It is shown that one of the possible conceptual models for the reconstruction of Russian identity is the Eurasian project.

Keywords: *identity, spontaneous and conscious orders, territory, political differentiation, Eurasianism, 'invisible practices of power'.*

Национальная идентичность в современных условиях – это не только предмет теоретической рефлексии, но и мощный фактор мировой и внутренней политики государств, сохранения национального суверенитета и безопасности. Значимость проблемы российской идентичности определяется тем, что в ней выражена острая эпистемологическая коллизия, которую можно определить следующим образом – как и на каких методологических основаниях можно преобразовать эмпирически данное многообразие образов отечества и государственности в интегративный ментальный феномен, обладающий специфическими чертами, структурой и социально-политическим потенциалом. Чрезмерное использование понятия «идентичность» в разных контекстах привело к его смысловой девальвации. Это, с одной стороны, означает, что проблема идентичности является остроактуальной. А с другой стороны, поскольку смысловое пространство идентичности вследствие многовариантности интерпретаций утратило определенность, необходимо прояснить ее смысл и эвристический потенциал.

Так, немецкие исследователи Р. Брубейкер и Ф. Купер выделяют «сильное» и «слабое» понимание идентичности. «“Сильное” значение идентичности – это фундаментальные концепции, сохраняющие общеупотребительное значение термина, подчеркивающие постоянство характеристик на протяжении некоторого времени или сходство трансиндивидуальных качеств» [Брубейкер, Купер 2000]. «Слабое» значение идентичности, наоборот, отражает случайные, неоднородные, изменчивые характеристики субъекта. Поэтому авторы предлагают вообще отказаться от использования термина «идентичность» и в качестве исследовательской альтернативы выдвигают три группы терминов: «идентификация и категоризация; самопонимание и социальная ориентация, общность, связанность, групповая принадлежность» [Там же]. Очевидно, что такая исследовательская новация лишь умножает сущности (Бритва Оккама). Все группы терминов, предложенные вместо одного, имплицитно содержатся в смысловом пространстве концепта «идентичность», отражают различные модусы идентичности.

Французский социолог Пьер Нора пытается объяснить «секрет загадочного, вызывающего к объяснению успеха... идентичности» [Нора 2005], точнее, социальной идентичности, которую он понимает как синоним социальной памяти. Сближение памяти и идентичности объясняется следствием новых механизмов «исторической и социальной динамики». Исследователь считает, что «торжество памяти» и идентичности возникает на пересечении двух исторических явлений – ускорение социального времени и «демократизация» общества. Ускорение време-

ни означает, что устойчивым и постоянным становится изменение. Это элиминирует линейный образ времени (прошлое – настоящее – будущее). Прошлое не успевает кристаллизироваться в устойчивые социальные феномены, будущее еще более неопределенно, чем настоящее. Поэтому современная культура стремится запечатлеть стремительно меняющуюся действительность в различных артефактах памяти (музеи, архивы, памятные даты и т. п.). Отличительной особенностью современности становится все более интенсивное использование прошлого – политическое, туристическое, культурное. Это «мемориальное изобилие» – следствие того факта, что прошлое утратило единый смысл и что настоящее, наделенное историческим самосознанием, неизбежно узаконивает множественность возможных версий прошлого [Ассман 2004; Нора 2005]. Демократизация общества также является причиной идентификационного бума, вызвав к жизни множество новых независимых государств, которые стремились самоопределиваться, обозначив свою идентичность, используя реальное или вымышленное прошлое.

В течение трех последних столетий вопрос о сущности российской культуры, ее месте в мировой истории, ценностях, составляющих ее ядро, находится в фокусе интеллектуальной рефлексии. Это можно объяснить исключительной социально-исторической силой идеи национального самоопределения, которая в современном дискурсе и обозначается термином «идентичность». Тем более что «под влиянием глобализации возникает потребность научной рефлексии оснований культурного синтеза, органично сочетающего общечеловеческие и национальные компоненты многоконфессионального и поликультурного общества, каковым является Россия» [Мамедова 2019: 134]. Теоретическая репрезентация проблемы российской идентичности возможна на основе междисциплинарного синтеза разнообразных гуманитарных дискурсов, сочетания натуралистической, социальной и экзистенциальной парадигм, позволяющих отразить ее многослойность. Конвергенция эвристических потенциалов и методологических установок социальной философии, политологии, социологии, этнопсихологии может создать релевантную базу для изучения проблем российской идентичности.

Значение проблематики цивилизационной идентичности определяется не только теоретическими потребностями, но и практическими социальными задачами политической мобилизации общества, сохранения преемственного континуума культуры, создания единого образа отечественной истории, который минимизирует возможность различных толкований, разрывающих общественное самосознание. На основе дискурс-анализа текстовых материалов, отражающих устойчивые ценностно-смысловые интенции относительно политического и культурного самоопределения России, в статье выявляются тенденции российского национального самосознания. Концепт «российская идентичность» создает эпистемологический ресурс для выявления природы и способов объективации субъективности, создает универсальные основания консолидации субъектов в противовес тенденциям социальной атомизации.

В течение трех последних столетий вопрос о сущности российской культуры, ее месте в мировой истории, ценностях, составляющих ее ядро, находится в фокусе интеллектуальной рефлексии. Это можно объяснить исключительной социально-исторической силой идеи национального самоопределения, которая в современном дискурсе и обозначается термином «идентичность». Дискурс идентично-

сти в ретроспективном измерении претерпел инверсию от понимания ее как самоидентичности личности к различным формам коллективной идентификации. Самый широкий уровень культурной идентификации – цивилизационный. «Цивилизация – это культурная целостность самого высокого уровня, которая определяется общими объективными элементами (история, язык, религия, социальные институты, традиции) и субъективной самоидентификацией» [Мамедова 2019]. Сущность понятия «идентичность» образует антиномия тождества и различия (уникальности), благодаря которым она сводит воедино или дифференцирует. Идентичность образуется на основе пересечения, взаимодействия двух разнонаправленных потребностей – в принадлежности и выделении субъекта как автономной сущности.

Как формируется национальная идентичность? По определению, национальная идентичность связана с феноменом нации. Следовательно, процессы формирования идентичности определяются закономерностями формирования нации. Но смысловое пространство понятия идентичности отражает также весь историко-культурный контекст, который предшествует становлению нации. В условиях полиэтнического государства, каковым является Россия, другим важным фактором сложения общероссийской идентичности является межкультурная коммуникация. Формирование национальной идентичности основано на диалектике спонтанных и сознательных порядков. «Спонтанные порядки» – это объективные основы формирования идентичности, результат естественно-исторического процесса. «Спонтанные порядки» в отличие от «сознательных» складываются в ходе органического эволюционного процесса, координация в них осуществляется не на основе сознательной цели, а на основе соблюдения общих универсальных правил поведения [Там же]. Они являются продуктом социальных привычек, традиций.

Традиция выступает формой закрепления, кристаллизации прошлого. Она, как правило, представляет кодификацию прецедента или предписания. Любая культурная форма (демонстративная или императивная) имплицитно или эксплицитно содержит смысловой контекст, который передается через нее и тем самым обеспечивает историческую преемственность культуры. Каждая культурная норма, кроме непосредственного содержания (поведенческий образец, предписание), содержит идеальное, абстрактно-всеобщее содержание, вследствие чего они становятся культурными универсалиями, в которых отражается логика самовоспроизводства культуры.

Принцип территориальности лежит в основе идентификационного процесса. Территория является экономической, политической, социальной и культурной реальностью, образовавшейся под влиянием физического пространства, совместной деятельности, общей истории и культуры народов, ее населяющих. «Пространство представляет собой реальный и потенциальный ресурс жизнедеятельности людей, который используется для разрешения проблемных ситуаций и преодоления кризисов, является основой воспроизводства этносов и личности» [Мамедова 2012: 17], формирования нации. Территориальная общность определяет культурное своеобразие, это пространство постоянно воспроизводящихся взаимодействий различных народов, их диффузии, проявляющейся на различных уровнях существования (быт, традиции, язык).

Евразийство, идеи которого в свете современной аксиологической неопределенности, размытия основ национального самосознания приобретают современные коннотации, как раз основано на признании территории как определяющего фактора культурной и политической интеграции. Классики евразийства отрицали «идеальность», «абсолютность» западноевропейской культуры, правомерность «европоцентризма» в целом и обосновывали особый, интегративный путь развития России [Мамедов 1997: 540].

Поэтому, как нам представляется, одной из возможных концептуальных моделей реконструкции российской идентичности является евразийский проект. «Итак, евразийский мир представляет собой замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое, отличное как от собственно Европы, так и от собственно Азии. Сама природа указывает народам, обитающим на территории Евразии, необходимость объединиться в одно государство и создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом» [Трубецкой 1999: 139].

Эмоционально переживаемое пространство жизни образует семантику слова «Родина», которая отражает первичный смысл национальной идентичности. Если пространство имплицитно связано символизацией ценности родины, то прошлое отражает биографию нации в ее представлениях о себе.

Для понимания объективных оснований формирования национальной идентичности эвристической ценностью обладает концепция жизненного мира, разработанная в рамках феноменологического подхода. Это понятие было предложено Э. Гуссерлем как проекция феноменологии на проблематику социальных наук и наук о человеке. Жизненный мир – это мир повседневности, из которого произрастают все наши представления и ценности. Идентичность, ценности, образующие ее смысловое пространство, являются продуктом повседневной жизни людей. Одновременно понятие жизненного мира создает возможность истолкования не только рациональных, но и эмоциональных и иррациональных компонентов ценностного сознания. Жизненный мир состоит из очевидностей опыта субъектов и предшествует всякой рациональной рефлексии, обладает структурой, в которой ценности играют конститутивную роль. Сложение российской идентичности происходило на основе общего жизненного мира, в ходе повседневного взаимодействия народов, живущих в России, обмена опытом, культурными традициями. «Русское племя создавалось не путем насильственной русификации инородцев, а путем братания русских с инородцами. И всюду, где русский народ в этом отношении был предоставлен самому себе, он продолжал эту национальную традицию братания даже и в императорский период» [Там же: 132]. Самобытная российская культура и самосознание собственной самобытности складывались в результате естественно-исторического процесса взаимодействия народов и культурной диффузии.

Однако, кроме объективных «стихийных порядков», национальное самосознание предполагает рефлексивную деятельность социальных субъектов. «“Спонтанные порядки” в отличие от “сознательных” складываются в ходе органического эволюционного процесса, координация в них осуществляется не на основе общей цели, а на основе соблюдения общих универсальных правил поведения. Они являются продуктом социальных привычек, традиций.

“Сознательные порядки” – результат действия социальных акторов – образуют переменную величину миропорядка, связаны с процессом конструирования традиций. Новые традиции становятся средством легитимации власти, базой корпоративной, личной и макроидентичности» [Мамедова 2019]. Это связано с деятельностью элит (интеллектуальных, политических), и механизм воздействия этой деятельности можно объяснить, в частности, «эффектом оракула» (П. Бурдьё). «Эффект оракула – это эксплуатация факта трансцендентности группы по отношению к отдельным индивидам... Этот парадокс монополизации коллективной истины вообще лежит в основе символического принуждения: я являюсь группой, т. е. коллективным принуждением, принуждением коллектива по отношению к каждому его члену» [Бурдьё 1993]. С нашей точки зрения, для прояснения сущности этих процессов также представляется продуктивной идея М. Фуко о микрофизике власти, согласно которой формирование современных субъектов происходит при помощи «невидимых практик» власти [Фуко 2006]. «Невидимые практики» элит используют прошлое для легитимации власти. Прошлое становится источником, своеобразным резервуаром, из которого черпаются обосновывающие настоящее идеи, события, которые претендуют на нормативность и непреходящую значимость, наделяя настоящее ценностью и смыслом, образуя смысловое пространство идентичности.

Коллективная память, питающая идентичность, может существовать не только в иконической, образной форме, но и в нарративной – предания, пословицы, идиомы. Эти идеи и события канонизируются в виде традиций, обрядов, ритуалов, закрепляются системой образования, праздниками. Ритуальное повторение прошлого в его различных объективациях обеспечивает единство пространства и времени культуры. Таким образом прошлое становится настоящим, входит в общественное сознание и образует ценностную основу идентичности.

Образ идентичности формирует положительные автостереотипы, отталкиваясь от стереотипов «чужих» культур как негативных и минимизируя внутренние различия. Эпоха глобализации образует единое мировое пространство, порождает специфические идентификационные эффекты, получившие название «глокализации». «Локализация глобальности – отражает тенденцию осуществления глобального через локальное. В данном случае “глобальное” есть не только “интернациональное”, но и “локальное” в той степени, в какой последнее локализовано» [Robertson 1990: 16]. Глобализация, проявляясь на локальном уровне, активизирует процессы самореференции этносов, определения собственной уникальности. Универсалистские тенденции глобализации дают толчок процессам воссоздания национальной идентичности. Можно согласиться с идеей Ю. Хабермаса, что «когнитивные диссонансы», которые возникают при взаимодействии культур, ведут «при столкновении различных культурных форм к закалке национальной идентичности». С другой стороны, возникают «гибридные дифференциации, которые размывают сравнительно гомогенные жизненные формы вследствие того, что культуры отдельных стран ассимилируют всемирную материальную культуру, превратившуюся в безальтернативную» [Хабермас 2005]. В этих условиях вопросы сохранения суверенитета, безопасности, социального консенсуса, находящиеся в фокусе проблемы идентичности, оказываются в центре государственной политики. Государство создает рамки, в которых происходят процессы идентифика-

ции, устанавливаются границы, отделяющие *мы* от *они*, наше от другого. В зависимости от степени влияния и власти элит, а также активности граждан государство может обладать различной степенью гомогенизирующих усилий. Таким образом, процессы национального самоопределения и самопрезентации, помимо объективной составляющей, предполагают субъективную, сконструированную деятельностью элит составляющую.

Российская идентичность имеет сложную структуру, которую образует взаимодействие гражданской и социокультурной идентичности, синтез исторических, гражданских, культурных, духовно-нравственных ценностей. В ней отражаются противоречия и трансгрессия социальности, понимаемая как переход всех ее сущностных свойств за границы традиционного бытия. Маргинальность, текучесть, неопределенность характеризует и социальное бытие, и общественное сознание, что придает процессам идентификации гетерогенный, нелинейный характер. В общественном самосознании с определенной долей упрощения можно выделить две основные тенденции: традиционалистская и посттрадиционная, в которых отражаются социальные установки различных групп российского общества. С одной стороны, традиционалисты, ориентированные на поддержание и воспроизводство традиционных ценностей, с другой – группы, активно включенные в модернизационные процессы с превалированием либеральных установок [см.: Холодковский 2011; Работяжев 2013; Попов 2018; Бараш 2019]. Однако, как отмечает К. Г. Холодковский, происходит смешение традиционалистских и модернизационных установок современных россиян. «Иначе говоря, идентичность многих россиян, отнесенных к модернистской группе, пока не является в полной мере модернистской, а в сознание традиционалистов уже начали проникать ценности Модерна» [Холодковский 2011: 88], что свидетельствует о «лабильности нынешней российской идентичности» [Там же: 94].

Следует учитывать также, что многослойность, разнонаправленность социальных ориентаций может быть источником идентификационных конфликтов. Как справедливо утверждает М. Е. Попов, «лежащая в основании социокультурных конфликтов амбивалентность антропологических моделей коллективных идентичностей в российской культуре характеризуется противоречием, с одной стороны, традиционалистской (изоляционистской) модели, с другой – посттрадиционной (интеграционной) модели на основе гражданской идентичности и рационально-секулярных ценностей» [Попов 2018]. Н. В. Работяжев полагает, что политическая дифференциация имеет более сложную картину и отражается в формировании по крайней мере трех политических субкультур, создающих соответствующий образ российской идентичности: «либерально-гражданский (западнический), советский и национал-консервативный» [Работяжев 2013: 132]. Поскольку дивергентность общественного сознания проявляется в контексте полиэтничного, многоконфессионального российского общества, это еще более усложняет процессы формирования общей российской идентичности. «Этноконфессиональное пограничье российских республик – неотъемлемая часть культурного и политического ландшафта нашей страны. С учетом религиозной идентификации россиян, его можно рассматривать как преимущественно православно-исламское пограничье, поскольку ислам – вторая по численности конфессия в РФ» [Рыжова 2020].

В этих условиях российская национальная идентичность как интегративная сущность, основанная на гражданском консенсусе, является средством социальной консолидации и противодействия этническому негативизму и сепаратизму. В ней отражается сопричастность государству, стране, ее истории, культуре, общим целям и судьбе. Поэтому в многонациональной культуре России толерантность как генерализированный мировоззренческий принцип и нравственная позиция гармонизации межличностных отношений является системообразующим элементом общенациональной идентичности. На уровне деятельности толерантность как устойчивая диспозиция общероссийской идентичности проявляется в способности принимать другого как представителя иной национальности, культуры, религии, означает ориентацию на ненасильственное, бесконфликтное взаимодействие с другими. Толерантность может рассматриваться как показатель интеграции общества.

Аксиология российской идентичности. Общенациональная идентичность – динамическая система, в структуре которой взаимодействуют две подсистемы ценностей – гражданские и социокультурные. Гражданские ценности отражают политическую культуру общества и правосознание, понимание основ и принципов объединения граждан, знание гражданских прав и обязанностей. Поэтому правосознание является основой формирования осознанной гражданской идентичности как компонента российской идентичности. В правовом сознании отражаются ценности права: справедливость, равенство, свобода, правовое государство, разделение властей, гражданское общество и т. д. Оно призвано кодифицировать систему власти в такой степени, чтобы каждый субъект социальных отношений мог ощущать правопорядок. Модус гражданственности в российской идентичности отражает консолидацию всех народов, населяющих Россию, на основе закона, норм, уважения свободы и достоинства личности. Значимость правового сознания определяется его функцией в формировании нормативной системы общества, образа должного поведения, ценностей. Во-первых, это ценности позитивного права, регулирующие всю систему социальных отношений – законы, нормы, институты. Во-вторых, ценности, которые проявляются как личностные императивы должного поведения. В-третьих, это ценности права, определяющие его идеальный смысл как культурной универсалии, – равенство, свобода, справедливость.

Социокультурная составляющая российской идентичности как динамической интегративной системы формируется в результате общей истории, культуры (литература, искусство, наука, общее образование), межкультурной диффузии, общих целей и будущего народов, населяющих Россию. Литература и искусство через систему образования транслируют и закрепляют поведенческие модели и духовные смыслы и ценности. Социокультурные ценности отражают культурные универсалии: свободу, гуманизм, нравственные добродетели. Для объяснения оснований сложения российской идентичности представляется конструктивной идея А. Н. Чумакова о культурно-цивилизационном диалоге, когда взаимоотношения строятся на «цивилизационных основаниях», а культура выступает «фоном, андеграундом». «Потому что цивилизованность происходит от лат. *civilis* (гражданский, государственный, правовой). То есть это такие отношения между людьми,

которые основаны на признании верховенства закона, уважении прав и достоинства гражданина» [Чумаков, Оуян Кан 2024].

Смысловое ядро российской идентичности образует патриотизм. Под влиянием социально-политических реалий в структуре российской гражданской идентичности происходит процесс изменения системы ценностей, изменяется смысловое содержание традиционных ценностей. Вместе с тем для сохранения национальной идентичности необходимо воспроизводить инвариантное ядро, которое отражает преемственность культуры. В концепте патриотизма отражается представление народа о своей национальной и государственной общности, закрепленное в исторической памяти, символах и культурных артефактах. Патриотические идеи и чувства приобретают особое значение в переломные периоды истории, на этапах коренных социальных преобразований, когда ослабевают прежние механизмы политического контроля и возникают риски перехода социальных процессов в неконтролируемые деструктивные формы.

Патриотизм является мотивом и мерой ответственного поведения в сложных социально-политических ситуациях, выражает единство человека с обществом. Это интегральный показатель принадлежности гражданина к социальной системе (Отечеству, Родине, стране) и маркер самоидентификации общества в целом. В этом понятии представлены рациональный и эмоциональный компоненты национальной гордости. Патриотизм предполагает готовность граждан к активным и ответственным общественным действиям во имя процветания Отечества. Патриотизм образует культурный ресурс для формирования российской идентичности, духовную основу гармонизации и гражданского объединения общества.

Российская идентичность существует как коллективный (цивилизационный) и индивидуальный (личностный) феномен. Для понимания процессов идентификации и формирования ценностных ориентаций личности, то есть перехода от коллективной к личной идентичности, методологической ценностью обладает концепт «габитус», разработанный французским социологом П. Бурдьё [1998]. Габитусы, как пишет Н. Шматко, это интериоризация социальных отношений «в форме социально структурированных ансамблей практических схем... predisposed to function as structuring structures, generating practices and representations» [Шматко 1998: 64]. Габитус как бы спрессовывает предыдущий опыт человека, который каждый раз актуализируется в подобных условиях. Габитус предопределяет актуальное поведение в определенных ситуациях, которые уже были в прошлом и в результате повторения закрепились в нормативных шаблонах, традициях определенной субкультуры. Габитус выполняет функцию диспозиции личности, в которой содержатся личностные ценностные ориентации, интегрирован весь опыт личности, основа идентификации, как гражданской, так и социокультурной. Таким образом, самоопределение личности, ее система ценностей определяются конкретными факторами и обстоятельствами повседневной жизни индивида, всем его жизненным опытом.

Стратегия созидания единой общероссийской идентичности должна исходить из многовековых традиций общежития населяющих ее этносов и отвечать на вызовы современной эпохи. С этой точки зрения представляется, что одной из воз-

можных концептуальных моделей реконструкции российской идентичности является евразийский проект, в котором отражена специфика российской цивилизации и смоделированы перспективы ее развития. Основой ее формирования является взаимодействие объективных (территория, коммуникации, традиции, общая история) и субъективных (рефлексивная и организующая деятельность элит, активность социальных акторов) факторов.

Литература

Ассман Я. Культурная память: письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Бараш Р. Э. Идентичность и мультикультурализм. В поисках базовых категорий анализа // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 31–34. DOI: 10.31857/S004287440003615-1.

Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности». Brubaker R., Cooper F. Beyond identity // theory A. society. Dordrecht, 2000. Vol. 29. No 1. Pp. 1–47 // Политическая наука. 2005. № 3. С. 191–193.

Бурдые П. Делегирование и политический фетишизм / П. Бурдые // Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993.

Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. № 2. С. 44–59.

Мамедов Н. М. Евразийство // Хрестоматия по истории философии (русская философия): учеб. пособие для вузов: в 3 ч. Ч. 3. М. : ВЛАДОС, 1997. С. 540–541.

Мамедова Н. М. Пространство как контекст идентификации // Вестник МГСУ. 2012. № 5. С. 17–22. EDN PDBNAH.

Мамедова Н. М. Российская идентичность: спонтанное и сознательное // Российская идентичность: социокультурный контекст: сб. науч. ст. по итогам Международной научной конференции, Москва, 15 ноября 2019 г. М. : Компания КноРус, 2019. С. 9–14. EDN MРKBNE.

Нора П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] : Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 24.07.2024).

Попов М. Е. Мировоззренческие основания культуры современной России: сб. научных трудов IX Международной научно-практической конференции (Магнитогорск, 10–12 мая 2018 г.). Вып. 9. Магнитогорск : Магнитогорский гос. тех. ун-т им. Г. И. Носова, 2018. С. 169–171.

Работяжев Н. В. Российская национальная идентичность в зеркале современного отечественного консерватизма / Н. В. Работяжев // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2013. № 3(70). С. 62–84. EDN SYNZRR.

Рыжова С. В. Российская идентичность на православно-исламском пограничье // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 51–61. DOI: 10.31857/S013216250010566-5.

Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Наследие Чингисхана. М. : Аграф, 1999.

Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избр. политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2006. Ч. 3.

Хабермас Ю. Политические работы. М. : Праксис, 2005.

Холодковский К. Г. Двойственность российской идентичности // Политика. Журнал политической философии и социологии политики. 2011. № 1. С. 85–97.

Чумаков А. Н., Оуян Кан. Диалог о глобализации, культуре и цивилизации // Век глобализации. 2024. № 1(49). С. 3–21. DOI 10.30884/vglob/2024.01.01.

Шматко Н. Д. Социологическое пространство Пьера Бурдьё // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 60–70.

Robertson R. A Minimal Phase Model of Globalization // Global Culture. Nationalism, Globalization and Modernity / ed. by M. Featherstone. London : Sage Publications, 1990. Pp. 15–30.

СУВЕРЕННЫЙ ПОДХОД РОССИИ К ФОРМИРОВАНИЮ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ*

Ерохина Е. В., Максименко Е. И.**

Глобализация, при всем своем прогрессивном вкладе, ограничивает суверенитет государств и снижает роль национальных традиций и религиозных убеждений в сфере правового регулирования. Ретрадиционализация в российском обществе активизирует исследования в области правовой защиты традиционных семейных ценностей, и потому представленная научная работа отражает важный аспект современного общественно-философского дискурса. Утверждается, что российский альтермондиализм при формировании семейно-правовых ценностей максимально соответствует реальному воплощению «концепции культурного ограничения». Авторы делают вывод о том, что введение термина «традиционные семейные ценности» в качестве правовой категории нуждается в установлении их четкого перечня и наполнении их содержания и должно проходить в рамках классического или традиционного модернизма.

Ключевые слова: семейные традиции и ценности, Концепция государственной семейной политики, семья, правовая культура, права и свободы человека и гражданина.

RUSSIA'S SOVEREIGN APPROACH TO SHAPING FAMILY LEGAL VALUES IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES

Globalization, despite its progressive contribution, limits the sovereignty of states and reduces the role of national traditions and religious beliefs in the sphere of legal regulation. The re-traditionalization in Russian society intensifies research

* **Для цитирования:** Ерохина Е. В., Максименко Е. И. Суверенный подход России к формированию семейно-правовых ценностей в контексте глобальных вызовов // Век глобализации. 2025. № 1. С. 178–187. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.15.

For citation: Erokhina E. V., Maksimenko E. I. Russia's Sovereign Approach to Shaping Family Legal Values in the Context of Global Challenges // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2025. No. 1. Pp. 178–187. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.15 (in Russian).

** Ерохина Елена Васильевна – к. ю. н., доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБУ ВО «Оренбургский государственный университет». E-mail: erohina.elena2020@gmail.com.

Elena V. Erokhina – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Orenburg State University. E-mail: erohina.elena2020@gmail.com.

Максименко Елена Ивановна – к. пед. н., доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности юридического факультета ФГБУ ВО «Оренбургский государственный университет». E-mail: _maksimenko_@inbox.ru.

Elena I. Maksimenko – Ph.D. in Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Organization of Judicial and Prosecutor-Investigative Activities of the Faculty of Law of Orenburg State University. E-mail: _maksimenko_@inbox.ru.

in the field of legal protection of traditional family values, and therefore, the presented scientific work reflects an important aspect of contemporary socio-philosophical discourse. It is claimed that Russian altermondialism, in the formation of family and legal values, corresponds maximally to the actual embodiment of the 'concept of cultural constraint'. The authors conclude that the introduction of the term 'traditional family values' as a legal category requires the establishment of a clear list of them and filling their contents, and it should take place within the framework of classical or traditional modernism.

Keywords: family traditions and values, Concept of State Family Policy, family, legal culture, human and civil rights and freedoms.

Глобализация – ценности – право

В современном мире идеи, знания и информация распространяются через массовые медиа, Интернет и социальные сети, способствуя в том числе конвергенции культурных и правовых систем.

В качестве положительных последствий глобализации можно выделить взаимное влияние национальных культурных традиций на формирование универсальных ценностей, принимаемых всеми членами общества и (или) уважительно-го отношения к ценностям, существующим в других странах.

Формирование любого общества, в том числе и в России, неразрывно связано с общекультурным уровнем и нравственно-правовой культурой каждого члена общества. Мы поддерживаем позицию Н. Н. Зарубиной, рассматривающей культуру как систему ценностных ориентаций [Зарубина 2006: 2021], поскольку ценности выступают мотивационной основой личности или нравственно-правовой установкой акторов общественных отношений. Следует отметить, что ценности представляют собой культурное наследие (культурный код), лежащее в основе общества и каждого конкретного представителя этого общества.

В научной литературе категория «ценности» используется для характеристики культуры отдельных групп и членов общества с целью фиксации и исследования исторических изменений мотивационных (личностных и общественных) базовых установок.

Нравственные и моральные ценности являются качественными показателями общественного запроса на необходимость государственного регулирования отношений.

Ряд таких ценностей отражены в нормативно-правовых актах. Генеральная Ассамблея ООН в своих резолюциях не раз указывала на важное значение для международного сотрудничества «фундаментальных» и «общих основных» ценностей [Декларация... 2000; Итоговый... 2005].

В резолюциях Совета ООН по правам человека 12/21 и 16/3 говорится о «традиционных ценностях человечества» и «наборе ценностей, принадлежащих всему человечеству»¹.

¹ 2. 2 п. 27 Предварительного исследования по вопросу о поощрении прав человека и основных свобод путем более глубокого понимания традиционных ценностей человечества, подготовленного профессором В. А. Карташкиным, докладчиком редакционной группы Консультативного комитета Совета по правам человека. Генеральная Ассамблея ООН A/HRC/AC/8/4 от 12 декабря 2011 г.

Глобализация права представляет собой сложный процесс, обусловленный согласованием норм и принципов, регулирующих отношения, возникающие между субъектами права, между всеми суверенными акторами в рамках международного правового пространства. Исторически глобализацию права рассматривали в правовой доктрине как сопутствующее явление глобализации рынков и деловой практики транснациональных корпораций. В международной торговле стороны, заключая контракты, определяли право, применимое к договору, в соответствии с которым будет разрешаться спор между ними. Глобализация права включает принятие международных правовых договоров, конвенций, регламентов и создание органов по стандартизации правовых процедур и контролю над их соблюдением.

Целью глобализации права является установление общих норм и принципов, которые могут быть применены на международном уровне для юридического решения проблем и конфликтов, а также для защиты прав и справедливости. Глобализация права основана не только на унифицированных нормах международного права, но и на уважении и признании культурных традиций и правовых институтов различных государств.

Негативные последствия глобализации права следующие: во-первых, глобализация приводит к частичному ограничению суверенитета государства в связи с принятием правил международных организаций (например, ВТО с политикой свободного рынка и необходимостью диверсификации национальной экономики); во-вторых, глобализация ведет к снижению роли национальных традиций, религиозных воззрений в правовом регулировании.

Традиционные ценности – культурное наследие стран

Все человеческие цивилизации имеют свою уникальную систему ценностей, которой они придерживаются и которую передают из поколения в поколение.

Стержневым для существования национального государства было понятие идентичности, связанной с культурными особенностями, исторической памятью и «общей судьбой» данного народа [Спиридонова 2020]. Согласимся с мнением В. И. Спиридоновой о том, что констатируемый европейцами «провал» интеграционной политики и практики мультикультурализма фактически ставит предел монополии «общечеловеческого» и моноцентричного мира. Открывается перспектива создания полицентричной структуры мирового сообщества, идею которого артикулировала Россия [Там же].

Интерес к традиционным ценностям, который в настоящее время фиксируется, можно объяснить не только как «внезапный» или «неожиданный» феномен, но и как проявление философского и культурного наследия, заложенного в различных обществах в различные временные периоды. Так, еще в 1997 г. С. Х. Шварц [2012], анализируя отношение к моральным ценностям в странах Восточной и Западной Европы, установил, что в Восточной Европе, несмотря на разнообразие наций и народностей, граждане воспринимают в качестве ключевых ценностей консерватизм и иерархию, позволяющие, как им кажется, адаптировать современную реальность.

Традиционные ценности могут быть охарактеризованы как коллективное наследие убеждений и моральных принципов, передаваемых через поколения внутри определенного общества и представляющих собой фундаментальные ориентиры, формирующие основу для общественной идентичности и культурного наследия.

При этом мировое пространство характеризуется общими ценностными ориентирами, которые служат базовым набором ценностей для различных государств. В качестве примера можно привести такие глобальные ценности, как материнство, детство, жизнь, достоинство, образование и т. д.

Однако «пакет традиционных ценностей» каждого отдельного государства уникален и определяется исторической памятью, особенностями геополитических вызовов, степенью сформированности гражданской позиции и степенью адаптивности населения этого государства к различным стрессовым ситуациям.

Традиционные ценности конституируются двумя составляющими – традициями и ценностями. Подвергаясь трансформации, они от фундаментальных философских вопросов интерпретируются в контексте правового дискурса и перемещаются в рамках понятий «правовые ценности» и «правовые традиции».

Семейные ценности, наиболее значимые и важные для большинства людей, во все исторические эпохи обеспечивались защитой и поддержкой государства – семейно-правовые ценности.

Семейное право каждого государства имеет свои национальные особенности, которые помогают сохранять семейные традиции и культуру. В научной литературе сформировалась концепция «культурное наследие страны» или «культурное ограничение» [де Оливейра 2002]. Согласно данной концепции, культурное и историческое разнообразие семейных традиций, религиозные воззрения являются непреодолимым препятствием на пути унификации семейного права. Так, Отто Кан-Фройнд негативно отзывался об идее гармонизации семейного права стран ЕС, считая такую идею «безнадежным вопросом» [Кан-Фройнд 1974]. Оле Ландо, «отец» первого проекта по гармонизации, сделал в 2006 г. заявление: «Семейно-правовые акты стран ЕС отражают национальный характер, доминирующую религию, традиции, семейные вопросы, которые связаны с экономическими и социальными условиями каждой страны». По этим причинам Ландо считал, что невозможно осуществить гармонизацию семейного законодательства.

Согласимся, что институты и категории семейного права подвержены воздействию моральных, религиозных, политических и психологических факторов. Из-за различий в историческом, расовом, социальном и религиозном контекстах семейные ценности в разных странах различаются, что приводит к формированию отдельных и независимых правовых систем в области семейного права для каждой из них.

На наш взгляд, потребность в фрагментарной унификации некоторых аспектов семейного права существует, особенно в ситуациях, где возникают конфликты между разными культурами или при миграции населения. Гибкий и сбалансированный подход, учитывающий культурное и историческое разнообразие, способствует обеспечению справедливости и защите прав семей в многонациональных и многокультурных обществах, позволяя создать фундамент для разрешения конфликтов и защиты прав всех семей, независимо от их культурного или религиозного бэкграунда.

Ретрадиционализация – социологические данные – нормы права

Популяризация ретрадиционализации в российском обществе актуализировала исследования на стыке таких наук, как история, право, социология, в отношении традиционных семейных ценностей.

Семья, рассматриваемая как «маленькая республика», и ее благополучие оказывают влияние на процветание государства путем формирования многочисленного, здорового и образованного населения, преданного ценностям, способствующим гармонии в обществе.

Хотя наша исследовательская задача в данной работе сосредоточена на других аспектах, стоит отметить, что разработка правового понятия «семья» в России представляет определенные сложности, обусловленные этническим, культурным, религиозным и региональным разнообразием населения страны.

Обсуждение духовно-нравственных ценностей не является реакцией на политику Запада, поскольку внутри России существует интеллектуальная тенденция надеяться на «традиционалистский интернационал», и она не совсем необоснованна [Митрофанова 2019]. Но масштаб и значение этих связей преувеличиваются как их участниками, так и исследователями.

Нельзя не отметить, что в течение длительного времени от общества в Российской Федерации поступал запрос на формирование концепции семейных ценностей. В рамках правового научного пространства анализируются запросы, связанные с развитием государственной политики в области семейных институтов, социального обеспечения и конституционных прав человека, включая личную свободу, автономию и право на неприкосновенность частной жизни.

Государство также реагирует на этот запрос. Так, еще в 2019 г. в своем послании президент РФ объявил: «Ключевая задача – сбережение народа и поддержка семей. Мы делали и будем делать все для укрепления семейных ценностей» [Послание... 2019].

На современном этапе в Российской Федерации требуется разработка концепции традиционных семейно-правовых ценностей, которая отражает современную систему прав и свобод человека и гражданина, включая равенство прав супругов и признание ребенка субъектом права. Однако также важно сохранить традиционные семейно-правовые ценности России, например: брак как союз мужчины и женщины, признание преимущества прав родителей в вопросах воспитания ребенка и т. д.

Полагаем, что для дальнейшего изучения необходимо обратиться к социологическим данным, представленным в рамках всемирного научно-исследовательского проекта World Values Survey (Всемирное исследование ценностей, WVS). Данный проект изучает ценности и убеждения людей во всем мире в различные исторические отрезки начиная с 2005 г.

21 июля 2021 г. опубликована седьмая волна данных WVS, собранных за 2017–2020 гг. [Всемирное... 2022]. В 2023 г. также были представлены результаты исследований за 2005–2022 гг. Показатели России в принципе остались неизменны. Согласно результатам данного отчета, показатели по России на 2022 г. находятся по шкале традиционных/секулярно-рациональных ценностей в центре, но тяготеют к секулярно-рациональным; а по шкале выживания/самовыражения РФ относится к странам, население которых более поддерживает ценности выживания. При этом нельзя не отметить, что граница от нейтральной точки на обеих шкалах – 0,50. Российское общество относится к обществам с высокими показателями по светско-рациональным ценностям и ценностям выживания.

Рассмотрим нормативную базу, отражающую легитимное понимание и содержание семейных ценностей.

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее по тексту – Указ об Основах) раскрывает юридическое понятие традиционных ценностей – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России [Об утверждении... 2022].

Сохранение и укрепление традиционных ценностей должно осуществляться по ряду направлений, одним из которых является «совершенствование форм и методов воспитания и образования детей и молодежи в соответствии с целями государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей». Анализ Указа об Основах позволяет сделать вывод о том, что данное направление должно быть реализовано в основном силами государственных образовательных учреждений. Однако, учитывая, что СК РФ определяет родителей в качестве основных субъектов воспитания детей, предполагаем, что и законные представители также должны будут принимать активное участие в этом процессе. Данное предположение подтверждает и заявление министра просвещения С. С. Кравцова о том, что внеурочные занятия «Разговоры о важном», которые начали организовывать в российских школах с сентября 2022 г., будут проводить и для родителей [Баласян 2022].

В указе президента РФ подчеркивается роль религии и в особенности православия в формировании традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан, что позволяет сделать вывод об определенном религиозном сегменте достаточно светского определения традиционных семейных ценностей.

В настоящее время принята и действует Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. (далее – Концепция), которая также закрепляет перечень традиционных семейных ценностей. Анализ российского законодательства и научной литературы позволяет нам сделать вывод о том, что к традиционным семейным ценностям в России относятся: крепкая семья, институт брака как союз мужчины и женщины, многодетность, обеспечение преемственности поколений, ответственное и компетентное родительство, забота о достойной жизни старшего поколения.

Мы приходим к понятию «ответственное и компетентное родительство» на основании анализа Концепции и Указа об Основах. Деятельность родителей в данном случае направлена на целевое воспитание несовершеннолетних детей, включая формирование у них патриотизма, гражданственности, государственности и уважения к религиям, заботы об экологии и т. д. В рамках государственной политики Российской Федерации предполагается «повышение педагогической культуры родителей» и «обеспечение молодым родителям возможности получать необходимые знания для воспитания детей».

Считаем, что введение термина «традиционные семейные ценности» в качестве правового понятия требует не только установления четкого перечня этих традиционных ценностей, но и наполнения их содержания. Содержание должно отражать как исторически сложившиеся ценности, так и социальные изменения, которые происходят в современном обществе.

Диссеминация знаний о семейно-правовых ценностях необходима, поскольку является определяющим фактором повышения осведомленности членов семьи об обязанностях и ответственности, развития правовой культуры в обществе и сохранения гражданской идентичности.

Возьмем в качестве примера такую семейно-правовую ценность, как «обеспечение преемственности поколений». Несомненно, в данном случае речь идет в том числе и о взаимоотношениях бабушек и дедушек с внуками. Согласно ст. 67 СК РФ, дедушка и бабушка, братья и сестры, другие родственники (то есть перечень не исчерпывающий) имеют право на общение с ребенком. Более того, в п. 2 и 3 ст. 67 СК РФ закреплены меры государственного принуждения в случае, если кто-то из родителей препятствует такому общению. Старшее поколение вправе обратиться в суд с иском об устранении препятствий к общению с ребенком. За неисполнение решения суда предусмотрена и административная ответственность (ч. 2, 3 ст. 5.35 КоАП РФ).

Но, как ни прискорбно, мало людей, которые знают об этом праве, более того, если развод родителей был эмоционально и морально сложным, родитель, с которым проживает ребенок, прикладывает максимум усилий для препятствования в общении ребенка со старшим поколением со стороны родителя, проживающего отдельно от ребенка. Так, согласно материалам дела 2-2253/2018 Вологодского городского суда отец ребенка препятствовал общению бабушки с внуком. При этом бабушка работает, имеет в собственности трехкомнатную квартиру и ранее беспрепятственно общалась с внуком. Основной причиной категорического нежелания отца, чтобы ребенок общался с бабушкой, послужил тот факт, что в квартире бабушки снова стала проживать мать ребенка. По словам ответчика, мама «допускает безответственное поведение в отношении ребенка: уезжает на продолжительное время, оставляя ребенка на проживание с бабушкой, курит, употребляет алкоголь и наркотики». По его мнению, общение с матерью, а также с бабушкой, которая не осуждает поведение своей дочери, может негативно воздействовать на ребенка. Суд частично удовлетворил исковые заявления бабушки, предоставив ей время для общения с ребенком [Об удовлетворении...].

Однако большинство представителей старшего поколения не знают своих прав и механизмов их защиты. Полагаем, что для сохранения и соблюдения такой семейно-правовой ценности, как «преемственность поколений», можно внести изменения в СК РФ и ГПК РФ, установив обязанность суда при рассмотрении дела о расторжении брака при наличии несовершеннолетних детей привлекать в качестве лиц, заявляющих самостоятельные требования, бабушек и дедушек. Конечно, если они сами не захотят реализовывать свои права на общение с ребенком, то смогут заявить об этом в суде. В иных случаях суд должен будет установить соответствующий график общения. Первый кассационный суд общей юрисдикции сделал в своем обзоре судебной практики принципиально важное разъяснение: нижестоящие инстанции должны четко прописывать порядок общения ба-

бушек и дедушек с внуками. Недосказанности в судебном решении ведут к скандалам, а суд не должен ставить старшее поколение в неловкое положение. Более того, поскольку мы говорим о «возрастном поколении», полагаем, суд должен убедиться в том, что бабушки и дедушки понимают механизм принудительного исполнения решения суда.

Правоприменительная практика пока не дает ответа на вопрос о том, какие действия должны совершить судебные приставы для принудительного исполнения решения суда о порядке общения старшего поколения с ребенком.

Выводы

На наш взгляд, в России общество находится в моменте выбора дальнейшего пути по определению семейно-правовых ценностей будущего. Россия не отвергает традиционную мораль или современность, но переосмысливает их в соответствии с собственными традициями, целями развития и стремлением к культурной самобытности и аутентичности. Так, например, ряд европейских, азиатских ценностей могут быть несовместимы с традиционной мусульманской культурой, но это не означает, что большинство в мусульманских обществах воспринимает свою культуру как «отсталую» или препятствующую их общественному благополучию. Напротив, большинство православных и мусульманских обществ подтверждают свои культурные ценности и воспринимают их позитивно.

Анализ российского законодательства позволяет нам сделать вывод о том, что к традиционным семейно-правовым ценностям относятся: крепкая семья, институт брака как союз мужчины и женщины, многодетность, обеспечение преемственности поколений, ответственное и компетентное родительство, целевое воспитание несовершеннолетних детей (патриотизм, гражданственность и государственность, уважение к религиям), забота о достойной жизни старшего поколения.

В эпоху глобализации перед Россией в процессе формирования семейно-правовых ценностей возникают следующие вызовы:

1. Влияние западных ценностей: процесс глобализации значительно изменил ориентиры в отношении семейно-правовых ценностей, которые противоречат отдельным традиционным ценностям и нормам, присущим нашей стране. В силу этого возникает общественное стремление к определению и защите национальных и культурных ценностей без потери при этом открытости и готовности к диалогу с мировым сообществом.

2. Разнообразие и многообразие семейных моделей: глобальная миграция, изменение роли женщины в обществе и изменение представлений о семье приводят к появлению различных семейных моделей. России потребуются разработать гибкую систему правовой защиты института традиционной семьи, учитывая религиозное, культурное и этническое разнообразие населения и обеспечивая равные права и защиту для всех.

3. Информационные технологии и Интернет: глобализация информационных технологий, особенно Интернета, повышает доступность информации о различных семейных моделях и их правовом закреплении в других странах. Это может повлиять на представления и ожидания молодого поколения в отношении семьи и права. Следовательно, потребуется разработка соответствующего законодательства и государственной политики для своевременного реагирования.

4. Международное сотрудничество и стандарты: Россия участвует в международных организациях и заключает международные договоры в области семейного права. Необходимо исследовать возможности применения международных стандартов и обязательств с учетом традиционных семейных ценностей России.

5. Решение проблем в области сохранения и укрепления традиционных ценностей должно осуществляться по ряду направлений, одним из которых является «совершенствование форм и методов воспитания и образования детей и молодежи в соответствии с целями государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей», осуществляемых государственными образовательными учреждениями и законными представителями несовершеннолетних.

6. Введение термина «традиционные семейные ценности» в качестве правового понятия нуждается не только в установлении их четкого перечня, но и в наполнении их содержания, а также в трансформации не только норм СК РФ, но и правоприменительной практики.

Нельзя забывать и о том, что, несмотря на все достоинства традиционных семейных ценностей, их содержание должно соответствовать современному представлению о «хорошем» и «плохом». Мы сомневаемся, что в настоящее время в принципе возможно юридически закрепить главенствующий правовой статус мужа взамен равенства супругов или отказаться от признания ребенка субъектом права. Ориентация на традиционные ценности, под которыми понимаются исторически присущие российскому обществу семейные ценности, поиск идентичности, должна согласовываться с дальнейшим развитием общества. Поэтому разработка и закрепление семейно-правовых ценностей должны проходить в рамках классического или традиционного модернизма. Традиционный модернизм – это концепция, которая позволяет нам одновременно сочетать призыв к традиционности и развитию [Муравьева 2014: 636]. Он пропагандирует сохранение классических семейных ценностей, не отменяя тех, которые эволюционировали в процессе развития российского общества, а также тех, которые были интегрированы в результате ратификации международных документов.

Современные правовые инициативы должны быть основаны на позитивных правовых технологиях, поскольку считаются лучшим и адекватным способом обеспечения стабильности.

Несмотря на наши выводы, мы воздерживаемся от утверждения, что семейно-правовые ценности будут служить вечным источником культурного различия и противостояния и оставаться мерилом этого различия.

Литература

Баласян Л. Минпросвещения решило проводить «Разговоры о важном» для родителей [Электронный ресурс] : Ведомости. 2022. 19 февраля. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/02/19/963547-razgovori-vazhnom-roditelei> (дата обращения: 16.02.2024).

Всемирное исследование ценностей [Электронный ресурс] : База данных WVS. 2022. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp?CMSID=findings> (дата обращения: 16.02.2024).

Де Оливейра Г. Европейское семейное право? Сыграйте еще раз... Европа! В «Гражданском кодексе для Европы» [Электронный ресурс]. 2002. С. 117–126. URL:

<https://www.guilhermedeoliveira.pt/resources/Um-direito-da-familia-europeu.pdf> (дата обращения: 16.02.2024).

Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] : Резолюция 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 16.02.2024).

Зарубина Н. Н. Социология хозяйственной жизни: Проблемный анализ в глобальной перспективе. М. : Логос, 2006.

Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. Резолюция от 16 сентября 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения: 16.02.2024).

Кан-Фройнд О. Об использовании и злоупотреблении сравнительным правом [Электронный ресурс]. 1974. URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/5659735/mod_resource/content/1/Khan_Freund_comparative_law_misuses_uses.pdf (дата обращения: 16.02.2024).

Митрофанова А. В. Духовно-нравственные ценности как гражданская религия современной России // Век глобализации. 2019. № 1(29). С. 96–111.

Муравьева М. Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы традиции и модерну в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 4. С. 625–640.

Об удовлетворении искового заявления об устранении препятствий в общении с внуком, которые создавал отец ребенка, и определении порядка и графика данного общения. Решение Вологодского городского суда по делу № 2-2253/2018. [Электронный ресурс]. URL: https://sevconsult.ru/26.03.2018_babushka.html (дата обращения: 16.02.2024).

Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

Послание Путина Федеральному Собранию. Главное. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/02/2019/5c6d1add9a7947c08b7e1a93> (дата обращения: 16.02.2024).

Спиридонова В. И. Императив возврата к национальной идентичности как фундамент полицентричного мира // Век глобализации. 2020. № 2(34). С. 33–44.

Шварц С. Х. Обзор теории базовых ценностей Шварца. Онлайн-чтения по психологии и культуре [Электронный ресурс]. 2012. URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/11/> (дата обращения: 16.02.2024).

ЮБИЛЕИ

АСКАРУ АКАЕВИЧУ АКАЕВУ – 80 ЛЕТ

10 ноября 2024 г. отметил свой 80-летний юбилей Аскар Акаевич Акаев – выдающийся ученый, всемирно известный политический и общественный деятель, первый президент Киргизской Республики, академик Киргизской академии наук, иностранный член Российской академии наук, лауреат Международной премии мира Гузи, почетный профессор ряда зарубежных университетов, доктор физико-математических наук, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, член Международного редакционного совета и постоянный автор журнала «Век глобализации».

Аскар Акаевич активно занимается математическим моделированием и прогнозированием глобальных экономических процессов, что отражает его научные интересы и уникальный опыт в этой области. Он автор серии известных работ по глобальной тематике, в которых рассматриваются важные аспекты мировой динамики, экономического и социального развития. Вот только некоторые из них:

– «Математические модели для прогнозирования большого цифрового цикла развития мировой экономики (2020–2050 гг.)» (2023) – в этой монографии систематически изложены математические основы цифровой экономики и проанализирована инновационно-циклическая теория долгосрочного экономического развития, что позволяет прогнозировать экономические тренды на глобальном уровне.

– «От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции» – в этой книге А. А. Акаев моделирует процессы перехода от дивергенции к конвергенции

в мировой экономике, прогнозируя, что к 2050 г. центр мирового производства вернется в Азию, включая Китай и Индию.

– «Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики» (2014) – эта работа включает результаты моделирования развития стран БРИКС и их роли в глобальной экономике, исследуя современные тенденции и перспективы.

– «Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС» (2010) – книга посвящена анализу текущего системного кризиса и проектам будущего для мира, включая сценарии развития до 2030–2050 гг.

Большой научный интерес вызывают также его статьи высочайшего теоретического уровня, опубликованные в журнале «Век глобализации», среди которых: «Вызовы глобального демографического перехода и неотложность стратегических решений»; «Проблемы и риски динамичного развития стран БРИКС»; «О начале фазы подъема шестой кондратьевской волны и проблемах глобального устойчивого роста»; «Процесс зарождения нового справедливого многополярного мироустройства и перспективы его становления» и др. Эти и другие работы А. А. Акаева подчеркивают его особо значимый вклад в понимание глобальных процессов, что способствует также развитию образовательных программ и исследований в области глобалистики.

Отмечая выдающиеся общественно-политические заслуги и научные достижения, неоценимый вклад в развитие глобалистики и подготовку молодых ученых в этой области, а также коммуникабельность и замечательные человеческие качества Аскара Акаевича Акаева, редколлегия и международный редакционный совет журнала «Век глобализации» сердечно поздравляют его с 80-летием, желают ему крепкого здоровья, успехов, благополучия и новых творческих достижений!

IN MEMORIAM

Александр Борисович Вебер
(21.03.1929 – 28.06.2024)

Редколлегия журнала «Век глобализации» с прискорбием сообщает, что на 96-м году ушел из жизни член международного редакционного совета и постоянный автор нашего журнала, выдающийся советский и российский ученый, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН Александр Борисович Вебер.

Он родился в Москве, окончил исторический факультет Московского государственного университета в 1952 г. и свою карьеру начал в качестве учителя средней школы. Затем с 1956 по 1963 г. работал научным сотрудником в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). В тот период он специализировался на социально-экономической истории Западной Европы. С 1963 по 1966 г. был редактором журнала «Проблемы мира и социализма», а затем до 1990 г. был консультантом Международного отдела ЦК КПСС. В 1990–1991 гг. работал в аппарате президента СССР. С 1992 г. А. Б. Вебер был сотрудником Горбачев-Фонда, а с 1996 г. – главным научным сотрудником Института социологии РАН. Его научные интересы охватывали темы классовой борьбы, рабочего движения и социально-экономических процессов в условиях современного глобального мира. Александр Борисович оставил яркий след своими исследованиями не только в области социологии и социально-экономической истории, но и в глобалистике, опубликовав более 200 научных работ (включая несколько монографий), в том числе серию замечательных статей в журнале «Век глобализации»:

- «Глобальное изменение климата: кто виноват и что делать?»;
- «Современный мир и проблема глобального управления»;

- «Человечество перед глобальным экологическим вызовом»;
- «В поисках новой парадигмы развития»;
- «Страсти по климату. Кто и почему против борьбы с глобальным потеплением?»;
- «Исследование социального прогресса: глобальное измерение и вызовы для политики»;
- «Экология и общественное сознание: трудный путь к устойчивому развитию»;
- «Экологические императивы и притязания гегемонизма»;
- «Общество и природа: трансформации взаимодействия и эволюция интерпретаций»;
- «Капитализм и социализм в изменившемся мире: парадокс конвергенции».

А. Б. Вебер был одним из наиболее активных членов редсовета нашего журнала и постоянным участником научных мероприятий по глобальной тематике, в частности междисциплинарного семинара «Актуальные проблемы глобалистики». Выражаем искренние соболезнования родным и близким Александра Борисовича Вебера.

Редколлегия и редсовет журнала «Век глобализации»

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14); сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

В списке *Литература*: Кляйн Н. Доктрина шока. М. : Добрая книга, 2011.

В списке *References*: Klein N. Doktrina shoka [The Shock Doctrine]. Moscow : Dobraya kniga, 2011.

В списке *Литература*: Лукьяненко В. И. Homo Consúmens – человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2. С. 149–159.

В списке *References*: Lukyanenko V. I. Homo Consúmens – chelovek potreblayushchiy [Homo Consúmens – A Consuming Man] // Vek globalizatsii. 2009. No. 2. Pp. 149–159.

В списке *Литература*: Шишков Ю. В. Мировоззятийственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

В списке *References*: Shishkov Yu. V. Mirohozyaistvennyy mekhanizm: dvizheniye k globalizatsii [TheWorld-Economic Mechanism: A Move to Globalization] // Mirovaya ekonomika: globalnyye tendentsii za 100 let [World Economy: Global Trends for the Century] / ed. by I. S. Korolyov. Moscow : Ekonomist, 2003. Pp. 25–47.

В списке *Литература*: Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

В списке *References*: Beck U. Kosmopoliticheskoye obshchestvo i ego vragi [Cosmopolitical State and its Enemies] // Jurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2003. Vol. VI. No. 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (accessed: 14.03.2011).

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

Статьи, имеющие признаки сгенерированных (написанные с помощью нейросети), к публикации в журнале не допускаются.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк), ключевые слова к ней и авторская справка на русском и английском языках, а также данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

Журнал «Век глобализации» внесен в список журналов, входящих в базу данных RSCI, а также в перечень ведущих рецензируемых научных изданий ВАК.

«Век глобализации».

1(53), 2025. – 192 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*

Корректоры *Н. И. Тихонова, Р. Ш. Эсанни*

Верстка *О. И. Вереницыной, М. И. Кухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»

400059, г. Волгоград, а/я 114.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 14.03.2025. Дата выхода: 28.03.2025

Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12.

Тираж 1000 экз.

Оригинал-макет предоставлен издательством.

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5

Заказ № 211935.